

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 2/3

2021

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 2/3

2021

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№2/3 (25/26)

E-journal «Perspectives and prospects»
№2/3 (25/26)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая — кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая — доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая — кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова — доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина — доктор исторических наук;
П.П. Яковлев — доктор экономических наук;
А.В. Щербина — кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2021

Содержание:

Мировоззрение и политика: прошлое, настоящее, будущее

Екатерина НАРОЧНИЦКАЯ. Идейное наследие Шарля де Голля. II.
Национальная парадигма. Часть 1. Понимание национальных реальностей..... 7

Екатерина НАРОЧНИЦКАЯ. Идейное наследие Шарля де Голля. II.
Национальная парадигма. Часть 2. Концепт величия Франции..... 25

Наталья ТРАВКИНА, Владимир ВАСИЛЬЕВ. Деамериканизация США:
истоки и последствия..... 34

Россия в международных отношениях

Юрий ТАВРОВСКИЙ. Русско-китайские договоры: вехи и зигзаги истории. Часть I.
От XVII в. до Второй мировой войны..... 51

Юрий ТАВРОВСКИЙ. Русско-китайские договоры: вехи и зигзаги истории. Часть II.
1945–2021 66

Американские досье

Наталья ТРАВКИНА, Владимир ВАСИЛЬЕВ. Фундаментальная наука в США:
культурологическая составляющая..... 83

Европейские страны в региональных и глобальных процессах

Петр ЯКОВЛЕВ. Испания и Португалия в силовом поле глобализации
и регионализации..... 100

Наиля ЯКОВЛЕВА. Председательство Португалии в Совете Евросоюза
на фоне «европейской усталости»..... 115

Элла ЗАДОРЖНЮК. Провокация во Врбетице: опасные повороты чешской
нанополитики..... 129

В круге ближнем

Антон КРУТИКОВ. «Часть депутатов колебалась до последнего момента».
На пути к украинской независимости..... 142

Экономические доминанты

Владимир КОНДРАТЬЕВ. Перспективы финансового капитализма..... 160

Authors 178

Abstracts and Keywords 179

Contents:

Values and Ideas in Politics: Past, Present, Future

Ekaterina NAROCHNITSKAYA. The Ideological Legacy of Charles de Gaulle. II.
National Paradigm. Part 1. An Understanding of National Realities..... 7

Ekaterina NAROCHNITSKAYA. The Ideological Legacy of Charles de Gaulle. II.
National Paradigm. Part 2. A Concept of France's Greatness 25

Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV. De-Americanization of the USA:
Causes and Consequences 34

Russia in International Relations

Yury TAVROVSKIY. Russian-Chinese Treaties: Milestones and Zigzags of History. I.
From the 17th century to World War II..... 51

Yury TAVROVSKIY. Russian-Chinese Treaties: Milestones and Zigzags of History. II.
1945–2021 66

American Dossiers

Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV. Basic Science in the USA:
A Cultural Perspective..... 83

European Countries in Regional and Global Developments

Petr YAKOVLEV. Spain and Portugal in the Power Field of Globalization
and Regionalization 100

Nailya YAKOVLEVA. Portuguese Presidency of the Council of the European Union
amid "European Fatigue" 115

Ella ZADOROZHNYUK. Provocation around Vrbětice: Dangerous Turns
in Czech Nanopolitics..... 129

In the Near World

Anton KRUTIKOV. "Some deputies hesitated until the last moment."
On the road to Ukrainian independence 142

Economic Highlights

Vladimir KONDRATEV. The Future of Financial Capitalism 160

Authors 178

Abstracts and Keywords 179

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПОЛИТИКА:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

УДК 94(44); 323

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-7-24

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Идейное наследие Шарля де Голля. II. Национальная парадигма

Часть 1. Понимание национальных реальностей

Аннотация. Кредо Ш. де Голля в национальном вопросе не сводилось к жертвенному патриотизму, провиденциально-романтическому образу Франции, ее независимости и особой международной роли («величию»). Национальные реальности были отрефлексированы основателем голлизма во многих аспектах. У него сложилось свое, характерное для его мышления, понимание национального начала в развитии европейской и мировой цивилизации, которое препарировало, корректировало, интегрировало различные доктрины, отсекая крайности, редукционизм, абсолютизацию. Будучи историческим деятелем, а не кабинетным теоретиком, первый президент Пятой республики не стремился оформить свои размышления в виде отдельной теории. Однако его системный подход к национальному измерению в рамках политической философии содержит немало важный теоретический посыл. В статье исследуются ключевые элементы «французской идеи» де Голля, его видение национальной истории, взгляды на становление французской нации и ее идентичность, на роль и будущее национально-государственных структур в целом.

Ключевые слова: Ч. 1. Ш. де Голль, голлизм, политическая философия де Голля, Франция, теории нации, национальная идея, понимание национальных реальностей, национализм, национальная идентичность, французская нация, французская идентичность, будущее наций и государств.

Феномен памяти о первом президенте Пятой республики в сегодняшней Франции, его сохраняющееся ментальное влияние, специфика его политической философии, о которых шла речь в предыдущей статье¹, побуждают к дальнейшему изучению и осмыслению не только исторической роли, но и концептуального наследия этого выдающегося деятеля. Стоит отметить, что при рассмотрении такой темы одновременно

1 Нарочницкая Е.А. Идейное наследие Шарля де Голля. I. Парадоксы восприятия, исторической памяти, политической философии // Перспективы. Электронный журнал. 2020–2021. N 4/1 (24/25). С.80–94. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/130/4_01_2021_10_80_94.pdf

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор сетевого научного журнала «Перспективы. Электронный журнал»; кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.

востребованы оба взаимосвязанных, но разнородных и в основном применяемых раздельно системных контекста — реально-исторический и когнитивно-мировоззренческий. Причем второй — в данном случае центральный — применительно к Шарлю де Голлю исследован в несравненно меньшей степени, чем первый.

Его политическое кредо чаще всего отождествляется с несколькими ключевыми концептами, в том числе и едва ли не в первую очередь — с принципами национальной самостоятельности и международного влияния («величия») Франции. Приоритетность для основателя голлизма национальных ценностей, интересов и задач сама по себе неоспорима. Вместе с тем содержание его «французской идеи» выходит далеко за рамки абстракций национального суверенитета и великодержавности, а смысл последних в понимании де Голля вполне раскрывается лишь во взаимосвязи с другими аспектами его подхода к национальному началу и его общей (внешне)политической парадигмы.

Жертвенный патриотизм и не только

В центре пристрастий, интересов и стремлений создателя Пятой республики находилась Франция. Не случайно свои знаменитые «Военные мемуары» он начинает с изложения собственного представления о ней, а это представление — с ее романтического сравнения с принцессой и мадонной на средневековой фреске. Проникновенность этого образа, его метафизичность, в целом характерный для де Голля мотив персонификации родины не раз провоцировали язвительные комментарии обладателей иного склада ума. Английский публицист и парламентарий Чарльз Уильямс в известной российскому читателю биографии «последнего великого француза» назвал начальный фрагмент «Военных мемуаров» «удивительно детским», а о деголлевском отношении к своей стране и ее истории отозвался так: «Для американцев и в меньшей степени для британцев все это являлось мистикой, доведенной до абсурда...» [Уильямс, с. 411, 418]. К «экзальтации», характерной для французской католической среды начала XX в., сводит деголлевское «представление о Франции», например, и нынешний глава комитета Национального собрания по международным делам Жан-Луи Бурланж [Bourlanges].

Для де Голля же эмоционально-метафизическая сторона национального сознания имела принципиальное значение — наряду с измерением рациональным. Более того, их соединение, судя по всему, было им тщательно отрефлектировано и поднято на щит вполне сознательно. В первых же строках «Военных мемуаров» он специально оговаривает, что его *idée de la France* имеет двойственное основание: эмоционально-образное и рациональное.

Большинству его соотечественников это было глубоко созвучно. И сегодня, вспоминая де Голля, во Франции порой с солидарностью цитируют слова создателя школы «Анналов» Марка Блока, написанные в 1940 г.: «Есть две категории французов, которым никогда не понять историю Франции: те, кого не охватывает дрожь при воспоминании о короновании в Реймсе, и те, кто без волнения читает рассказ о празднике Федерации (первой годовщины взятия Бастилии. — Е.Н.)» [см. напр.: Passerieux].

Ощущение связи со страной на эмоционально-духовном уровне, выражающееся в ее персонифицированном образе, предстает у де Голля одной из конституирующих основ национальной общности. А это — вполне рациональная констатация роли сознания, включая его внерациональные аспекты, в общественных конфигурациях. Этот фактор занимает центральное положение во многих философских и социологических разработках национальной темы. «Сообществом, основанным на чувстве» и стремящимся к воплощению в государственной форме, называл нацию Макс Вебер (с которым у де Голля было немало и других идейных точек соприкосновения). В духе близкой логики член Французской академии, историк и писатель Макс Галло на рубеже XXI в. напоминал, что «нация не существует и не выживает, если ее не любят»¹.

Будучи еще 23-летним лейтенантом, де Голль в одной из своих первых лекций перед солдатами назвал патриотизм «самым бескорыстным и благородным чувством», добавив: «Я думаю, что никакая другая человеческая любовь не вдохновляется такой самоотверженностью» [Арзаканян, с. 21]. В этом суждении явно выразилось осознание его собственного отношения к отечеству — отношения, которое оставалось ему присуще до конца жизни. «Как и Вы, я поклоняюсь лишь Богу и, как и Вы, сильнее всего люблю Францию», — отмечал де Голль уже на склоне лет в одном из писем [цит. по: Gaulle, Guaino, p. 39]. Интересы Франции были «неотделимы» от его «собственного существования» [Голль Мемуары надежд, с. 245–246] не только в его мемуарах, но и в действительности.

Силу и искренность деголлевского патриотизма не ставили под сомнение даже противники. «Невозможно любить Францию больше, чем любил ее он», — признал после кончины первого главы Пятой республики его ярый в ту пору оппонент Франсуа Миттеран [D'un président à l'autre...]. В том, что главным мотивом деятельности самого прославленного француза XX в. были не личные амбиции, а служение родине, сходятся разные аналитики, включая тех, кто критически оценивает многие аспекты его политики — как, например, Ч. Уильямс².

«Полный решимости восстановить национальную независимость страны с учётом качественно новых реальностей середины XX в., — пишет о де Голле Ю.И. Рубинский, — он был готов, в случае необходимости, идти на острые конфликты со своей социальной средой, союзниками за рубежом, наконец, переступить через многие собственные чувства и убеждения» [Рубинский, с. 359]. А М. Галло в своих известных биографиях

1 Gallo M. L'amour de la France expliqué à mon fils. P. 1998.

2 Один из таких критиков, Ч. Уильямс, пишет, не совсем точно формулируя, об основных принципах де Голля: «Первое — это абсолютное верховенство, выше любых политических императивов, интересов Франции. Здесь не могло быть компромиссов, никакого отхода от принципа с учетом временных настроений или личных амбиций...» [Уильямс, с. 414]. На самом деле де Голль многократно шел на допустимые, с его точки зрения, компромиссы с учетом обстоятельств, а наивысшим политическим императивом, выше интересов государства, для него было народное волеизъявление, что он сам разъяснял и доказал в 1969 г.

выдающихся личностей противопоставил «звездному индивидуализму» Наполеона «жертвенность деголлевского патриотизма»¹.

Уже первые шаги де Голля на политическом поприще в июне 1940 г. — его одинокий бунт против капитулянтской линии правительства, за который он был приговорен вишистским трибуналом к смертной казни — показали и эту жертвенность, и другие черты его национального мировоззрения. Стоит обратить внимание на триаду, к которой де Голль несколько раз апеллирует в историческом воззвании 22 июня: «честь, здравый смысл, высшие интересы Отечества»². Три этих понятия отсылают к трем ключевым измерениям в его политическом мышлении: морально-ценностному, реалистическому, национальному — и одновременно к особенностям его национальной идеи. Аффективный идеализм переплетался в ней с моральными императивами и трезвой рациональностью, свойственной де Голлю в неменьшей степени, чем идеалы.

Национальная идея

Кредо де Голля в национальном вопросе не ограничивалось патриотизмом и «мистически-провиденциальным» образом Франции. Как будет показано далее, национальный принцип был им рационально осмыслен в эмпирическом ракурсе, отчасти концептуализирован и, более того, встроен в его политические проекты в качестве одной из несущих опор. Наследник французской национально-ориентированной (и/или националистической) мысли, де Голль представлял и развивал свою версию национализма — национализма не в обыденном понимании термина (шовинизм, национальный эгоцентризм, самозамыкание на национальной теме и т.п.), а в том базовом нейтральном значении, хорошо известном в философии и политологии, в котором «национализм» обозначает те или иные императивы, исходящие из признания ценности национальных структур.

Однако, учитывая высокую амбивалентность категории «национализм» и отрицательную нагруженность ее массово распространенных смыслов — к де Голлю малоприменимых, — отнесение голлизма и его основателя к национализму без многочисленных оговорок рискует скорее дезориентировать. Сам де Голль не ассоциировал себя с этим термином, в отличие от многих идеологов и адептов национализма. По воспоминаниям его военного сподвижника, писателя Ромена Гари, он подчеркнуто разделял «патриотизм — любовь к своим» и «национализм — ненависть к чужим». К тому же национальное измерение не было единственной — заслоняющей все остальное — доминантой его политического мировоззрения, гораздо более широкого. По всем этим соображениям нами используется в данном случае нейтральное понятие «национальная идея».

Не приходится сомневаться, что де Голлю, с его исключительной для политика и военного эрудицией, была так или иначе известна палитра национальных доктрин, получивших развитие во Франции и остальной Европе начиная с XVIII в. В первом

1 Chevènement J.-P. Max Gallo, la fierté d'être français. — URL: fondation-res-publica.org/Max-Gallo-la-fierté-d-etre-francais_a1067.html (date of access: 15.09.2021)

2 Gaulle Ch. de. Appel prononcé à la radio de Londres 22 juin 1940 // Digithèque de matériaux juridiques et politiques. — URL: mjp.univ-perp.fr/textes/degaulle22061940.htm (date of access: 15.06.2021).

ряду историков и философов, чьи труды он прочел еще в годы учения, называют Жюля Мишле, Эрнеста Ренана, Ньюма Дени Фюстель де Куланжа, а все они, в разном ключе, уделяли особое внимание концептуализации национального вопроса. Кроме того, будущий глава государства с юности интересовался философией и углубленно изучал не только французскую, но и немецкую философскую (не говоря уже о военной) мысль.

Его формирование начиналось в атмосфере патриотического подъема и националистических эксцессов рубежа XIX–XX вв., ощущения надвигавшейся большой войны, страстных споров, порожденных делом Дрейфуса. В консервативно-католической среде, к которой принадлежали родители де Голля, многим импонировал монархический традиционализм Ш. Морраса, известного идеолога «интегрального национализма». В глазах левых и либералов такие семейные корни уже были основанием для настороженного, если не враждебного отношения. «Известно, откуда пришел генерал, известно, что его мать видела в Леоне Блюме что-то вроде антихриста... Однако...», — эти строки современного биографа де Голля Эрика Русселя, близкого к левой среде [Roussel, p. 75], говорят сами за себя, напоминая о сохраняющейся инерции взаимной нетерпимости идейных лагерей во французском обществе.

Отдельные аналитики вновь и вновь с пристрастием искали у основателя Пятой республики следы интереса и восприимчивости к моррасизму. Но, как бы ни обстояло дело с интересом, известно, что тот никогда не разделял ни идеи реставрации старых порядков, ни антисемитизм лидера «Аксьон Франсэз». В целом же фундаментальная разница между моррасизмом и голлизмом как нельзя рельефнее проявилась в историческом расколе и противостоянии между режимом Виши, который получил поддержку Морраса, и созданной де Голлем «Свободной Францией».

Впрочем, намного чаще де Голля ассоциировали с Морисом Барресом — эмблематичной фигурой не монархического, а право-республиканского национально-патриотического нарратива последней трети XIX — первой четверти XX в. Начав с воспевания свободы личности, Баррес бичевал парламентский режим Третьей республики и пренебрежение к культурно-историческим корням — «почве». С «эмоциональным» национализмом барресовского типа отождествляли де Голля авторы уже давних известных исследований голлизма Жан Тушар и Жан-Кристиан Петифис, не вдаваясь, впрочем, в разбор оснований для этого [Touchard, pp. 305, 313; Petitfils, p. 42]. Стереотип закрепился, хотя де Голль, как показало позже изучение его писем и дневников, ценил в Барресе литературный талант и «страстность мысли», но и только. Вопрос об идейных параллелях между ними выглядит неоднозначно и современными исследователями решается весьма по-разному, в зависимости от их собственного прочтения наследия обоих¹.

1 К примеру, у таких биографов де Голля, как Эрик Руссель и Жерар Барди, и сам «барресовский национализм» и степень близости к нему деголлевской концепции предстают в весьма разном свете [Roussel; Bardy].

Установленным фактом, подтвержденным самим де Голлем, можно считать идейное влияние на него поэта и публициста-мыслителя начала XX в. Шарля Пеги. В юности социалист-атеист, затем невоцерковленный католик, Пеги внес в размышления о судьбах Франции нетривиальные трактовки левых и правых ценностей, свободы и ответственности, патриотической героики и самокритики, переосмысления векторов прогресса и ренессанса христианских истоков французской идентичности.

Но каковы бы ни были интеллектуальные источники и степень их воздействия — в целом источников было множество, и это отдельная обширная тема, — у де Голля сложилось свое видение национального начала, весьма характерное для его мышления в целом. Не выходя за совокупные пределы существующих теоретических направлений, оно по-своему интегрировало, препарировало, корректировало их элементы, отклоняя редуционизм, крайности, абсолютизацию. Не склонный к отвлеченному теоретизированию и сторонившийся доктринерства, де Голль не стремился формулировать собственную теорию нации, однако его подход к национальному измерению в рамках политической философии, безусловно, содержит теоретический посыл.

Национально-историческое сознание

В специфически французском контексте особое значение имело то, что де Голль принимал прошлое и идентичность страны в их исторической полноте и многоаспектности — в противовес двум мощным идейным традициям, глубоко и надолго расколовшим французов: правой, почвенно-национальной, изначально роялистско-католической, отрицавшей наследие Революции 1789 г., с одной стороны, и левой, антирелигиозно-республиканской, отождествлявшей Францию с Республикой и привнесенными ею ценностями — с другой. Преодоление антагонизма двух этих концепций оказалось во Франции чрезвычайно долгим и трудным процессом, окончательно так и не состоявшимся. К идеологам такого преодоления относились вышеупомянутые Ш. Пеги и (по крайней мере, поздний) М. Баррес, видевшие во французской нации надыдеологическую общность, охватывающую все без исключения течения и особенно востребованную в ситуациях крупных исторических вызовов. Этой теме была посвящена, в частности, одна из последних книг М. Барреса — «Различные идейные направления Франции» (*Les Diverses familles spirituelles de la France*. P. 1917), которую считают политическим завещанием автора.

Де Голль воспринял и с самого начала своей политической деятельности продвигал этот объединяющий подход. В годы Второй мировой войны он противопоставил его в качестве единственной конструктивной антитезы петеновскому национализму, который дегенерировал в коллаборационизм и национальное фиаско не столько из-за отсутствия воли к борьбе с внешней агрессией, парализовавшего леволиберальную часть Франции, сколько на идеологической правоконсервативной почве.

Конкретные различия в национально-историческом нарративе Петена и де Голля подробно прослежены в компаративном исследовании британского историка

К. Флуда. Речи главы «Свободной Франции» не случайно кардинально отличались от дискурса Виши ссылками на персонажей «как дореволюционной, так и послереволюционной истории» — такая выборка была призвана показать «сущность французской нации как единой общности, создающей и воспроизводящей себя в веках» [Flood, p. 108].

Объединяющая парадигма национального сознания стала одним из идейных стержней голлизма. Во многом благодаря этому в Пятой республике и удалось достичь относительного внутреннего консенсуса и стабильного функционирования политической системы. По меткому замечанию оксфордского профессора С. Хазаресингха, «де Голль республиканизировал правых и национализировал левых»¹ [Hazareesingh]. Впрочем, эта эффектная формула верна лишь с оговорками и для сравнительно недолгого этапа.

Правый республиканизм и осмысление национального прошлого в его цельности, разумеется, существовали во Франции задолго до голлизма, но именно голлизм осуществил их безусловную акцептацию в правой политической культуре. «Национализация левых» же оказалась более поверхностной и непрочной. В левой культуре еще с XIX в. преобладали умонастроения, которые Ж.-П. Шевенман, долго входивший в элиту соцпартии, назвал «глубочайшей враждебностью к национальной идее и всему, что ее напоминает» [Chevènement, Fourier]. И в преддверии XXI в., на волне глобалистских и постмодернистских веяний, подавляющее большинство французских левых вместе с либеральным центром с готовностью отправили национальную парадигму в архив истории.

Все это зримо проявилось в провальной дискуссии о французской идентичности, инициированной в 2009 г. министром иммиграции и интеграции Эриком Бессоном при поддержке президента Николя Саркози. Левые тогда либо бойкотировали теледебаты, либо заявляли, что у Франции нет иной идентичности, кроме ценностей свободы-равенства-братства, прав человека и демократии, и сама постановка вопроса о культурно-исторических и прочих ее компонентах является позором. В последние три десятилетия раскол по этой линии, который так стремился преодолеть де Голль, вновь усиливается, а процессы иммиграции, европейской интеграции и прессинг новых мировоззренческих догм придают ему новые аспекты и особую остроту.

Национальный генезис и идентичность

В более общем теоретическом контексте деголлевское видение расходилось со стереотипными классическими моделями нации с их редуционизмом, эксклюзивными противопоставлениями или застывшими иерархиями отдельных факторов: приматом либо гражданско-политических, либо этнокультурных составляющих. Франция (о ко-

¹ Цит. по: Graz D. Sudhir Hazareesingh, Le mythe gaullien // lelitteraire.com. 29.10.2012. — URL: lelitteraire.com/?p=3788 (date of access: 26.10.2021).

торой де Голль писал и говорил больше всего) была для него единством и тех, и других аспектов. «Франция как государство и как нация», «Франция как цивилизация и как государство» — подобные подчеркнута двуединые формулы не раз встречаются в его выступлениях и текстах.

Не вписывались его взгляды и в общую матрицу леволиберальной и марксистской парадигмы (ее последними общеизвестными представителями были Э. Геллнер и Э. Хобсбаум), рисующей нации сравнительно недавним продуктом эпохи модерна, или индустриального капитализма, что не мешало де Голлю признавать роль политических, социальных и экономических процессов Нового времени в национальной консолидации. Если же взглянуть через призму деголлевской логики на современные конструктивистские теории нации, то очевидно, что, каким бы правомерным ни казался или ни был сам по себе анализ механизмов формирования («конструирования») национального сознания, редукционизм конструктивистов, их самозамыкание на ментальных реальностях как «конструктах» и подведение на этой узкой основе к «искусственности» и деконструируемости «воображаемых» национальных общностей могли бы вызвать у де Голля лишь глубокий скепсис.

Его разрозненные замечания о разных странах и народах подводят к иной парадигме, исходящей из идеи многомерности и многовариантности национального генезиса и развития в темпоральном и иных планах [см.: Нарочницкая Национализм: история...]. Национальная общность в этом ракурсе складывается из подвижного взаимодействия всевозможных факторов, роль которых меняется во времени: культурно-цивилизационных, гражданско-политических, экономических, этнических, геоприродных и — на самом глубинном уровне — антропологических, прежде всего общеантропологических, проистекающих из духовной природы человека и его потребностей.

Национальная общность не извечна, но существует в исторической протяженности и не сводится к сумме составляющих ее в каждый данный момент индивидов, охватывая предшествующие и будущие поколения, так же как государство не сводимо к сменяющимся в нем режимам власти. Это цепь поколений одного народа — акцент здесь сделан не на прошлом, как у идеологов почвенного национализма, не на настоящем, как у адептов «гражданской нации» (по Э. Ренану, «нация есть ежедневный плебисцит»), не на будущем, не зависящем от прошлого или даже его отвергающем, как у идеологов постнациональности (и трансцивилизации), а в равной мере на прошлом, настоящем и будущем.

В качестве иллюстрации можно привести известный отрывок из деголлевских «Мемуаров надежды», в который имеет смысл вчитаться заново, имея в виду, что при кажущейся банальности каждая фраза здесь относится к тому или иному дискуссионному (для теоретиков и идеологов) аспекту национального феномена: «Франция возникла из глубины веков. Она существует [в оригинале «живет»]. Ее зовут грядущие столетия. Но всегда, во все времена, Франция оставалась сама собой. Границы Франции могли

меняться, однако оставались неизменными ее рельеф, климат, реки и моря, наложившие на нее особый отпечаток. Ее населяли народы, которые сталкивались на протяжении истории с самыми разнообразными испытаниями, но природа вещей, используемая в политике, беспрестанно создавала из них единую нацию. Нация эта существует уже на протяжении многих поколений. И сейчас она состоит из нескольких поколений и породит еще много новых. Но благодаря присущим стране географическим особенностям, благодаря гению населяющих ее рас, благодаря окружающим ее соседям эта нация обрела свойственный ей определенный характер, который заставляет французов в любую эпоху зависеть от своих отцов и нести ответственность за своих потомков. И пока оно не распалось, это единство людей обладает, следовательно, на этой территории, в рамках этого мира своим прошлым, своим настоящим, своим будущим, составляющим неразрывное целое...» [Голль Мемуары надежд, с. 9]. В этом эскизе есть образ Франции как живой коллективной реальности, но он далек от органистического подхода, уподобляющего социальные структуры биологическому организму с заданными функциями отдельных частей. Отсутствует в нем и метафизичность, он прежде всего эмпиричен, историчен, рационален.

Возникновение французской нации де Голль связывал не с ее провозглашением в ходе Революции 1789 г., как это делали французские левые, и не с эпохой модерна, капитализма, Вестфальской системы, как утверждала возобладавшая с середины XX в. модернистская школа западной социологии (передавшая затем эстафету конгломерату инструментализма, конструктивизма, концепций «воображаемых сообществ» и постнационального мультикультурализма). Рождение Франции, как и многих других наций, де Голль относил к гораздо более давнему и более протяженному периоду. Притом ему представлялось очевидным, что датировать этот процесс однозначно и односложно невозможно в принципе.

Некоторых озадачивало, что, упоминая в разных контекстах о длительности французской истории, де Голль называл то 20, то 15, то 10 веков. Его доверенный собеседник, пресс-секретарь, затем министр информации Ален Пейрефит вспоминает, что когда он спросил президента, почему так, тот ответил «с обезоруживающей ясностью», как отвечают на «глупый вопрос» о само собой разумеющемся: «20 веков — это Верцингеторикс [предводитель галлов в Галльской войне против Рима. — Е.Н.]: он был первым лицом сопротивления нашей расы. 15 веков — это Кловис [Хлодвиг I]: поженив романскую Галлию с христианством, этот король франков действительно создал Францию. 10 веков — это Гуго Капет: он основал династию, которая расширила первоначальную территорию до ее шестиугольных очертаний» [Peyrefitte V. III, p. 623–624].

В этой поливалентной характеристике возраста Франции отразился стоящий за ней в качестве логической посылки концептуальный тезис: процесс национального генезиса многогранен, и даже основные его измерения (в данном случае этнические, культурно-религиозные, политико-территориальные) закономерным образом имеют разные временные параметры.

Обращают на себя внимание и упоминаемые А. Мальро слова де Голля о Наполеоне: «крайне важно то, что он сделал из французов» [Malraux André Malraux parle...]. Расшифровать их смысл, зная французскую историю, нетрудно. Наполеон осуществил синтез «возникшей из глубины веков» монархической Франции с принципами, привнесенными Революцией 1789 г., соединил две Франции — «правую» и «левую» — и тем самым «сделал» современную французскую идентичность. Возможны, наверное, и другие толкования, но, учитывая фундаментальное значение, которое де Голль придавал преодолению односторонности и антагонизма правой и левой идеологии, именно это приходит на ум в первую очередь. С точки зрения же национальной теории, такая оценка Наполеона говорит, что де Голль видел в национальной идентичности феномен одновременно преемственный и динамичный, способный обретать в ходе истории новые конституирующие элементы (в данном случае идейные) — при условии их слияния с определенными старыми.

В контексте беспрецедентно усилившихся во Франции противоречий вокруг иммиграции, ислама, социетальных инноваций, в целом векторов цивилизационного развития страны и Европы крайне чувствительным сюжетом (полутабуированным в публичном дискурсе) являются взгляды де Голля на культурно-религиозные, этнические и другие исторические составляющие французской идентичности.

В своей известной книге «Таким был де Голль» (“C’était de Gaulle”) А. Пейрефит приводит слова, сказанные ему президентом в 1959 г. в связи с дилеммой статуса Алжира и перспективами массовой иммиграции: «Замечательно, что есть желтые французы, черные французы, коричневые французы. Они показывают, что Франция открыта для всех рас, что она имеет всемирное призвание. При условии, что они остаются незначительным меньшинством. Иначе Франция больше не будет Францией. Все же мы прежде всего — европейский народ белой расы, греческой и латинской культуры и христианской религии» [Peyrefitte. Т. 1].

Когда в 2015 г. евродепутат от партии «Республиканцев» Надин Морано процитировала последнюю фразу в телеэфире, на нее это навлекло громы и молнии. А некоторые из почитателей де Голля даже выразили сомнение в «репрезентативности» свидетельства Пейрефита. Однако упоминания о расовой и цивилизационной принадлежности как французов, так и других народов есть и в опубликованных текстах самого основателя Пятой республики, включая его «Мемуары надежды». Для него это были констатации реальностей, формировавшихся в процессе непрерывной человеческой истории, уходящей вглубь тысячелетий.

Усматривать в этих констатациях «расизм» можно лишь в логике тотальной ревизии этого понятия, на почве которого вырос новый левый экстремизм, выступающий с позиций «воукизма» (*woke*), «культуры отмены» (*cancel culture*) и «расиализма». Летом 2020 г., в разгар «войны с монументами», перекинувшейся из США в Европу, осквернения радикалами не избежали и несколько памятников де Голлю. А еще раньше в леворадикальной блогосфере появились подборки собранных из разных воспоминаний эпизодов, где Генерал в приватном общении, по конкретным поводам, употреблял

эмоционально-пейоративное словцо, оценку или интонацию в адрес представителей той или иной расовой, этнической или религиозной группы. Излишне говорить, что выводить отсюда «расизм» несерьезно.

На самом деле к базовым аксиомам политической философии де Голля принадлежали универсальность естественных прав, «единство рода человеческого» и даже общность главных императивов развития в современную эпоху [см. Нарочницкая Политическая философия...]. Расизм — в общепризнанном понимании (как о нем говорилось, к примеру, в Декларации о расе и расовых предрассудках ЮНЕСКО 1978 г.), то есть идеология биологического неравенства рас, решающей значимости расовых признаков, расовой дискриминации — его мировоззрению был несомненно чужд.

Здесь нет возможности останавливаться на пересмотре концепта расы на современном Западе, который отчасти опирался на развитие естественно-научных представлений о биологии человека и его популяциях. Но важно отметить, что отказ от понятия расы, точнее, его трактовка как чисто социокультурной и дискриминационной по своей сути категории сопровождается все более расширительной реинтерпретацией расизма и все более явной инструментализацией темы. В рамках этого тренда Национальное собрание в 2018 г. проголосовало за изъятие слова «раса» (с заменой его словом «пол») из Статьи 1 Конституции Франции о равенстве перед законом всех граждан «без различия происхождения, расы или религии».

Однако это лишь одна грань гораздо более масштабной социокультурной и идеологической революции, которая уже никак не связана с развитием естественно-научных антропологических знаний. В последние десятилетия в публичном пространстве стран ЕС, в соответствии с философией Евросоюза, не приветствуются упоминания не только о нациях с их этническими корнями, но и о культурно-исторических, тем более религиозных основах европейской цивилизации. Во Франции с некоторых пор «прогрессисты» отвергают любые «идентитарные» концепции, заведомо причисляя их к «пассеизму» («прошлоизму»), как на французском «новоязе» теперь именуют анахроничность. Острая реакция на выступление Н. Морано, процитировавшей де Голля, — одно из проявлений системных табу не только и не столько на понятие расы, сколько на обсуждение тематики нации, цивилизации и христианства.

Антропологические, или популяционные («европейский народ»), компоненты нации, хотя и имели определенное значение для де Голля, находились в его национальной парадигме далеко не на первом плане по сравнению с культурными, социальными и политическими, а мотивы «общности крови» у него вовсе отсутствовали. Вспомним — в приведенном выше фрагменте «Мемуаров надежды» акцент сделан, напротив, на этнически разнородном происхождении французов: «Ее [Францию] населяли народы...».

А вот христианским истокам французской (и европейской) идентичности де Голль придавал фундаментальное значение. Правда, в статусе главы государства он избегал касаться этой темы перед внутренней аудиторией — видимо, чтобы не разжигать

ни антагонизм между прокатолической и атеистической частями общества, ни споры о понимании принципа светскости. Но известны его слова американскому журналисту Д. Шёнбруну (1959): «Моя страна — христианская, и я начинаю отсчитывать историю Франции с воцарения христианского короля, носящего франкское имя» [Schoenbrun, p. 40]. А встречаясь 27 июня 1959 г. в Ватикане с папой Иоанном XXIII, первый президент Пятой республики изложил свою позицию так: «Мы несем ответственность за то, чтобы Франция играла свою роль; эта роль, в моем представлении, как и в Вашем, сливается с христианской ролью. Наша страна не была бы тем, чем она является, если бы она не была — почти банально говорить это — прежде всего католической страной»¹.

Особый акцент на религиозном измерении определялся не только тем, что де Голль был практикующим и, судя по всему, глубоко верующим католиком (хотя его отношения с церковью складывались непросто, а его веру кое-кто подвергал сомнению), но в первую очередь его пониманием исторического процесса. Де Голль исходил из огромной роли христианства в истории Европы и в том числе Франции, которую веками именовали «старшей дочерью католической церкви». Христианская концепция мироздания, существа человека и его истории в огромной степени предопределила код и векторы европейской, в частности французской, цивилизации. Даже совершившаяся здесь в Новое время секуляризация означала не столько смену цивилизационной парадигмы, сколько ее перевод в секулярный формат. Де Голль явно разделял данную точку зрения, которая и сегодня имеет немало сторонников, независимо от их личной религиозности, и согласуется с самоидентификацией большинства французов (включая многих агностиков и атеистов), считающих себя католиками в культурном плане. «Республика — светская, Франция — христианская», — эти деголлевские слова, процитированные историком Э. Пуля², получили широкое хождение в социальных сетях и стали крылатой фразой.

Придавая капитальное значение христианскому фундаменту французской идентичности, де Голль был далек от того, чтобы считать его самодостаточной доминантой и императивом к социальному иммобилизму. К неотъемлемым истокам культурно-духовных, ментальных особенностей Франции (и Европы) он относил и античное наследие, и более поздние явления.

Показательна его тирада (1950 г.) о «трех огнях, которые все вместе некоторым образом создали французскую нацию»: «Есть то, что я назвал бы социальным пламенем. Пламя тех, кто не хочет социальной несправедливости, кто стремится, чтобы каждый француз обрел во Франции свое место, получил свою долю, чтобы было обеспечено человеческое достоинство. Это пламя — наше. Есть пламя собственно христианское, которое в сущности имеет тот же источник, что и первое... это христианское пламя в его гуманистическом, моральном содержании, — наше. Наконец, есть пламя традиции... Нельзя строить Фран-

1 Цит. по: De Gaulle, «Une certaine idée de la France» // France Histoire Esperance. — URL: france-histoire-esperance.com/de-gaulle-certaine-idee-de-france/ (date of access: 05.11.2021).

2 Émile Poulat, Notre laïcité publique. P. 2003, p. 15.

цию, ежедневно отрицая прошлое. ...Мы пришли из далекого прошлого и, как говорил Жорес — я не боюсь его процитировать [«правый» де Голль ссылается на знаменитого лидера социалистов Жана Жореса, пацифиста, застреленного в канун Первой мировой войны. — Е.Н.], — мы идем к морю; мы — река, текущая к морю, но, двигаясь к нему, мы претендуем на верность нашим истокам» [цит. по: Gaulle Guaino, p. 80]. Здесь отчетливо видно столь характерное для деголлевского кредо слияние преемственности и исторического динамизма в понимании национальной сущности.

Роль и будущее национальных структур

Строго говоря, де Голль не возводил нации в абсолют и никогда не называл их данностями, полученными от Бога, природы или в силу аксиоматических законов бытия. Аналогичное по сути наблюдение излагает Ролан Юро: по его словам, абсурдно «делать из де Голля националиста» на том основании, что «он ставил... на постоянство национального фактора. ...Вера в нацию была у генерала прогнозом и фиксацией эмпирической реальности, тогда как у националистов она носит метафизический характер» [Hureauux, p. 21].

Подмечено также, что само понятие «нация» с его производными де Голль использовал намного реже, чем слова «Франция» (и названия других конкретных стран и народов), «народ», «государство», «отечество». «Таким образом, у него нет абстрактной теории нации, — резюмировал в этой связи М. Казнав, — но есть вдумчивое внимание к конкретным неповторимым нациям, на основании общих черт которых можно прийти к тому, что есть нация в принципе» [Cazenave, p. 8].

Хотя де Голль не формулировал этого прямо, именно нации и государства предстают в его картине мироздания ключевыми долговременными форматами цивилизационного и политического развития. При этом он не игнорировал роль империй, местных коллективов, нетерриториальных групповых солидарностей или геочивилизационные деления. Напротив, идеи принадлежности Франции к европейской/христианской цивилизации, а в XX в. — также к «свободному миру»/Западу в противоположность коммунистическому Востоку; императив консолидации Европы, прежде всего «малой», но также и «большой»; неизбежность нового возвышения Азии как макрорегиона с цивилизационным свое- и многообразием — все это выражено у де Голля совершенно отчетливо. Капитальное значение он придавал грядущему пробуждению мусульманского ареала как такового, предвидя и подъем политического ислама, и пассионарность исламского проекта, и его экспансивный потенциал, причем первое задокументированное свидетельство его размышлений на эту тему относится еще к маю 1940 г.¹¹

11 25 мая 1940 г., в разгар гитлеровского наступления, на вопрос полкового капеллана, как он оценивает ситуацию, де Голль неожиданно произнес: «Будущее, будущее ...эта война — лишь эпизод в столкновении народов и цивилизаций. Это продлится долго... И когда дойдет до столкновения с Китаем, этим огромным народом, кем будем мы и что мы станем делать?... Но самая большая и непосредственная опасность может возникнуть со стороны мусульманского ареала, простирающегося от Танжера до Индии...» (Цит. по: Ferro, p. 56.)

А в 1956 г. А. Мальро в составленной по поручению генерала записке подчеркивал, что «неистовое продвижение исламизма» неизбежно и что оно будет «крупнейшим феноменом нашей эпохи» «сродни становлению коммунизма во времена Ленина» [Malraux Note sur l'Islam].

Однако именно национально-государственные образования де Голль считал наиболее устойчивыми и перспективными коллективными субъектами и форматами развития. Тем или иным образом, раньше или позже, нации и представляющие их государства складываются на протяжении веков, меняются, «оставаясь собой». Они могут переживать упадок и возрождение, но отнюдь не обречены, да и просто не способны, полагал де Голль, исчезнуть в обозримом будущем — в отличие от постулирующих это исчезновение идеологий.

«В непрерывном движении мира, — писал он в «Военных мемуарах», — все доктрины, все школы, все революции преходящи. Коммунизм пройдет. Но Франция останется» [Gaulle Mémoires de guerre, T.1, p. 228]. Сходным образом он видел в СССР не только коммунистический режим, но и, в первую очередь, Россию, «загадочную, более сильную и более прочную, чем все теории и все режимы» [Gaulle Mémoires de guerre, T. 3, p. 61]; в маоистской КНР — одну из форм пятитысячелетнего Китая, с его конфуцианским, имперским и прочим наследием.

Любая доктрина, подчеркивал де Голль, несостоятельна, если она не учитывает национальных, страновых особенностей и требований времени. Например, в своей программной речи в Байё о конституционном устройстве в июне 1946 г. он привел ответ древнегреческого мудреца Солон на вопрос, какая конституция наилучшая: «Скажите сначала, для какого народа она предназначена и для какой эпохи?» [цит. по: Арзакарян, с. 118].

Вокруг идеи национального государства — сильного, легитимного и демократического — строилась вся деголлевская концепция политического устройства, причем и легитимность, и демократичность, и сила увязывались с национальным принципом [см.: Alibert-Fabre]. Государство — «легитимное, поскольку оно зиждилось[ется] на интересах и чувствах нации», — так определялся один из критериев легитимности в программной речи 1946 г. в Байё [Gaulle Discours et messages, V. II, p. 7]. Тот же тезис повторен и дополнен предостережением будущим лидерам в последнем деголлевском произведении: «...государство, которое несет ответственность за Францию, должно проявлять заботу одновременно о наследии прошлого, о ее сегодняшних интересах и о ее надеждах на будущее. Это жизненно важная необходимость, и в случае опасности общество рано или поздно осознает ее. Поэтому законность власти основывается на тех чувствах, которые она вдохновляет, на ее способности обеспечить национальное единство и преемственность, когда родина в опасности» [Голль Мемуары надежд, с. 9].

В отрыве от национального формата для де Голля была немыслима демократия, отождествляемая им с коллективным суверенитетом народа и с разделением властей, а не

с представительством групп интересов и многопартийностью. Народный суверенитет же он признавал наивысшим политическим императивом. При всем своем этатизме, авторитарности и монархическом стиле, де Голль — в отличие как от Наполеона III, которому его любят уподоблять, так и от многих либералов и левых демократов — реально признавал верховенство народного волеизъявления, что подтвердил, добровольно покинув президентский пост после отклонения своего проекта на референдуме 1969 г., поскольку в его глазах это был «вотум недоверия». Именно из демократического принципа народного суверенитета он выводил императив суверенитета национального, самостоятельности по отношению к внешнему миру: «Демократия для меня сливается с национальным суверенитетом...» [цит. по: Alibert-Fabre, p. 702].

В этом де Голль следовал концепции демократии (и нации), родившейся в русле левой мысли, сформулированной Жан-Жаком Руссо и провозглашенной в ходе Революции 1789 г. В американской (и американизированной) политологии ее часто именуют якобинской и специфически французской, но сам тезис о проблематичности демократии без опоры на национальные структуры (политические, культурные, ментальные) разделялся и разделяется многими теоретиками и экспертами далеко не только во Франции. Аргументы этого плана широко присутствуют в критике «демократического дефицита» институциональной системы Евросоюза.

С национальной идеей были тесно увязаны и социальная концепция де Голля, его убеждение в важности поиска «третьего пути» между капитализмом и социализмом, конвергенции их лучших элементов. Именно нация, объединенная историческим прошлым, самосознанием и культурно-эмоциональными узами, рассматривалась им в качестве той групповой общности, в рамках которой возможно выстраивание экономических отношений, основанных как на интересе, так и на солидарности, как на рыночном обмене, так и на перераспределении.

Другая важная роль национального начала связывалась де Голлем с культурным измерением исторического развития. Для него было очевидно, что высокая культура — а она, заметим, составляла в его глазах бесценное неотъемлемое достояние европейской и мировой цивилизации — повсюду выросла на почве мощных национально-духовных традиций. «Шатобриан, Гете, Байрон, Толстой... — все они остаются великими писателями Европы потому, что каждый из них вдохновлялся гением своей страны», — этот аргумент, с небольшими вариациями, первый президент Пятой республики неоднократно выдвигал против проектов наднациональной Европы [Noel, p. 120]. В понимании этой грани национального феномена у него, разумеется, были яркие предшественники во французской интеллектуальной культуре, в частности в лице Р. Шатобриана, которого, как уже отмечалось в историографии, де Голль ставил особенно высоко и на которого опирался в подходе к ряду фундаментальных вопросов [Noel; Huguéaux].

Уместно вспомнить здесь и о созвучных мотивах в русской философской мысли, например, у А.С. Хомякова и других славянофилов. Но особенно выразительно писал на

эту тему Иван Ильин: «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли». И вместе с тем «истинное духовное достижение всегда национально и в то же время всегда выходит за национальные подразделения людей, а потому и уводит самих людей за эти пределы...» Интернационализм, отрицающий национальное начало, предсказывал Ильин, «даст не культурный подъем и расцвет, а всеснижение и всесмещение» (ему он противопоставлял «сверхнационализм», не отрицающий родину, — идеал «всечеловеческого братства»)¹.

Не коррелируют ли все эти рассуждения с современными тенденциями в искусстве и образовании? И случайно ли параллельно с продвижением постнациональной идеологии высокая культура вытесняется ее симулякрами, а передача золотого культурного фонда цивилизации следующим поколениям впервые оказывается под вопросом либо даже прямо отвергается?

Подъем освободительных движений в колониях еще больше уверил де Голля в значимости национально-государственных форм. В том числе поэтому, пусть не сразу и позже прагматичных британцев, но одним из первых во французской элите, он признал неотвратимость деколонизации. «С того момента, как у наций проснулось самосознание, никакая иностранная власть, какие бы средства она ни употребляла, не может рассчитывать на установление своего господства, — предостерегал он Джона Кеннеди от повторения во Вьетнаме ошибок Четвертой республики (и своих собственных в 1944–1946 гг.) — ...Я предсказываю вам, что вы, шаг за шагом, попадете там в бездонную политическую и военную топь...» [Голль Мемуары надежд, с. 450]. Предсказание сбылось, причем американцы покинули Сайгон в 1975 г., точно в срок, спрогнозированный французским президентом за несколько лет до этого.

Вклад де Голля в международное признание права колониальных народов на самостоятельное развитие принес ему невиданный авторитет в «третьем мире». Симптоматично, что именно с этим ассоциирует деголлевский образ и современный оксфордский историк маврикийского происхождения С. Хазаресингх, автор книг о Бонапарте и де Голле: «Наполеон символизирует военную славу и культ равенства, тогда как Генерал воплощает право народов на самоопределение и презрение к деньгам» [Hecht]. В свою очередь, де Голль мастерски использовал набранный таким образом политический капитал для максимального сохранения позиций Франции в ее бывших колониях и обеспечения французского авторитета в странах Юга в целом.

1 Ильин И.А. Путь духовного обновления. М. 2017. — URL: iknigi.net/avtor-ivan-ilin/63232-put-duhovnogo-obnovleniya-ivan-ilin.html (дата обращения: 01.11.2021).

Характерно, что и в наше время французские интеллектуалы и политики, не разделяющие постнациональную философию Евросоюза, предлагают оценивать общие тенденции развития с глобального ракурса — как это делал де Голль. «Ни США, ни Китай, ни Россия, ни Бразилия, ни Индия не демонстрируют умирания наций, — неоднократно подчеркивал, например, Ж.-П. Шевенман, — ...и даже совсем маленькие национальные государства могут играть важную роль — Сингапур, Израиль, Куба... мир остается состоящим из наций, и Организация Объединенных Наций не случайно носит такое название» [Chevènement, Fourier].

Литература

- Арзаканян М.Ц. Де Голль. М. 2007.
- Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958–1962. М. 2000.
- Нарочницкая Е.А. Национализм: история и современность. М., 1997.
- Нарочницкая Е.А. Политическая философия Ш. де Голля — взгляд из XXI века. Международное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 188–198.
- Рубинский Ю. И. Приметы времени. В 3-х т. Т. 2: Франция: незаконченная модернизация. М. 2018.
- Уильямс Ч. Последний великий француз. Жизнь генерала де Голля: пер. с англ. М. 2003.
- Alibert-Fabre V. La pensée constitutionnelle du général de Gaulle à «l'épreuve des circonstances» // Revue française de science politique. A. 40. 1990. №5. P. 699–713.
- Bourlanges J.-L. Une certaine idée de la France // Pouvoirs. 2020. №174. P. 5–15.
- Bardy G. Charles le Catholique. Paris. 2011.
- Cazenave M. Introduction // L'idée de nation chez Charles De Gaulle. Cahiers de la Fondation Charles de Gaulle. Cahier № 7. P. 2000.
- Chevènement J.-P., Fourier P. La notion de nation est-elle obsolète ? 16.11.2009. — URL: makacla.com/la-notion-de-nation-est-elle-obsolete-par-jean-pierre-chevenement-pascale-fourier_a511.html (date of access: 05.05.2021).
- D'un président à l'autre : Mitterrand contre de Gaulle // Téléobs. 27.03.2013. — URL: teleobs.nouvelobs.com/la-selection-teleobs/20130327.OBS5663/d-un-president-a-l-autre-mitterrand-contre-de-gaulle.html (date of access: 15.06.2021).
- Ferro M. 1940–1944 : un historien engagé. Entretiens avec Marc Ferro // Herodote.net. 27.04.2021. — URL: herodote.net/Entretiens_avec_Marc_Ferro-synthese-2870.php (date of access: 05.05.2021).
- Flood Ch. Pétain and de Gaulle // France at War in the Twentieth Century: Propaganda, Myth, and Metaphor. N.Y. 2000. P. 88–110.
- Gaulle Ch. de. Discours et Messages. T. I-V. P. 1970.
- Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. En 3 volumes. T. 1 : L'appel 1940–1942. P. 1954; T. 3. Le Salut : 1944–1946. P. 1959.
- Gaulle Ch. de, Guaino H. De Gaulle au présent. Textes choisis et présentés par Guaino H. P. 2015.
- Hazareesingh S. Le mythe gaullien, Paris, 2010.
- Hecht E. De Gaulle, une figure qui rassemble // L'Express. 27.05.2010. — URL: (date of access: 05.05.2021).
- Hureauux R. L'actualité du gaullisme. Paris. 2007.

- Malraux A.* André Malraux parle de De Gaulle avec Jacqueline Baudrier. — URL: malraux.org/e1971-05-andre-malraux-andre-malraux-parle-de-de-gaulle-jacqueline-baudrier/ (date of access: 05.05.2021).
- Malraux A.* Note sur l'Islam. 03.06.1956. — URL : malraux.org/wp-content/uploads/2010/02/images_documents_islam_1956.pdf (date of access: 05.05.2021).
- Noel L.* De Gaulle et Chateaubriand : Rapprochements // Rev. de deux mondes. 1971. Avril. P. 120–135.
- Passerieux R.* Charles de Gaulle, la nation et la souveraineté : leçons pour nos jours / Dossier « Bonjour de Gaulle, bonjour ! » // Revue polit. et parlementaire. 2020. N. 1094–1095. Janv. — Juin. P. 249–254.
- Petitfils J.-Ch.* Le gaullisme. P. 1988.
- Peyrefitte A.* C'était de Gaulle. T. 1. 1994 ; T. 3. 2000.
- Roussel E.* De Gaulle et Barrès // Gaullisme et gaullistes dans la France de l'Est sous la IVe République / Sous la dir. de Audigier F. et Schwindt F. Rennes. 2009. P. 73–77.
- Schoenbrun D.* Les trois vies de Charles de Gaulle, P., 1965.
- Touchard J.* Le gaullisme, 1940–1969. P. 1978.

УДК 94(44); 323/324

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-25-33

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Идейное наследие Шарля де Голля. II. Национальная парадигма

Часть 2. Концепт величия Франции

Аннотация. Неотъемлемым компонентом национальной парадигмы создателя Пятой республики был императив «величия», имевший прочные корни в политической культуре Франции. Хотя подобный вокабуляр уже вытеснялся из европейского политического дискурса, де Голль использовал это классическое и органичное для французской идентичности понятие, чтобы направить мобилизующий потенциал национальной идеи на решение ключевых задач развития. С темой величия были тесно связаны принципы самостоятельности, особой роли и глобальной ответственности Франции, которые он положил в основу ее позиционирования в послевоенном мире. Все это вступало в противоречие с евроатлантическим наднациональным проектом, что и послужило главной причиной острого негативизма в отношении стратегии и риторики де Голля, обвиняемого оппонентами в «архаичном мышлении». На самом деле его концепт «величия» имел нетривиальное обоснование и смысловое наполнение, которые и представляют особый интерес как часть актуального идейного наследия «последнего великого француза». Речь шла не о заведомом превосходстве, реставрации былого могущества, обладании, не о цивилизаторской миссии высших по отношению к низшим, а о необходимости высокого целеполагания, «масштабных начинаний», исторической субъектности и проектности. «Величие» в таком понимании было для Голля экзистенциальным императивом французской истории.

Ключевые слова: Ш. де Голль, голлизм, национальная идея, внешнеполитическое мышление, идея величия, концепт «величия Франции», политика величия.

Неотъемлемым компонентом национальной идеи де Голля, известным столь же широко, сколь и поверхностно, был принцип величия Франции. «Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах... Франция, лишенная величия, перестает быть Францией», — эти слова принадлежат к числу самых цитируемых «крылатых фраз» генерала [Голль Военные мемуары: Призыв... с. 29].

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор сетевого научного журнала «Перспективы. Электронный журнал»; кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.

В историографии, в первую очередь англо-американской, даже сложилась традиция именовать весь международный курс Пятой республики 1958–1969 гг. «политикой величия».

С темой величия были тесно связаны принципы самостоятельности, особой роли и глобальной ответственности Франции. То, что де Голль положил их в основу позиционирования страны в послевоенном мире, было воспринято различными силами как в самой Франции, так и за ее пределами весьма по-разному. Оппоненты его стратегии отождествляли ее с непомерными амбициями, «националистическими химерами», устаревшим мышлением и т.п. При этом самой удобной и частой мишенью их критики служил свойственный основателю голлизма классический вокабуляр величия, диссоциировавший с трендами европейской политики и публичного дискурса.

Подобные трактовки получили довольно широкое распространение в политической аналитике и академической литературе, в особенности в 1960-х–1970-х годах. Французские университетские круги традиционно тяготели к антиэтатизму либерального или левого толка и не симпатизировали голлистскому движению. В вышедшей в 1978 г. книге первой главы Национального фонда политических наук Ж. Тушара прямо признавалось, что «большинство исследований внешней политики де Голля достаточно либо даже резко враждебны ему» [Touchard, p. 201].

С тех пор научная историография в этой области прошла огромный путь и в целом давно опровергла предвзято-упрощенные трактовки голлизма. Многие исследования, включая фундаментальный труд Мориса Вайсса [Vaisse], изучившего массу ранее закрытых документов, показали, что «политика величия», говоря словами Жана Клейна, «не проистекала у Генерала из шовинистического и архаичного видения международных отношений» [Klein]. Тем не менее разногласия на этот счет, неотрывные от борьбы мировоззрений и интересов, никуда не исчезли. Живое напоминание об этом — вышеупомянутая публикация профессора Ж.-Л. Бурланжа, одного из видных лидеров макроновского большинства в парламенте, рисующего «французскую идею» де Голля анахроничной и экзальтированной претензией «на общее руководство миром», а его «большую дипломатию» — «стратегией назойливой мухи» [Bourlanges, p. 5, 12].

К внешнеполитической (европейской и глобальной) парадигме первого президента Пятой республики мы еще обратимся в следующих статьях о его идейном наследии. Здесь же остановимся на деголлевском концепте величия как таковом, ибо его содержательное наполнение и характер сами по себе заслуживают более внимательного историко-контекстного и текстуального анализа.

Франция испокон веков входила в число стран, где бурлили — неизбежно сопутствуя друг другу — великие идеи и большие амбиции. Поскольку задающее сегодня на Западе тон мировоззрение постмодерна отвергает подобные «конструкты» на основании их «иерархичности» и «репрессивности», нелишними будут несколько кратких полемических замечаний.

Понятие великого/высокого и стремление к возвышению — в разном приложении и толковании — универсальны для человеческой культуры. Они неотъемлемы не только от конкурентного, но и от творческого начала развития, от этического и в целом духовного измерения человека и цивилизации, хотя и соотносятся с ним отнюдь не беспроблемным образом.

«Большие проекты» периодически обретали экстремальный характер, перерастали в мессианство и гегемонизм, порождали новые антагонизмы и конфликты... прежде чем, столкнувшись рано или поздно с отпором или реальностями, вернуться в более конструктивные контуры. Случалось так, подчеркнем, в самых разных идейно-политических форматах: светских и религиозных, монархических и республиканских, правых и левых, консервативных и либеральных, националистических и универсалистских. Примеры притязаний на гегемонию того или иного плана легко найти — если говорить о Франции — как в великодержавном нарративе французского абсолютизма и католической мысли, так и у философов Просвещения и в революционном якобинстве, не говоря уже об идеологии наполеоновских захватов и колонизаторском рвении Третьей республики времен Ж. Ферри. Однако ими далеко не исчерпывались ни сами эти явления, ни историческая роль всего, что ассоциируемо с величием. Так или иначе, именно энергия амбициозности во многом сделала Францию одним из центров развития европейской и мировой цивилизации.

Многовековой великодержавный статус, обладание колониальной империей, материальные и нематериальные достижения, культурное и политическое влияние — все это прочно укоренило идею величия в историческом сознании французов. Как уже подчеркивалось исследователями, идея эта «стала частью национальной политической культуры» [Обичкина, с. 6] и самой французской идентичности. Стремление к «величию» с давних времен служило одной из движущих сил национальной консолидации. «Лозунги “величия Франции”, основанного на ее военной мощи, богатстве, культуре, достойной всеобщего восхищения и подражания, веками являлись не просто отражением амбиций и алчности королей, — отмечал глубокий знаток французской действительности Ю.И. Рубинский, — но и необходимым условием их авторитета среди собственных подданных, залогом единства страны, преодоления ею внутренних междоусобиц» [Рубинский, с. 335]. Подобный алгоритм продолжал действовать и во Французской Республике, где мотивы величия, славы, национального гения, исторических заслуг и лидерства оставались неременным (и в большой мере консенсусным) элементом общественно-политического и культурно-исторического дискурса.

Де Голль, в свою очередь, поднял на щит эту идею в ситуации беспрецедентной национальной катастрофы. Нельзя не обратить внимание и на то, с какими коннотациями это было сделано. Капитуляция перед нацистским рейхом и коллаборационизм Виши по сути поставили под вопрос само место французского государства в истории и будущей геополитике. В этих драматических обстоятельствах лидер «Свободной Франции» и произнес слова, которые одни французы до сих пор ценят за их духоподъемный по-

сыл, а другие — осмеивают за формально очевидную гиперболизацию: «На протяжении двух тысячелетий величие Франции и свобода в мире идут рука об руку»¹.

Вывод страны из «падения по наклонной плоскости» (говоря названиями двух первых глав «Военных мемуаров»), в котором она оказалась в 1940 г., многим тогда казался нереальным и требовал борьбы на разных фронтах — военном, дипломатическом, ментальном. Стоит напомнить, что даже в 1944 г. не было гарантировано не только включение Франции в клуб держав-победительниц, но и автоматическое восстановление ее суверенитета: США намеревались подчинить освобождаемую французскую территорию административному управлению союзного командования во главе с Д. Эйзенхауэром. Далее перед французами встал клубок проблем послевоенного восстановления и реформирования, преодоления моральных травм поражения и вишизма, рушившейся империи, переопределения своей роли в кардинально изменившемся мире и еще не кристаллизовавшейся международной архитектуре.

В этих переломных обстоятельствах Франция как никогда нуждалась в мотивирующей и объединяющей идее. И они же обостряли внутренний раскол в контексте общей борьбы вокруг послевоенного европейского и мирового устройства. Любая постановка задач в национально-государственном ключе вступала в противоречие с наднациональным евроатлантическим проектом, который с середины 1940-х годов все больше привлекал западноевропейские элиты при негласной поддержке новой сверхдержавы — США. В этом и заключались главные причины острого негативизма в отношении стратегии и риторики де Голля.

Что касается его лексики величия, то ее надо рассматривать, исходя прежде всего из классической традиции мысли и ее вербального выражения, а не норм сегодняшнего официального языка, в котором применение понятия «величие» к отдельной стране/нации обычно ограничено конкретными контекстами, а в ЕС с его постнациональным кредо и вовсе почти табуировано. Веками деление на державы «великие» и остальные страны, средние и малые, было общепринятой констатацией политико-географических реальностей, термин «великие державы» широко употреблялся в дипломатии и международно-договорных документах. В вербальном плане классический риторический стиль, привычный и близкий де Голлю, по определению предполагал долю эмфазы.

Об органичности вокабуляра «величия» для французов уже говорилось. Тем не менее после Второй мировой войны он начал быстро вытесняться — под впечатлением от ужасов германского нацизма, с одной стороны, и разгрома 1940 г., с другой, в силу общей демократизации политической и вербальной стилистики, сокращения французских позиций в мире, запуска европейского интеграционного проекта. Де Голль же

1 «Il y a un pacte vingt fois séculaire entre la grandeur de la France et la liberté du monde » (речь в Лондоне 1 марта 1941 г. ; примерно то же де Голль повторил, выступая 3 ноября 1941 г. в столице Алжира).

в очередной раз не подчинился общему тренду, хотя, как мы увидим, в полной мере учитывал перемены — на них он предлагал собственный ответ. Кстати, «политкорректность» языка и действия была ему отнюдь не чужда, но он пренебрегал ею, когда считал необходимым обозначить или отстоять фундаментальные ориентиры.

В содержательном отношении деголлевский концепт «величия Франции» имел принципиальные особенности, которые критики предпочитали игнорировать, но которые представляют бесспорный интерес как часть актуального идейного наследия «последнего великого француза».

Подлинный смысл и характер этого концепта раскрываются уже при внимательном прочтении фрагмента «Военных мемуаров», где де Голль излагает свое интуитивно-рациональное «представление о Франции», завершая его императивом величия. Он начинает с признания в аффективном ощущении «особого предназначения» Франции, но стоит обратить внимание: само это предназначение и национальная история обрисованы не в идеальном, а скорее в проблемном, свете, с акцентом на контрастах — «достигнутых успехах» и «показательных несчастьях», проявлениях «гения» и «посредственности». Необходимость «стоять в первом ряду» аргументируется «смертельной опасностью», которую представляют для Франции как исторического субъекта типичные для французов внутренние распри: «...лишь масштабные начинания способны компенсировать ферменты разобщения, которые несет внутри себя ее народ; ...наша страна, такая как она есть, среди других стран, какие они есть, должна ставить самые высокие цели и не гнуть шею. Короче, по моему мнению, Франция не может быть Францией без величия»¹ [Gaulle Mémoires de Guerre, T. 1, p. 3].

Величие здесь получило нетривиальное обоснование и смысловое наполнение. Речь шла не о заведомом превосходстве, а о склонности к крайностям и важности высокого целеполагания, которому надо соответствовать, в том числе чтобы избежать дезинтеграции и краха. Не о реставрации былого могущества, обладании, цивилизаторской миссии высших по отношению к низшим, а о «масштабных начинаниях» и самостоятельности, исторической субъектности и проектности.

Эти ключевые моменты своего концепта де Голль подчеркивал неоднократно. «Можно быть великим и не имея больших средств, — убеждал он в одной из речей 1949 г. — Но надо уметь быть на высоте Истории, или нас не будет. Мы не претендуем на то, чтобы наши поколения вернули Великий век [Людовика XIV], но мы претендуем на то, чтобы Франция жила и сохраняла для себя любые возможности на будущее» [Gaulle Discours... II, p. 289]. Очевидно, что в таком понимании императив «величия» относился в неменьшей мере к внутреннему развитию, чем к самопозиционированию во внешнем мире.

1 В знакомом российскому читателю советском издании перевода «Военных мемуаров» 1957 г. этот ключевой фрагмент, к сожалению, передан с серьезнейшими смысловыми искажениями и подменами. Здесь, как и в других аналогичных случаях, цитаты приводятся в максимально близком к оригиналу переводе с французского издания.

Де Голль использовал органичное для французской идентичности понятие, чтобы направить мобилизующий потенциал патриотического чувства и национальной идеи на решение нескольких ключевых задач. В их круг входили:

- преодоление деморализующего эффекта капитуляции и обвального сокращения французских возможностей в послевоенном мире;
- внутривосточная консолидация;
- легитимация власти — а именно, институтов Пятой республики — как условие сильной государственности, сильного лидерства и стабильной демократии;
- мобилизация сил и ресурсов на реформы и форсированное развитие;
- отстаивание максимально активной и влиятельной роли Франции в новых международных условиях.

И судя по общим итогам президентства де Голля, ему в большой степени удалось решить данные задачи на том этапе.

Ряд неангажированных исследователей, среди которых особо стоит выделить Филипа Черни (ныне профессора Рутгерского университета, США), давно обратили внимание на то, что «голлистское понятие величия было символической силой, призванной обеспечить стабильность и создать чувство национальной идентичности», «добиться культурной и социальной интеграции французского народа и развития на базе единения» [Cherny, p. 6]. Эта «символическая стратегия» оказалась в основном успешной, позволив консолидировать французское общество и создать консенсус в отношении как внешней политики, так и «политической системы в целом» [Ibid, p. 259–263].

Вместе с тем деголлевская идея «величия» несводима к утилитарным функциям. Она, безусловно, имела и экзистенциальное измерение. Для де Голля «величие» было постоянным глубинным императивом французской истории. Он не раз повторял, что в его представлении Франция является «чем-то очень значительным, ценным и должна играть собственную роль в мире, каков бы он ни был, в любую эпоху, разумеется, сообразно обстоятельствам... а чтобы играть свою роль, она должна быть Францией»¹. Но есть ли в такой позиции мегаломания? Скорее, сложно не признать ее законность и обоснованность.

Отталкиваясь от реалистического понимания международных отношений как поля имманентно конкурентного взаимодействия, де Голль был нацелен всемерно бороться за интересы своей страны, используя весь доступный инструментарий средств, включая не только военно-силовые рычаги, но и разного рода «макиавеллиевские» методы. Столкновения, расхождения со стремлениями и потребностями, в том числе не менее законными, других субъектов мировой и локальной политики были при этом объективно неизбежны. Кроме того, «последний великий француз» порой проявлял нераз-

1 Gaulle Ch. de. Une certaine idée de la France // ina.fr. — URL: ina.fr/ina-eclaire-actu/video/i00013095/charles-de-gaulle-une-certaine-idee-de-la-france (date of access: 05.05.2021).

борчивость в средствах, принимал спорные решения и еще чаще закрывал глаза на неразборчивость в средствах своих министров.

Необходимо со всей ясностью подчеркнуть: реальная политика создателя Пятой республики может оцениваться и аргументированно критиковаться со многих отдельных партикулярных ракурсов и уже потому заведомо не подлежит идеализации.

Тем не менее подход де Голля к отстаиванию роли Франции имел концептуальные основы, выгодно выделяющие его на фоне многочисленных предшественников, соперников и преемников. Разумеется, он не мыслил в традиционных категориях территориальной экспансии и прямой гегемонии. Но таково было общее веление послевоенной эпохи, и речь не об этом. И даже — не о готовности постоянно переосмысливать национальные задачи исходя из меняющихся международных реальностей, что тоже в той или иной мере не редкость. Деголлевская философия реализации французского «величия» в глобальном масштабе примечательна иным.

Нетривиальным был замысел интегрировать национальные амбиции с универсальными потребностями и гуманистическими ценностями. Еще в 1930-е годы де Голль сформулировал максимум: «Слить постоянные интересы Франции с великими человеческими идеалами — это было бы прекрасно, а вместе с тем и выгодно». [Голль Профессиональная армия]. Гуманистические и универсалистские акценты его взглядов на мироустройство, малоизвестные за пределами Франции и в целом либо недооцененные, либо сознательно отброшенные, частично уже освещались нами в предшествующих публикациях [См. Нарочницкая Франция... Она же Политическая философия...]. Сегодня, в условиях новых угроз, конфронтационных трендов и признаков движения к постчеловеческой цивилизации, они заслуживают, как минимум, нового осмысления.

Кроме того, у создателя Пятой республики не найти мотивов превосходства над остальным человечеством, богоизбранности в духе «американской исключительности»; принижения других стран; деления народов на «исторические» и «неисторические», «прогрессивные» и «реакционные»; неравноправия государств по идеологическим критериям. Не найти и претензий на одностороннее установление всеобщих норм. Между тем такие идеи часто сопутствовали как имперским, так и универсалистским проектам не только в прошлом, но и получили новую жизнь в последние 30 лет, причем не где-нибудь, а в части мира, полагающей себя авангардом интернационализации и прогресса.

Великой де Голль считал и называл не одну Францию, но и другие государства, народы, цивилизации — крупные либо игравшие по-своему заметную роль. «Приветствую тебя, великая Россия», — эти его слова, обращенные к советским людям в ходе визита в СССР в 1966 г., произвели неизгладимое впечатление на многих и вспоминаются в российском обществе до сих пор. Ничего сверхисключительного не означала и формула «стоять в первом ряду», ссылаясь на которую оппоненты не раз приписывали ему неумеренность амбиций и национальный эгоцентризм. Так, на переговорах с руководством Польской Народной Республики 7 сентября 1967 г. в Варшаве фран-

цузский президент сказал полякам: «...вы — народ, который должен стоять в первом ряду» [цит.: Peyrefitte, p. 295].

Нелишне добавить, что отношение де Голля к соотечественникам мало походило на националистический нарциссизм — по общему признанию, оно было скорее критичным и требовательным. Как метафорично выразился Ален Дюамель, «на Францию он смотрел глазами Корнеля, на французов — глазами Расина» [Duhamel].

Дискурс величия (как и стоявшие за ним масштабные замыслы и порой жесткая дипломатия) отвечал не только пониманию де Голлем дилемм французской истории и ментальности, но и его личностному масштабу, мировосприятию, макроисторическому мышлению, волевому идеализму, тяготению к героике преодоления — всему тому, без чего вряд ли возможно было совершить для своей страны то, что удалось ему. Он сам видел и писал, что его подход диссонирует с духом времени, когда «народы... не испытывают больше потребности действовать сверх своих возможностей» и все непосредственно стремятся лишь к тому, «чтобы сделать жизнь более или менее легкой», но тем более считал своим долгом «действовать во имя величия» [Голль Мемуары надежд, с. 38]. «Последний великий француз» не мог не отстаивать высокое целеполагание, стратегическое мышление и политическое действие в логике выхода за пределы видимых возможностей.

Лексика величия, впрочем, использовалась им ситуативно и дозированно: не отказываясь от нее полностью, первый президент Пятой республики чаще оперировал понятиями глобальной ответственности, значительности, достойной роли и т.п. В последнем программном интервью в апреле 1969 г. он сформулировал свое кредо так: «разумная национальная амбиция, которая состоит не в том, чтобы преувеличивать наши сегодняшние возможности или игнорировать мировые реальности, а в том, чтобы отвечать за свою судьбу во внутреннем и внешнем плане и распутывать узлы проблем, мешающих нам идти вперед» [Gaulle Discours et messages, V. 5, p. 389]. После ухода в отставку де Голль в долгом разговоре с А. Мальро признал: «... с тем, что мы называли величием, покончено», — но все же с надеждой допустил, что «Франция еще удивит мир» [Malraux André Malraux parle..., p. 3].

В международном плане деголлевская «стратегия величия» отражала намерение искать новые пути реализации национальных интересов и максимизации французского влияния, а также продвигать более сбалансированный мировой порядок в противовес послевоенной гегемонии двух сверхдержав и биполярной конфронтации. Эта «разумно-амбициозная», на пределе возможностей, линия в европейской и мировой политике будет нами рассмотрена — с точки зрения баланса национального и интернационального, реализма и идеалов, иных особенностей политической философии де Голля — в следующих статьях цикла, посвященного его идейному наследию.

Литература

- Голль Ш. де. Военные мемуары: Призыв. 1940–1942 годы. М. 1957.
- Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958–1962. М. 2000.
- Голль Ш. де. Профессиональная армия. М. 1935. — URL: <http://militera.lib.ru/science/gaulle/index.html> (дата обращения: 05.05.2021).
- Нарочницкая Е.А. Франция в блоковой системе Европы, 1960–1980-е годы. М. 1993.
- Нарочницкая Е.А. Политическая философия Шарля де Голля — взгляд из XXI в. Международное измерение // Современная Европа. 2020. №7. С. 188–198. — URL: sov-europe.ru/images/pdf/2020/7-2020/Narochnitskaya-7-20.pdf (дата обращения: 26.10.2021).
- Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М. 2003.
- Рубинский Ю. И. Приметы времени. В 3-х т. Т. 2: Франция: незаконченная модернизация. М. 2018.
- Bourlanges J.-L. Une certaine idée de la France // Pouvoirs. 2020. №174. P. 5–15.
- Cerny Ph. The politics of grandeur : Ideological aspects of de Gaulle's foreign policy. Cambridge. 1980.
- Duhamel A. Le général de Gaulle et l'opinion // Académie des Sciences Morales et Politiques. Institut de France. 01.11.2020. — URL: academiesciencesmoralesetpolitiques.fr/2020/11/01/5-novembre-2018-alain-duhamel-le-general-de-gaulle-et-lopinion/ (date of access: 05.05.2021).
- Gaulle Ch. de. Discours et Messages. T. I-V. P. 1970.
- Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. En 3 volumes. T. 1 : L'appel 1940–1942. P. 1954; T. 3. Le Salut : 1944–1946. P. 1959.
- Klein J. Le général de Gaulle et le jeu de la France. (La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle 1958–1969. Maurice Vaisse. 1998) // Politique étrangère. 1998. N 3. P. 667–670.
- Malraux A. André Malraux parle de De Gaulle avec Jacqueline Baudrier. — URL: malraux.org/e1971-05-andre-malraux-andre-malraux-parle-de-de-gaulle-jacqueline-baudrier/ (date of access: 05.05.2021).
- Peyrefitte A. C'était de Gaulle. T. 3. 2000.
- Touchard J. Le gaullisme, 1940–1969. P. 1978.
- Vaisse M. La grandeur : politique étrangère du général de Gaulle. P. 1998.

УДК 94(73); 323

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-34-49

Наталья Травкина, Владимир Васильев

Деамериканизация США: истоки и последствия

Аннотация. В статье анализируются фундаментальные сдвиги в культурно-мировоззренческой ориентации и системе базовых ценностей современного американского общества. Смена ценностных установок проходит в ожесточенном противостоянии «на выживание», охватившем практически все общественно-политические силы США. Эта конфронтация приняла форму идеологической борьбы вокруг концепций «культуры отмены» (*cancel culture*) и «критической расовой теории». Новые веяния, ассоциируемые, в частности, с дискурсом расово-этнического разнообразия, в корне противоречат многовековой системе американских базовых ценностей, составлявших мировоззрение белых американцев, так называемых WASP. Если в итоге новые ценностные ориентиры восторжествуют, произойдет деамериканизация современных США — по крайней мере в самоидентификации американского общества, а также в стереотипах восприятия демократических политических институтов страны за ее пределами.

Ключевые слова: культурная война, «культура отмены», американские ценности, историческая память, Декларация независимости, критическая расовая теория, систематический расизм.

Важнейшей особенностью переживаемого в настоящее время Соединенными Штатами исторического периода является идущий полным ходом процесс смены базовой системы ценностей, определявших ход эволюционного развития американского общества на протяжении почти 250 лет, начиная с последней трети XVIII в. Американский публицист Робин Мориарти иллюстрировала концепцию происходящего фундаментального сдвига в системе базовых американских ценностей результатами социологических опросов исследовательского центра «Пью Рисерч», проведенных в 2014, 2017 и 2020 г. Опрос касался отношения американцев, можно сказать, к символу веры, согласно которому любой член общества может материально преуспеть в Америке, если будет упорно трудиться. «Концепция успеха обычно характеризуется в американском обществе уровнем финансовых достижений, воплощаемых в размерах богатства, — пишет она. — Американская психология основана на твердой уверенности

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривосточных исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук, travkina.n.m@gmail.com;

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

в том, что богатство есть результат тяжелого труда. Она предопределяет фундаментальное убеждение, что любой человек может стать богатым, если будет много работать» [Moriarty].

В 2014 г. этой точки зрения придерживались 51% опрошенных, в то время как 38% полагали, что финансовые успехи наиболее состоятельных слоев американского общества объясняются действием случайных, нередко неэкономических факторов, главным образом социальным происхождением. Спустя три года, в 2017 г., количество сторонников традиционного взгляда на истоки материального успеха в Америке все еще преобладало, но уже в соотношении 45% против 43%. Перелом произошел в 2020 г.: еще до начала экономических потрясений, спровоцированных коронавирусной пандемией, этот базовый символ веры большинства американцев претерпел кардинальную метаморфозу 65% респондентов считали гарантией финансового успеха в США исходное социально-экономическое положение представителей наиболее состоятельных слоев общества, в то время как традиционный взгляд на упорный труд как основной источник богатства разделяли только 33% опрошенных [Most Americans... p. 5].

Не менее показательным оказалось и объяснение причин бедности в американском обществе. Точки зрения, согласно которой бедные люди недостаточно трудятся, чтобы улучшить свое материальное положение, придерживались всего 26% опрошенных, в то время как 71% были твердо убеждены, что представители беднейших слоев сталкиваются с большим числом преград и барьеров на своем жизненном пути, что и предопределяет их положение [Most Americans... p. 4].

В условиях этих мировоззренческих сдвигов в начале третьего десятилетия текущего столетия под ударом оказалась формировавшаяся столетиями система базовых американских ценностей, в том числе предопределяющих и политическое устройство США.

Эрозия системы базовых ценностей американского общества

Американские социологи и культурологи на протяжении последних десятилетий разработали немало аналитических схем, пытаясь дать исчерпывающие характеристики совокупности базовых американских ценностей. При этом преследовались, в том числе, прагматические цели, обусловленные как сменами поколений, так и периодическими волнами иммиграции, резко усилившимися с начала 1990-х годов. В первом случае эти разработки имели дидактическую направленность, продиктованную необходимостью адаптировать каждое новое поколение американцев к традиционным ценностям, которые преподносились как система практически неизменных констант. Во втором случае речь шла о том, чтобы «вакцинировать» новые когорты иммигрантов мировоззренческими постулатами, чтобы в конечном итоге заместить ими прежнее системы культурных ценностей стран происхождения на американскую, которая, естественно, подавалась как продукт более высокого уровня цивилизационного развития.

Среди имеющихся хрестоматийных классификационных систем американских ценностей выделяется акцент на том, что с самого начала существования молодой американской республики, с момента принятия Конституции США в 1787 г., имела место ориентация не столько на «коренных» американцев, сколько на будущие иммиграционные потоки, мыслившиеся как важнейшая форма «вливания свежей крови» и обновления «жизненного тонуса» американской нации. Эта система ценностей и трансформировала иммигрантов в «подлинных американцев».

Совокупность максим, которые делали США «не похожими» на подавляющее большинство других стран мира, представлена 6 базовыми ценностями (таблица).

Таблица

Шесть основных базовых американских ценностей и их взаимосвязь

№	Базовая ценность	Взаимосвязь ценностей
1.	Индивидуальная свобода	Индивидуальная свобода — уверенность в себе
2.	Уверенность в себе	
3.	Равенство возможностей	Равенство возможностей — конкуренция
4.	Конкуренция	
5.	Американская мечта	Американская мечта — упорный труд
6.	Упорный труд	

[The Six Basic American...]

Между этими шестью базовыми ценностными принципами существует диалектическая связь, которая трансформирует их в пары, ранжированные по принципу «жизненных целей» и «издержек» их достижения, прав и обязанностей. «Индивидуальная свобода» как высшая социальная и духовная цель развития человеческой личности немислима без «уверенности в себе», или опоры исключительно на собственные силы и возможности. При этом «уверенность в себе» традиционно рассматривалась как свобода от поддержки государства, церкви, других общественных институтов.

«Равенство возможностей» не только не исключало, но даже предполагало действие «конкуренции», конкурентных начал во взаимоотношениях как отдельных личностей, так и целых коллективов. «Конкуренция» в традиционном американском понимании XVIII в. предполагала независимость от сословного патернализма, от более или менее фиксированной ниши в социальной иерархии. Фактически при этом подразумевалось, что американское общество является «бесклассовым», или обществом с высокой степенью социальной мобильности.

Наконец, реализация «американской мечты» предполагала «упорный труд» как единственную гарантию жизненного успеха и материального благополучия. «Американская мечта» подразумевала, что, начав свой жизненный путь «с нуля», каждый американец в конечном итоге может достичь миллионного состояния, и при этом материальное наследие их ближайших или отдаленных предков не будет играть существенной роли в жизненном успехе.

В XXI в. мощные удары по этой системе ценностей нанесли три экономических кризиса, обрушившихся на США в 2000–2001, 2007–2009 и 2020 гг. Они отчетливо показали, что современное американское общество является в своей основе классово-сословным, с достаточно низкой социальной мобильностью, поляризованным по оси «жизненные счастливицы — жизненные неудачники».

Экономические потрясения XXI в. поставили под сомнение ведущую роль индивидуального начала в обществе, особенно в сфере экономических отношений. Десятки миллионов безработных в 2009–2014 и 2020–2021 гг., миллионы людей, потерявших медицинские страховки, выселенных из своих домовладений, лишившихся своих малых фирм, — все это предопределило резкое, в масштабах, невиданных со времен Великой депрессии 1930-х годов, усиление роли государства в экономике. В 2012 г. в ходе предвыборной кампании всю Америку обошло знаменитое высказывание тогдашнего кандидата на пост президента США от Республиканской партии, а в настоящее время сенатора от штата Юта Митта Ромни — о 47% «жизненных неудачников» американского общества. Это заявление обернулось для него и Республиканской партии чувствительным поражением на президентских выборах 2012 г. Дословно оно звучало так: «47% избирателей проголосуют за президента Б. Обаму, несмотря ни на что ... 47%, которые зависят от государственной помощи, которые считают себя жертвами, которые верят, что государство должно заботиться о них, которые считают, что они имеют право на получение медицинской помощи, продовольственных талонов, жилья, других видов государственных услуг... Это люди, которые не платят подоходные налоги. 47% американцев не платят подоходные налоги» [Zelenak, p. 471]¹.

В итоге уже в начале 2010-х годов видный американский исследователь, профессор социологии Айрин Тависс Томпсон указывала на рост понимания в американском обществе того факта, что «одного только индивидуализма в настоящее время явно недостаточно, чтобы сплотить общество. Без простого осознания, в чем состоит благо для общества в целом, без общей культуры в обществе будут возникать ожесточенные политические баталии» [Thompson, p. 86]. Доминирующее понимание «роли индивидуализма в американской культуре долгое время строилось на модели конфликта, в которой индивидуализм и конформизм антагонистичны по отношению друг к другу, а индивидуализм и социальное сотрудничество находятся на противоположных полюсах общественных отношений. Но сейчас можно с большой долей уверенности утверждать, что американцы больше не определяют истинный индивидуализм как нечто, предполагающее конфликт с окружающим обществом» [Thompson, p. 106].

Аналогичная ситуация возникла и с дихотомией «равенство возможностей — конкуренция». Примерно с 1960-х годов в американском общественном сознании постепенно утверждалось представление, что в США доминирующую роль в системе обществен-

1 С тех пор 47% стало нарицательным ярлыком для определения всех видов жизненных неудачников в американском обществе, включая кандидатов в президенты и президентов (Д.Трамп), проигравших президентские выборы.

ных отношений играют закрытые «элиты», которые стали именовать емким термином «истеблишмент». При этом в культурологическом плане деятельность «элит», особенно представляющих средства массовой информации и академический мир США, стала характеризоваться как направленная на разрушение базовых американских ценностей, отражающих умонастроения и идеологические стереотипы широких масс населения. Причины культурологической несовместимости «элит» и рядовых граждан А.Т. Томпсон усматривала в том, что элиты и их представители не имеют связей с простым народом [Thompson, p. 149]. Как следствие, в американском обществе начали возникать явные антиэлитные настроения, которые приняли форму «демократического популизма» [Thompson, p. 157].

С появлением на политической авансцене Д. Трампа популистские настроения стали представлять угрозу для американской политической демократической системы, начиная с его знаменитой программной установки «осушить вашингтонское болото» (октябрь 2016 г.) [Berman] и заканчивая событиями 6 января 2021 г. в г. Вашингтоне, которые политическое руководство США охарактеризовало как попытку неудавшегося антиконституционного государственного переворота [Hill].

Углубляющийся идейный разрыв в понимании смысла и значения базовых американских ценностей

Размывание привычных ценностных ориентиров американского общества наложило на другое явление в эволюции их роли и значения для цивилизационной самоидентификации Америки: стремительно нарастающий разрыв в понимании и трактовке смысла и значения базовых ценностей. Речь не об отрицании вышеуказанных ценностей, а о расхождении в их понимании представителями различных идеологических течений, главным образом носителями либеральной и консервативной идеологий, сторонниками Демократической и Республиканской партий. Так, согласно опросу общественного мнения, проведенному социологической службой «Пью Рисерч» еще в сентябре 2019 г., 73% респондентов Демократической и Республиканской партий были не согласны между собой не только в оценке направлений внутренней и внешней политики, предлагаемых руководством партий, но и в трактовке «базовых понятий», в круг которых входят и ценностные категории. Соответственно, только 26% респондентов могли иметь одинаковые представления о содержательной стороне обсуждаемых тем и проблем [Dimock].

Углубляющийся разрыв в понимании смысла и значения базовых ценностных ориентиров имеет следствием нарастание взаимного морального неприятия между представителями противоборствующих политических лагерей. В 2020 г. 55% республиканцев считали демократов «более аморальными людьми» по сравнению с остальной частью американского общества (увеличение на 8% по сравнению с 2016 г.); аналогичной точки зрения в отношении республиканцев придерживались 47% демократов (рост на 12% по сравнению с 2016 г.) [Dimock].

Результат опроса «Пью Рисерч» может быть проиллюстрирован данными социологического исследования, проведенного осенью 2020 г. Институтом по исследованию религиозных проблем совместно с Брукингским институтом в рамках ежегодного изучения изменений в ценностных ориентациях американцев. В частности, респондентов просили высказать мнение по двум принципиально важным проблемам иммиграционной политики США. Первый тезис-утверждение гласил, что в настоящее время имеет место «вторжение» иммигрантов в США, в результате чего происходит постепенная подмена культурных и этнических основ американского общества. Согласно второму тезису-утверждению, мусульманская система ценностей не имеет ничего общего с американскими системой ценностей и образом жизни.

68% всех респондентов не согласились с первым тезисом, 54% — со вторым. Однако среди белых евангелистов-протестантов количество несогласных было практически в два раза меньше, составив 40% и 28% соответственно [Dueling Realities... slide 26]. Таким образом, можно достаточно определенно говорить, что в настоящее время между белым большинством Америки, исповедующим систему базовых американских ценностей, и остальной частью общества, представляемой этническими и гендерными меньшинствами, возникает непреодолимая пропасть, которая вряд ли может быть устранена в рамках традиционной американской модели мультикультурной ассимиляции.

Растущий разрыв в понимании смысла и значения базовых американских ценностей оборачивается растущим антагонизмом между сторонниками Республиканской и Демократической партий. Согласно тому же опросу Института по исследованию религиозных проблем, 81% республиканцев твердо считали, что «социалисты установили контроль над Демократической партией» (этой точки зрения придерживались 46% независимых и 12% демократов), а 78% демократов полагали, что «расисты подмяли под себя Республиканскую партию» (аналогичную позицию занимали 47% независимых и только 9% республиканцев) [Dueling Realities...].

В условиях происходящего в американском обществе фундаментального сдвига в системе базовых ценностей американской цивилизации в рамках политической демократической системы возникает устойчивый синдром политических «игр с нулевой суммой», или политических антагонистических игр, в рамках которых политический успех одной партии может быть достигнут только за счет проигрыша партии-оппонента. Сознание политической элиты современных США в настоящее время пронизано именно идеологией «игр с нулевой суммой». При этом «консерваторы думают о нулевой сумме, когда речь идет о политике, касающейся социальных изменений, например об иммиграционной реформе... Либералы, с другой стороны, думают об экономическом неравенстве в категориях игр с нулевой суммой, когда все богатство сосредоточено в руках меньшего числа людей». В итоге в современном американском обществе «национальные избранные лидеры на противоположных концах политического спектра усиленно продвигают политические стратегии действий с нулевой суммой» [Подробнее см.: Davidai, Ongis].

Метаморфоза сознания современной политической элиты США и породила феномен «культуры отмены» (“cancel culture”), или, правильнее сказать, «культуры обнуления», «стирания исторической памяти» американского общества и американской цивилизации.

Матрица исторической памяти Америки: перезагрузка

Феномен «культуры обнуления» («культуры отмены»), толкуемый с различных позиций, начал оказывать влияние практически на все стороны общественной и политической жизни США примерно с 2017–2018 гг. Постепенно он стал использоваться в качестве одного из наиболее эффективных медийных средств борьбы с системой традиционных американских ценностей и для переписывания (можно даже сказать, «обнуления») американской истории. Эти процессы постепенно начинают доходить до сознания рядовых американцев. Согласно социологическому опросу центра «Пью Рисерч», опубликованному в мае 2021 г., такой точки зрения придерживались 13% республиканцев и 1% демократов. С другой стороны, 7% опрошенных демократов полагали, что эта концепция активно используется для борьбы с расизмом, ксенофобией и белым шовинизмом; аналогичный взгляд на «культуру отмены» разделял лишь 1% опрошенных республиканцев [Americans...].

В знаменитой речи, произнесенной на горе Рашмор в штате Южная Дакота накануне празднования Дня Независимости 4 июля 2020 г., бывший президент США Д. Трамп однозначно охарактеризовал «культуру отмены» как одно из главных политических орудий, используемых для того, чтобы «заставить людей уйти с работы, пристыдить несогласных и потребовать полного подчинения от всех несогласных. Это и есть тоталитаризм в самом полном смысле этого понятия, полностью чуждый нашей культуре и нашим ценностям, и ему абсолютно нет места в Соединенных Штатах Америки». Одурманенные идеями «культуры отмены», — далее продолжал он, — разъяренные толпы «пытаются снести статуи наших отцов-основателей, разрушить наши самые священные памятники и развязать волну жестоких преступлений в наших городах». При этом особый упор Д. Трамп сделал на то, что «эта левая культурная революция призвана полностью нивелировать идеи Американской революции. Поступая таким образом, леваяки уничтожат ту самую цивилизацию, которая спасла миллиарды людей от бедности, болезней, насилия и голода и подняла человечество на новые высоты достижений, открытий и прогресса. Для реализации своих идей они полны решимости снести все статуи, символы и памятники нашего национального наследия» [Trump Remarks...].

Конкретными проявлениями «культуры отмены» Д. Трамп назвал то, что «вопреки всем законам общества и природы... детей в школе учат ненавидеть свою страну и верить, что мужчины и женщины, построившие ее, были не героями, а злодеями. Радикальный взгляд на американскую историю — это паутина лжи: всякая перспектива уничтожена, каждая добродетель скрыта, каждый мотив искажен, каждый факт поставлен под сомнение и каждый недостаток преувеличен настолько, что вся амери-

канская история теряет всякий смысл, а историческая канва событий искажается до неузнаваемости [Trump Remarks...].

Как отметил Д. Трамп, происходит осквернение памяти великих американских президентов, чьи скульптурные лики изваяны на г. Рашмор: Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и Рузвельта (Теодора Рузвельта (1858–1919 гг.), 26-го президента США). При этом показательно, что «радикальная идеология, атакующая нашу страну, продвигается под знаменем социальной справедливости. Но на самом деле она разрушает всякую справедливость и все общество. Идея справедливости превращается в инструмент разделения и мести, и поэтому наше свободное и исключительное общество с течением времени может стать местом репрессий, унижения и всех видов запретов» [Trump Remarks...].

Д. Трамп предложил создать Национальный парк американских героев и с этой целью подписал соответствующий указ. Возведение скульптурных изваяний видных американских деятелей и личностей, создавших американское общество, обосновывалось тем, что «эти статуи, произведенные из камня и металла, станут безмолвными учителями. Они станут хранителями исторической памяти и будут пробуждать дух ответственности, откроют возможность для будущих поколений внести свой вклад в будущие славные страницы героической истории Америки. Эти произведения искусства должны вызывать чувства благодарности за достижения и жертвы выдающихся сограждан, которые, несмотря на свои недостатки, поставили свои добродетели, свои таланты и свою жизнь на службу (американской. — Авт.) нации. Эти памятники будут выражать самые благородные идеалы: уважение к предкам, свободолюбие и стремление к более совершенному союзу американских штатов» [Building and Rebuilding...].

Национальный парк американских героев должен был быть открыт к 4 июля 2026 г., ко дню 250-летнего юбилея принятия Декларации независимости США. О том, насколько большое значение Д. Трамп придавал идее создания этого парка, свидетельствует тот факт, что 18 января 2021 г., за два дня до ухода из Белого дома, он подписал второй указ, содержащий перечень 244 видных исторических деятелей США, включавший 192 мужчины и 52 женщины [Building the National... p. 6810–6811].

Однако 14 мая 2021 г., действуя в духе «культуры отмены», президент Дж. Байден подписал короткий указ, в котором отменил действие двух указов Д. Трампа о создании Национального парка американских героев, никак не мотивировав свое решение. Помимо этого, было отменено и действие указа Д. Трампа от 26 июня 2020 г., предусматривавшего административную и уголовную ответственность за осквернение исторических памятников, памятных знаков и мемориалов [Revocation of Certain... p. 27025–27026].

«Героический список» Д. Трампа был подвергнут критике за однобокую гендерную ориентацию, которая в соотношении 73% на 27% отдавала приоритет героям-мужчинам. 86 героев списка было рождено в период между 1900 и 1950 г. Первым же в спи-

ске значился Х. Колумб, рожденный в 1451 г., последним — К. Брайан, американский профессиональный баскетболист (1978–2020 гг.). Самым молодым американским героем оказался Н. Гейл, участник американской Войны за независимость, казненный англичанами в возрасте 21 года; самой пожилой — математик НАСА К. Джонсон (1918–2020 гг.), рассчитавшая траектории полета всех американских пилотируемых лунных миссий в рамках проекта «Аполлон» (1969–1972 гг.).

Американские историки либерального толка, в частности, М. Бошлосс, специализирующийся на изучении института президентской власти в США, подвел теоретическую базу под указ Дж. Байдена задолго до его издания, заявив, что «вся слава американской демократии заключается в том, что каждый американский гражданин сам для себя должен решить, кто является его личным героем, а кто — нет. Это не входит в круг компетенций какого-либо президента, особенно того, кто был отвергнут американскими избирателями» [Alberti]. Формула, согласно которой каждый гражданин США должен составить свой собственный список национальных героев, и представляет собой кратчайший путь к «стиранию исторической памяти» американского общества.

Процесс предания забвению исторической памяти и подмены одних героических личностей другими вышел в США на уровень принятия федеральных законов. В частности, согласно закону о военном бюджете на 2021 фин. г. (P.L. 116–283), в течение трех лет министром обороны США должна быть создана специальная комиссия, цель которой — подготовить план переименования 10 американских военных баз (расположенных на территории южных штатов Луизиана, Джорджия, Северная Каролина, Техас, Вирджиния), носящих имена генералов и военачальников Конфедерации (союза сепаратистских штатов, существовавшего в годы Гражданской войны 1861–1865 гг.), в том числе генерала Р. Ли [FY2021 National... p. 10].

Большой резонанс в США вызвала инициатива руководства демократов в Палате представителей во главе со спикером Н. Пелоси — удалить 8 статуй видных деятелей Конфедерации, установленных в одном из залов Конгресса США. Предыстория этих статуй такова. Еще в 1864 г. было принято законодательство, согласно которому каждый штат должен был предоставить для Конгресса США изваяния двух наиболее известных граждан штата. Первая скульптура появилась в 1870 г. Восемь скульптур, имевших самое прямое отношение к видным деятелям Конфедерации, были установлены в период с 1908 по 1931 гг. по решениям законодательных собраний штатов Арканзас, Алабама, Миссисипи, Джорджия, Северная и Южная Каролины [National Statuary... pp. 7–8].

Процесс замены этих статуй, объявленных символами рабовладения, начался. В частности, по решению властей штата Вирджиния была демонтирована статуя генерала Р. Ли, которая будет заменена изваянием афроамериканки Б. Джонс (1935–1991 гг.), известной активистки правозащитного движения этого штата. Одновременно по решению Н. Пелоси были сняты портреты четырех спикеров Палаты представителей, которые активно поддерживали Конфедерацию в годы Гражданской войны [Marcos].

Процесс «обнуления» американского исторического наследия набирает обороты. Если в период с 2015 по 2019 г. в США было демонтировано 54 памятника, так или иначе связанных с эпохой рабовладения, то в 2020 г. на волне массовых протестов против убийства Дж. Флойда было снесено уже 169 памятников, главным образом в штатах Вирджиния (71 памятник) и Северная Каролина (23 памятника) [2020 Confederate...]. Всего на территории США остаются еще 2100 публичных символов эпохи Конфедерации, из которых 704 представляют собой памятники и мемориальные группы.

Важно иметь в виду, что трансформация матрицы исторической памяти американского общества обусловлена более широким процессом — переосмыслением роли и значения в цивилизационном развитии США белых американцев, белой расы, что приняло форму ожесточенной политической и идейной борьбы вокруг «критической расовой теории».

Амбивалентное значение критической расовой теории

В настоящее время господствующее представление американской интеллектуальной элиты о роли белого населения, основавшего США и игравшего доминирующую роль в цивилизационном развитии страны, сводится к тому, что политические, правовые и конституционные основы США буквально пронизаны идеями расового превосходства белых американцев. Согласно хрестоматийному определению известного философа афроамериканского происхождения Т. Карри, «поборники критической расовой теории утверждают, что вся американская правовая система и все американские правовые институты являются в своей основе расистскими, поскольку с самого начала образования США они были ориентированы на увековечивание социально-экономических и политических различий между белой и иными расами, конкретно — между белыми и афроамериканцами» [Critical race Theory].

Собственно говоря, все представления о «системном расизме», получившие широкое хождение в современных США, базируются на том, что система ценностей, воплощенная в американском институционализме, носит расистский характер, поскольку напрямую обусловлена менталитетом и сознанием белого большинства Америки. Белые как титульная американская раса, иногда определяемая как «белые, англосаксы и протестанты», только на первый взгляд сформировали общеамериканскую систему ценностей, в равной степени отвечающую сознанию небелых социальных групп и других американских рас. В этом плане не только христианство как доминирующая в стране религиозная конфессия, но и Конституция США являются «сугубо расовыми». По мнению одного из самых видных авторов критической расовой теории, афроамериканского профессора Д. Белла (1930–2011 гг.), «право и религия имеют много общего. В частности, как право, так и религия претендуют на то, чтобы облагородить человеческую природу. Право претендует на то, чтобы установить справедливость, включая расовую справедливость, в то время как религия стремится утвердить любовь и добрые начала во взаимоотношениях людей (включая добродетельные расовые отношения)». Дальнейшей аргументации Д. Белла мог бы позавидовать любой агностик: по его убе-

ждению, «и право, и религия полагаются исключительно на слепую веру, благодаря которой и мыслится достижение фундаментальных целей. При этом к вере прибегают всякий раз, несмотря даже на то, что ей противоречат и научные доказательства, и здравый смысл. Например, мы знаем, что с научной точки зрения воскресение Христа не могло иметь места и его никогда не было, однако христианство вновь и вновь обращается к верующим с требованием признания факта Воскресения». Поэтому, резюмировал американский философ, «аналогичным образом мы знаем из истории и на собственном опыте, что право никогда не сможет обеспечить справедливость, а в Америке право никогда не сможет обеспечить расовую справедливость. Однако нам постоянно внушают мысль о том, что справедливость вот-вот наконец-то восторжествует в американском обществе» [Bell, p.265].

За этими обширными пассажами из последней статьи Д. Белла, которая считается его «идейным завещанием», отчетливо просматривается «цветной расизм». Смысл может быть интерпретирован таким образом, что фундаментальные улучшения в США, в том числе и в плане смены ценностной парадигмы американского общества, начнутся только тогда, когда с исторической авансцены постепенно станет сходить белая титульная раса.

В 2020–2021 гг. идейная борьба вокруг критической расовой теории, как и в отношении «культуры обнуления», вышла на самый высокий политический уровень. 22 сентября 2020 г. Д. Трамп подписал пространный указ о противодействии расовым и гендерным стереотипам в деятельности федерального правительства США. В указе критическая расовая теория непосредственно не упоминалась, но связанное с ней идейное направление было отнесено к одной из самых «радикальных», «разрушительных» и «злокачественных» идеологий, с которой когда-либо сталкивалось американское общество. «Эта идеология, — подчеркивалось в указе, — основана на пагубных и ложных убеждениях, что Америка является исконно расистской и сексистской страной; что некоторые люди, просто по причине своей расы или пола, являются угнетателями; и эта расовая и сексуальная идентичность важнее, чем общий статус просто людей и американцев». При этом Белый дом решительно отмежевался от расистских представлений середины XIX в., согласно которым американское государство «было создано на белой основе белыми мужчинами и ради защиты их интересов» [Combating Race... p. 60683].

В указе также говорилось: «Наши военные не должны внушать нашим героическим мужчинам и женщинам в военной форме ложные представления о том, что страна, за которую они готовы умереть, является по своей сути расистской. Распространение таких ложных представлений может напрямую угрожать сплоченности и эффективности наших вооруженных сил» [Combating Race... p. 60684].

Этот указ Д. Трампа вызвал широкий резонанс в американском обществе, поскольку был принят в ходе заключительного этапа президентской кампании 2020 г. Фактически он был истолкован как разновидность политизированной «оговорки по Фрейду»: «все

в Америке подсознательно знали», что общественные институты страны пронизаны «духом превосходства белых», но никто не решался сказать об этом вслух, тем более в виде указа главы исполнительной власти.

Формализовав фронтальную идеологическую атаку на критическую расовую теорию, Д. Трамп и в его лице большая часть Республиканской партии тем самым подошли к проблеме чрезвычайно опасной «красной черты», за пределами которой начинается собственно деамериканизация США, когда противодействие дискриминации афро-американского населения плавно переходит в борьбу с белой расой, белыми американцами как таковыми. Фактически в идеологическом поле страны создавалась колоссальная брешь, подразумевавшая и формальное, и функциональное отрицание роли титульной нации в историческом и цивилизационном развитии Америки буквально с самых первых этапов становления американской республики.

Далекоидущие последствия двусмысленного отношения «заблудившихся в трех секвойях» Д. Трампа и его самых верных сторонников были мгновенно просчитаны демократической администрацией Дж. Байдена. Одним из первых указов нового хозяина Белого дома, подписанным в день инаугурации 20 января 2021 г., стал указ № 13 985 с претенциозным названием «Продвижение расовой справедливости и поддержка ущемленного в правах населения общин через федеральное правительство». Указ Дж. Байдена отменил действие указа Д. Трампа от 22 сентября 2020 г. В новом указе была четко и недвусмысленно очерчена политика Демократической партии в сфере восстановления исторической справедливости и преодоления всех видов расовой дискриминации. При этом была сформулирована беспрецедентная цель, согласно которой утверждение верховенства принципов равенства, гражданских прав, расовой справедливости и равных возможностей было признано задачей всех структурных подразделений исполнительной власти (!).

Федеральному правительству, говорилось в указе, следует применять комплексный подход к продвижению справедливости для всех, в том числе среди цветных и тех, кто исторически были ущемлены, маргинализированы и страдают от постоянной бедности и неравенства. Продвигать равенство, гражданские права, расовую справедливость и равные возможности — ответственность всего правительства, потому что обеспечение справедливости требует системной работы. Исполнительные органы и агентства должны работать над устранением несправедливости в своей политике и программах, служащей препятствием на пути к равным возможностям.

Косвенным образом указ Дж. Байдена поддержал требования афроамериканцев и коренных народов Америки о выплате им компенсации за столетия расового угнетения в форме рабства и последовавшего за ним периода расовой дискриминации, в сумме по меньшей мере 5 трлн долл. в течение 5 лет [Advancing Racial...].

Иными словами, критическая расовая теория ведет не к устранению, а к видоизменению расового неравенства: в перспективе титульной расой Америки должна будет

стать амальгама небелых рас, которая, по всей видимости, и придет на смену титульной расе прошлого исторического периода. В июне 2021 г. Дж. Байден подписал новый указ, согласно которому именно федеральному правительству (вернее, его служащим на всех уровнях) предстоит с течением времени стать прообразом новой формы титульных небелых рас.

Одновременно особое внимание было уделено «равному представительству» людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Указ содержал, в частности, требование к Директору национальной разведки США «предпринять шаги для устранения любых препятствий на пути допуска к секретной информации и проверкам личности для представителей ЛГБТ-сообщества — сотрудников федеральных учреждений и претендентов на работу в них, в том числе трансгендеров... и небинарных лиц...» [Fact Sheet: President Biden...].

Оставив президентский пост, Д. Трамп в своих речах и интервью продолжил выступать против этих идеологических новаций. 26 июня 2021 г. на митинге своих сторонников в штате Огайо он заявил о необходимости запретить преподавание критической расовой теории как учебной дисциплины в образовательных учреждениях и ее насаждение в федеральном правительстве и особенно в вооруженных силах США. Д. Трамп обратил внимание своих сторонников на то обстоятельство, что в начале 2021 г. администрация Дж. Байдена издала новые правила, внедряющие эту теорию в учебные программы по всей стране, а также в пропагандистскую работу в армии. «Наши генералы и адмиралы, — заявил он, — теперь больше сосредоточены на этой чепухе, чем на наших врагах. Вы видели этих генералов в последнее время по телевидению? Они стали жертвами этой порочной теории. Наши военные больше не будут способны сражаться и подчиняться приказам» [Trump Wellington...].

Под прямым влиянием указа Д. Трампа от 22 сентября 2020 г., в части американских штатов (в основном «красных», прореспубликанских) началось мощное движение за запрет преподавания критической расовой теории в школах. По состоянию на конец июня 2021 г. в legislatures 27 штатов были внесены законопроекты о запрете преподавания этой теории школьникам, а в восьми штатах (Айдахо, Айова, Арканзас, Нью-Гемпшир, Оклахома, Теннесси, Техас и Флорида) она была законодательно запрещена [Map...].

Базовая американская парадигма формирования культурной и ценностной самоидентификации американской нации традиционно базировалась на представлениях о «плавильном расово-этническом котле». Новым иммигрантам, в последние десятилетия представленным в основном небелыми расово-этническими группами, по прибытии в США предстояло постепенно ассимилироваться и адаптироваться к господствующей системе **американских** ценностей.

Однако по мере сокращения относительной доли белых в общей численности американского населения количество стало переходить в качество. Если в 1980 г. белые

составляли 80% населения США, то по итогам переписи 2020 г. эта доля сократилась до 60,1% [Freу]. «Цветные» этнически-расовые меньшинства почувствовали, особенно после избрания в 2008 г. президентом США афроамериканца Б. Обамы, свою силу и духовную мощь, идущую вразрез с ценностно-культурной ориентацией белого большинства.

Вместо процессов адаптации и ассимиляции полным ходом стали развиваться процессы **замещения** прежних американских ценностей, ассоциируемых с многовековым господством белого большинства, ценностными установками «цветной Америки». Процесс этот принял форму бескомпромиссной культурной войны на выживание, поскольку, как в свое время отметила профессор А.Т. Томпсон, американская система ценностей не базируется на факте рождения, а является следствием идеологической индоктринации, поскольку «в Америке все те, кто отвергает традиционные американские ценности по определению являются антиамериканцами» [Thompson, p. 28].

Как утверждается в диалоге «Тимей» великого древнегреческого философа Платона, континент Атлантида затонул в Атлантическом океане буквально «за одни ужасные сутки» [Платон, с. 507]. Возможно, это удел атлантических типов цивилизаций, ожидающий и современные США. Когда в горниле сегодняшней идеологической войны полностью выгорит система культурных ценностей Америки, она, возможно, так же быстро опустится на дно канувших в Лету мировых цивилизаций [Подробнее см.: Jones, Roberts]¹.

Литература

Платон. Сочинения в четырех томах. Том 3. Часть 1. СПб. 2007.

2020 Confederate Symbol Removals // Southern Poverty Law Center. — URL: splcenter.org/data-projects/2020-confederate-symbol-removals (date of access: 12.07.2021).

Advancing Racial Equity and Support for Underserved Communities Through the Federal Government. Executive Order 13985 of January 20, 2021 // Federal Register. 25.01.2021. — URL: federalregister.gov/documents/2021/01/25/2021-01753/advancing-racial-equity-and-support-for-underserved-communities-through-the-federal-government (date of access: 12.07.2021).

Alberti D. Trump's "American Heroes" are 73% men // Axios. 19.01.2021. — URL: axios.com/trump-national-garden-american-heroes-fa32200f-340b-41e9-be8c-0d92b3c700de.html (date of access: 12.07.2021).

1 В последние годы американские социобиологи в осторожной форме заговорили о том, что в американском обществе происходят изменения, которые могут быть определены как метаморфозы «цивилизационного кода развития» Америки. Причина этих изменений кроется, согласно проведенным исследованиям и наблюдениям, не в расовых, а в географических факторах. Лица одной и той же этнической группы, например латиноамериканцы, с социобиологической точки зрения не очень отличаются друг от друга, но вот географические факторы их происхождения имеют большое влияние на их темперамент, болезни, даже политическую активность.

- Americans and 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment // Pew Research Center. 19.05.2021. — URL: [pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/](https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/) (date of access: 12.07.2021).
- Bell D.* Law as a Religion // *Case Western Reserve Law Review*. 2018. N2. Pp. 265–274.
- Berman R.* Donald Trump's Last-Ditch Plan to 'Drain the Swamp' // *The Atlantic*. 19.10.2016. — URL: [theatlantic.com/politics/archive/2016/10/donald-trumps-plan-to-drain-the-swamp/504569/](https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/10/donald-trumps-plan-to-drain-the-swamp/504569/) (date of access: 12.07.2021).
- Building and Rebuilding Monuments to American Heroes. Executive Order 13934 of July 3, 2020 // *Federal Register*. 08.07.2020. — URL: [federalregister.gov/documents/2020/07/08/2020-14872/building-and-rebuilding-monuments-to-american-heroes](https://www.federalregister.gov/documents/2020/07/08/2020-14872/building-and-rebuilding-monuments-to-american-heroes) (date of access: 12.07.2021).
- Building the National Garden of American Heroes. Executive Order 13978 of January 18, 2021 // *Federal Register*. 22.01.2021. — URL: [federalregister.gov/documents/2021/01/22/2021-01643/building-the-national-garden-of-american-heroes](https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/22/2021-01643/building-the-national-garden-of-american-heroes) (date of access: 12.07.2021).
- Combating Race and Sex Stereotyping. Executive Order 13950 of September 22, 2020 // *Federal Register*. 28.09.2020. — URL: [federalregister.gov/documents/2020/09/28/2020-21534/combating-race-and-sex-stereotyping](https://www.federalregister.gov/documents/2020/09/28/2020-21534/combating-race-and-sex-stereotyping) (date of access: 12.07.2021).
- Critical race Theory // *Encyclopedia Britannica*. 16.06.2021. — URL: [britannica.com/topic/critical-race-theory](https://www.britannica.com/topic/critical-race-theory) (date of access: 12.07.2021).
- Davidai Sh., Ongis M.* The politics of zero-sum thinking: The relationship between political ideology and the belief that life is a zero-sum game // *Science Advances*. 2019. №5. Es. 3761. 18.12.2019.
- Dimock M.* How Americans View Trust, Facts, and Democracy Today // *Trust Magazine*. 19.02.2020. — URL: [pewtrusts.org/en/trust/archive/winter-2020/how-americans-view-trust-facts-and-democracy-today](https://www.pewtrusts.org/en/trust/archive/winter-2020/how-americans-view-trust-facts-and-democracy-today) (date of access: 12.07.2021).
- Diversity, Equity, Inclusion, and Accessibility in the Federal Workforce. Executive Order 14035 of June 25, 2021 // *Federal Register*. 30.06.2021. — URL: [federalregister.gov/documents/2021/06/30/2021-14127/diversity-equity-inclusion-and-accessibility-in-the-federal-workforce](https://www.federalregister.gov/documents/2021/06/30/2021-14127/diversity-equity-inclusion-and-accessibility-in-the-federal-workforce) (date of access: 12.07.2021).
- Dueling Realities: Amid Multiple Crises, Trump and Biden Supporters See Different Priorities and Futures for the Nation // *PRRI*. 19.10.2020. — URL: [prri.org/research/amid-multiple-crises-trump-and-biden-supporters-see-different-realities-and-fut](https://www.prrri.org/research/amid-multiple-crises-trump-and-biden-supporters-see-different-realities-and-fut) (date of access: 12.07.2021).
- Fact Sheet: President Biden Signs Executive Order Advancing Diversity, Equity, Inclusion, and Accessibility in the Federal Government // *The White House*. 25.06.2021. — URL: [whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/25/fact-sheet-president-biden-signs-executive-order-advancing-diversity-equity-inclusion-and-accessibility-in-the-federal-government/](https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/25/fact-sheet-president-biden-signs-executive-order-advancing-diversity-equity-inclusion-and-accessibility-in-the-federal-government/) (date of access: 12.07.2021).
- Frey W.* The nation is diversifying even faster than predicted, according to new census data // *Brookings*. — URL: [01.07.2020. brookings.edu/research/new-census-data-shows-the-nation-is-diversifying-even-faster-than-predicted/](https://www.brookings.edu/research/new-census-data-shows-the-nation-is-diversifying-even-faster-than-predicted/) (date of access: 12.07.2021).
- FY2021 National Defense Authorization Act: Context and Selected Issues for Congress. March 8, 2021. Congressional Research Service. — URL: [everycrsreport.com/files/2021-03-08_R46714_fa874f9662ce23860de513d02a7339dbbe58b221.pdf](https://www.everycrsreport.com/files/2021-03-08_R46714_fa874f9662ce23860de513d02a7339dbbe58b221.pdf) (date of access: 12.07.2021).
- Hill F.* Opinion. Yes, It Was a Coup Attempt. Here's Why // *Politico*. 01.11.2021. — URL: [politico.com/news/magazine/2021/01/11/capitol-riot-self-coup-trump-fiona-hill-457549](https://www.politico.com/news/magazine/2021/01/11/capitol-riot-self-coup-trump-fiona-hill-457549) (date of access: 12.07.2021).

- Jones T., Roberts J.* Genetic Race? DNA Ancestry tests, Racial Identity, and the Law // *Columbia Law Journal*. 2020. N7. Pp.1929–2016.
- Krull J.* Commentary: Trump, Romney and the definition of loser // *The Statehouse File.com*. 05.05.2021. — URL: thestatehousefile.com/commentary-trump-romney-and-the-definition-of-loser/ (date of access: 12.07.2021).
- Map: Where Critical Race Theory Is Under Attack // *EducationWeek*. 29.06.2021. — URL: edweek.org/policy-politics/map-where-critical-race-theory-is-under-attack/2021/06. (date of access: 12.07.2021).
- Marcos C.* House passes bill to remove Confederate statues from Capitol // *The Hill*. 29.06.21. — URL: thehill.com/homenews/house/560804-house-passes-bill-to-remove-confederate-statues-from-capitol (date of access: 12.07.2021).
- Moriarty R.* Is A Fundamental Culture Shift Happening? // *Forbes*. 21.04.2020. — URL: forbes.com/sites/robinmoriarty/2020/04/21/is-a-fundamental-culture-shift-happening/?sh=2fe41fbf7ab9 (date of access: 12.07.2021).
- Most Americans Point to Circumstances, Not Work Ethic, for Why People Are Rich or Poor. Young people have more negative views of impact of billionaires // *Pew Research Center*. 02.03.2020. — URL: pewresearch.org/politics/2020/03/02/most-americans-point-to-circumstances-not-work-ethic-as-reasons-people-are-rich-or-poor/ (date of access: 12.07.2021).
- National Statuary Hall Collection: Background and Legislative Options. December 3, 2019. Congressional Research Service. — URL: fas.org/sgp/crs/misc/R42812.pdf (date of access: 12.07.2021).
- Revocation of Certain Presidential Actions and Technical Amendment. Executive Order 14029 of May 14, 2021 // *Federal Register*. 19.05.2021. — URL: federalregister.gov/documents/2021/05/19/2021-10691/revocation-of-certain-presidential-actions-and-technical-amendment (date of access: 12.07.2021).
- The Six Basic American Values Are What Make Us “Americans” // *Vintage American ways*. — URL: vintageamericanways.com/american-values/ (date of access: 12.07.2021).
- Thompson I.* *Cultural Wars and Enduring American Dilemmas*. 2013.
- Trump D.* Remarks at an Independence Day Celebration at the Mount Rushmore National Memorial in Keystone, South Dakota // *The American Presidency Project*. 03.07.2020. — URL: presidency.ucsb.edu/node/343032 (date of access: 12.07.2021).
- Trump D.* Wellington, Ohio Rally Speech Transcript: First Rally Since Leaving Office // *Rev*. 27.06.2021. — URL: rev.com/blog/transcripts/donald-trump-wellington-ohio-rally-speech-transcript-first-rally-since-leaving-office (date of access: 12.07.2021).
- Vogels E.F., Anderson M., Porteus M. and others* Americans and ‘Cancel Culture’: Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment // *Pew Research Center*. 19.05.2021. — URL: pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/ (date of access: 12.07.2021).
- Zelenak L.* Mitt Romney, the 47%, and the Future of the Mass Income Tax // *Tax Law Review*. 2014. Vol. 67. Pp. 471–500.

**РОССИЯ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

УДК 93/94; 94(5); 94(47); 327
DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-51-65

Юрий ТАВРОВСКИЙ

Русско-китайские договоры: вехи и зигзаги истории

Часть I. От XVII в. до Второй мировой войны

Аннотация. *Отношения России и Китая фиксировались в многочисленных документах, особую ценность среди которых имели договоры. Одни из них устаревали постепенно, другие денонсировались через несколько лет, но некоторые сохраняли свою силу десятилетиями. Как документы высшего международно-правового уровня, оставившие неизгладимый след в развитии двусторонних отношений, договоры позволяют особенно наглядно проследить и понять их динамику. В первой части статьи представлен анализ договорных отношений двух стран от зарождения в начале XVII в. дипломатических контактов между ними до Второй мировой войны. Отмечено, что особенно быстро российско-китайские связи расширялись начиная с середины XIX в. Особое внимание уделено Договору о ненападении 1937 г., оправдавшему себя с точки зрения интересов как СССР, так и Китайской Республики в критический момент их истории.*

Ключевые слова: *русско-китайские отношения, советско-китайские отношения, международные договоры, добрососедство, формирование российско-китайской границы, союзнические отношения, договоры между Россией и Китаем, СССР и Китаем, Договор о ненападении 1937 г.*

Отношения России и Китая, за минувшие четыре века несколько раз менявших свои официальные названия, фиксировались в многочисленных документах: трактатах, договорах, соглашениях, протоколах, декларациях и т. д. Особую ценность имели договоры, отражавшие понимание сторонами национальных интересов и степень готовности идти навстречу интересам партнера. Одни из них устаревали и теряли эффективность постепенно, другие денонсировались через несколько лет, некоторые сохраняли силу десятилетиями. Как документы высшего международно-правового уровня, оставлявшие неизгладимый след в развитии двусторонних отношений, договоры в наибольшей степени позволяют проследить и понять их динамику и традиции. Предпринимаемая в данной статье попытка проанализировать наиболее значимые российско-китайские договоры за почти четыре века особенно актуальна в год 20-летия действующего Договора о добрососедстве, мире и сотрудничестве 2001 г.

Сведения об авторе: ТАВРОВСКИЙ Юрий Вадимович — руководитель экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, постоянный член Изборского клуба, diplomatrus@mail.ru.

Формирование русской и китайской цивилизаций разделено тысячами лет, их исторические очаги отстоят друг от друга на тысячи километров. Только в начале XVII в. состоялись первые дипломатические контакты в процессе освоения обеими державами малонаселенных просторов Восточной Сибири и Забайкалья. Русские глядели в сторону восхода и стремились освоить новое жизненное пространство, шли в Зауралье, Сибирь и дальше. Возникали города Тобольск (1587), Томск (1608), Красноярск (1628), Якутск (1632). Уже тогда правители русского государства поощряли «поворот на Восток», старались наладить регулярные связи с Китаем.

За два с половиной столетия Россия направила в управлявшую Поднебесной с 1644 по 1911 г. маньчжурскую империю Цин 18 миссий разных уровней — от дипломатических агентов до полномочных послов в ранге министра. В обратном направлении проследовало лишь четыре миссии [Мясников, т. 5, с. 102–103]. С середины XIX в. отношения двух соседних держав быстро расширялись, подчас приобретая характер военно-политического союза, но порой достигая порога войны.

Нерчинский договор 1689 г.

Самый первый в истории российско-китайских отношений договор — Нерчинский. Этот документ был подписан в 1689 г. в небольшой русской крепости, окруженной многопушечным маньчжурским экспедиционным корпусом. Незадолго до этого, в 1685 и 1686 г., маньчжурам удалось дважды взять штурмом казачий острог Албазин и пленить его защитников [Мясников, т. 5, с. 137]. Для обеих сторон оспариваемые земли Восточной Сибири не были жизненно важными. Китайцев в тех краях практически не было: захватившие Поднебесную маньчжуры строго запрещали «второсортным» подданным осваивать свои родовые места — Маньчжурию, а также земли соседних родственных племен. Была создана внутренняя граница — Ивовый палисад, через которую стража не пропускала китайцев [Тихвинский, с. 9]. Поработившие 100 миллионов китайцев 600 тысяч маньчжуров не хотели повторить участь предыдущих покорителей, приходивших с Севера и с годами растворявшихся среди коренного населения Поднебесной. Запрещались смешанные браки. До 70-х годов XIX в. в Маньчжурию попадали только китайцы-солдаты «знаменных» войск под командованием маньчжуров или ссыльные [Мясников, т. 5, с. 365].

Как и маньчжуры, русские не были коренными жителями. Казаки от имени царя облагали местные племена пушным ясаком, а от имени снаряжавших их купцов налаживали меновую торговлю. По существу, произошло столкновение двух потоков колонизации огромной и малонаселенной Восточной Сибири. При этом русские ко времени появления маньчжурских отрядов уже создали свои поселения, наладили устойчивые связи с местными племенами, принимали их в подданство и крестили.

Посланцы Московского царства в Нерчинске должны были добиваться установления постоянной границы по естественному рубежу — реке Амур, но натолкнулись на полное неприятие такой договорной позиции. Не были приняты и запасные варианты

с серьезными уступками территорий, которые в Москве уже считали своими. Документ, по которому Россия лишалась обширных земель на достаточно продвинутой стадии освоения, зафиксировал преобладание военной силы Великой Империи Цин. Она находилась гораздо ближе к Приамурью, чем Россия с ее редкими острогами и крепостями, с растянутыми на тысячи верст коммуникациями. Достаточно сказать, что даже посольство добиралось из Москвы до Нерчинска около трех лет. Многие сотни верст разделяли Нерчинск и Албазин. Казаки-первопроходцы действовали преимущественно «с опорой на собственные силы» и лишь изредка получали от государства ограниченную помощь стрельцами, казной и боеприпасами. Если считать договоры, подписанные в обстоятельствах военного доминирования, неравноправными, то Нерчинский договор был именно таким. Россия на целых два века потеряла ранее установленный, пусть и номинально, контроль над обширными районами Восточной Сибири [Россия и Китай... с. 28–29].

В ходе последовавших многочисленных контактов и переговоров, завершившихся в 1727 г. подписанием Кяхтинского трактата (договора), ситуацию улучшить не удалось. Успехи в укреплении России при Петре Великом, отправившем посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского, были недостаточны, чтобы убедить маньчжурских дипломатов изменить условия Нерчинского договора. Они продолжали действовать до середины XIX в. В Кяхте удалось только уточнить прохождение общей границы после захвата Цинами монгольского государства Халха. Была оформлена деятельность Русской духовной миссии в Пекине. Пожалуй, самое большое значение имел Кяхтинский трактат для упорядочения и развития торговли. Русские караваны впервые были допущены в Пекин.

Айгунский договор 1858 г.

Очередной российско-китайский договор был подписан в 1858 г. в небольшом местечке Айгун (ныне город Хэйхэ) на правом берегу Амура, прямо напротив нынешнего Благовещенска. За почти двести лет после Нерчинского договора соотношение сил в районах соприкосновения двух империй в корне изменилось.

История династии Цин, ослабление которой отразил Айгунский договор, вкратце такова. Поначалу племенной союз, взявший название «маньчжуры», покорил соседние племена и создал собственное военизированное государство. оно захватило сначала Корею, а в 1644 г., воспользовавшись крестьянским восстанием против династии Мин и предательством китайского генерала-карателя, преодолело Великую стену. Обеспечив контроль над всей Поднебесной, население которой составляло тогда 100 млн человек против 600 тыс. маньчжур, закрепившись в сопредельных со своими родовыми землями в Маньчжурии районах Восточной Сибири, династия добилась военной силой и дипломатическим искусством колоссального приращения земель. В состав Великой империи Цин были включены Монголия, Тибет, Синьцзян, государства Юго-Запада (нынешние провинции Гуанси, Гуйчжоу, Юньнань). Именно тогда удалось одержать верх и над русскими первопроходцами, навязать Москве Нерчинский договор.

В середине XIX в. тяжелейшие последствия поражения от англичан в первой (1840–1842) и второй (1856–1860) Опиумных войнах привели к первым территориальным потерям, утрате контроля над таможенными и иными крупными источниками дохода казны. Национальное богатство уплывало еще и в виде платежей за опиум, поставки которого из Индии расширялись теперь без всякого контроля. Наркоманами становились не только простые люди, но и чиновники, и офицеры, вплоть до князей крови правящей династии Айсиньгиоро. Курение опиума стимулировало коррупцию и измену. Унизительные договоры со странами Запада подписывались не только под дулами пушек, но и в обмен на ящики опиума и слитки золота.

Изменилось и состояние России. Несмотря на неудачу в Крымской войне (1853–1856) страна, по выражению канцлера А.М. Горчакова, «сосредотачивалась». Российская империя продолжила «поворот на Восток». Русские купцы и казаки еще раньше осваивали Восточную Сибирь, Камчатку, побережье Охотского моря и даже создали колонию Русская Америка на землях Калифорнии. В 1825 г. была заключена Русско-английская конвенция о разграничении владений в Северной Америке (Британской Колумбии). Русская Америка входила в состав Российской империи и управлялась из Иркутска [История русской Америки... т. 3, гл. 11].

В 1853 г. экспедиции капитана Невельского удалось собрать сведения о Татарском проливе, Охотском море и острове Сахалин и, главное, доказать судоходность Амура. Эта информация не только открывала новые перспективы для деловых людей, но и создавала угрозу проникновения английского флота, рыскавшего вдоль тихоокеанского побережья. Во время Крымской войны были основаны первые русские поселения и военные посты в устье Амура. Сама река приобрела стратегическое значение для связи разных частей Восточной России в отсутствие железной дороги. Энергичными действиями властей удалось обеспечить беспрепятственное плавание военных и торговых судов.

Все эти факты и перспективы дальнейшего развития учитывались при составлении, обсуждении и подписании Айгунского договора. С российской стороны подпись под документом 16 мая 1858 г. поставил генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев, с китайской — правитель района Айгуна и главнокомандующий местными войсками, князь крови рода Айсиньгиоро Ишань. Атмосфера при подписании была дружественной, что вскоре дало возможность критикам в Пекине обвинить маньчжурского вельможу в неадекватности и отложить ратификацию.

Договор устанавливал принадлежность России левого берега Амура от реки Аргунь до впадения в море. Правый берег Амура до впадения в него реки Уссури закреплялся за Империей Цин. Обширный район от Уссури до моря был объявлен общим владением до решения этого вопроса в будущем. Плавание по Амуру, Уссури и Сунгари дозволялось только судам под флагами двух стран. Разрешалась взаимная торговля жителей обоих берегов [Меликсетов, с. 325].

В том же 1858 г., через несколько недель после Айгунского, был подписан Тяньцзиньский договор. Прибывший в Тяньцзинь после затянувшейся дипломатической миссии в Японии адмирал Е.В. Путятин не знал о подписании договора в Айгуни. Он сделал акцент на морской торговле. Для русских кораблей открывались те же порты на побережье Поднебесной, куда уже дозволялось заходить судам европейских держав и США. Подтверждался особый статус Русской духовной миссии в Пекине. Прорывным этот документ не стал.

Пекинский договор 1860 г.

Всего через пару лет после подписания Айгунского договора уже сильно ослабленная империя Цин оказалась на грани гибели. В ходе первой и второй Опиумных войн маньчжуры и их некогда непобедимые «восьмизнаменные войска» оказались неспособны сопротивляться натиску англичан и их французских союзников, несмотря на закупки небольших партий западного оружия. Не смогли маньчжуры и вставшие на их сторону китайцы положить конец и внутренним смутам. Самые густонаселенные, южные провинции стали ареной кровопролитного восстания тайпинов, крестьянских повстанцев, выступавших против маньчжур и иностранцев (1850–1864). Они создали обширное государство Тайпин Тяньго (Небесное государство великого равенства) со столицей в Нанкине, их войска подходили к Пекину. На периферии империи стали возникать государства национальных и религиозных меньшинств. К тому времени династия Айсиньгиоро и вся правящая маньчжурская верхушка утратили былую пассионарность. Болезненные потомки императоров Канси и Цяньлуна, которые правили захваченной страной по 60 лет каждый, теперь часто сменяли друг друга на Драконовом троне и уделяли больше внимания гарему и дворцовым интригам, чем управлению колоссальными владениями.

Наряду со многими другими элементами китайской цивилизации, маньчжуры восприняли и развили идеи китаецентризма, исключительности Поднебесной. Они отгородились от внешнего мира и постепенно утратили представление о происходящем вне Поднебесной, о научном прогрессе, об изменениях в военном деле. Жестокой расплатой стало для Великой империи Цин противостояние европейским державам. Отсталость, косность, коррумпированность маньчжурского режима привели страну к полному поражению, утрате части суверенитета и территории, превращению в полуколонию. Две Опиумные войны стали, пожалуй, самыми черными страницами китайской истории.

В 1860 г. под ударами англичан и французов пал Пекин. Торжествующие завоеватели стали методично грабить и разрушать столицу Поднебесной. Запретный город — резиденцию Сына Неба поначалу планировалось сжечь. Потом вспомнили про унижение в 1792 г. лорда Макартни в летней резиденции Юаньминъюань — именно там была развернута выставка английских товаров, которые были полностью отвергнуты императором Цяньлуном. Трое суток продолжалось разграбление и разрушение «парка десяти тысяч парков» Юаньминъюань, где для летних развлечений Сына Неба и его

двора были воссозданы самые красивые уголки парков и дворцы Поднебесной. Там же по рисункам западных архитекторов и миссионеров находился построенный в европейском стиле беломраморный дворец, который ограбили и взорвали первым.

По существу, спас тогда Пекин от разрушения (а всю Великую Империю Цин — от унижительного финала) молодой русский генерал Н.П. Игнатъев. Крестник императора и прирожденный разведчик, отличившийся в Лондоне, Хиве и Бухаре, он был наделен дипломатическим рангом посла с заданием ускорить ратификацию Айгунского договора. Игнатъев имел также поручение оказать властям Поднебесной военную помощь. Он вез в Китай крупную партию современных нарезных винтовок, редких даже в русской армии. В свите Игнатъева были офицеры-инструкторы и специалисты по налаживанию военной промышленности. Этим грузам и советникам не суждено было достичь маньчжурских воинов, все еще гордившихся меткой стрельбой из луков на скаку и искусством сражений на мече. Да и самому Игнатъеву, в нарушение общепринятых дипломатических норм, чинили всевозможные препятствия. Высокомерие цинских чиновников не соответствовало реальному положению дел в империи. на Юге уже был отторгнут Гонконг, иностранные селтльменты создавались в Шанхае, Тяньцзине, других приморских городах. Столица Поднебесной при приближении войск Англии и Франции в 1860 г. была брошена маньчжурами на произвол судьбы. Император Сяньфэн сбежал в охотничьи угодья на севере, в закрытую для китайцев летнюю ставку Жэхэ (ныне Чэндэ). По Запретному городу разгуливали иностранные солдаты, прихватывая понравившиеся произведения искусства, которые украсили в конечном счете коллекции Британского музея и Версаля. Англичане и французы обдумывали планы новых операций, создания огромных факторий Ост-Индской компании или марионеточных «государств» под управлением Лондона и Парижа по образцам Индии и Аннама.

Генерал-майор Н.П. Игнатъев быстро оброс знакомствами и приобрел авторитет среди высших английских и французских офицеров как обладатель карт Пекина и вообще знаток восточных дел. В свою очередь, остатки маньчжурской администрации в городе прибегали к посредничеству Игнатъева в контактах с завоевателями. Местные жители почтительно именовали его «*И дажэнь*» («Большой человек по фамилии И»). Этот «Большой человек» действительно замахнулся на большое дело. Он объяснил оккупационному командованию, что «лучше синица в руках, чем журавль в небе», и оно согласилось взять огромную контрибуцию, но сохранить Пекин и саму империю Цин. Такой результат вполне удовлетворял Игнатъева, имевшего инструкцию всячески помогать сохранению монархии Цин [Россия и Китай... с. 46–47].

В знак благодарности за чудесное избавление новые высокопоставленные друзья «Большого человека» убедили Сына Неба окончательно одобрить и даже несколько расширить условия подписанного в 1858 г. Айгунского договора, по которому под контроль России переходили районы Приамурья. Подтверждались положения Тяньцзиньского договора. Уступки были сделаны и на других границах, Россия открыла консульства в Урге и Кашгаре. Но главное, подписанный 2 ноября 1860 г. Пекинский

дополнительный договор вслед за Приамурьем распространял территорию России еще и на районы Приморья [Мясников, т.5, с. 104].

Подписавший Айгунский договор граф Н.Н. Муравьев за приращение России землями Приамурья получил от императора титул «Муравьев-Амурский». К сожалению, прирастивший Россию не менее обширным и стратегически важным Приморьем граф Н.П. Игнатьев не удостоился подобной чести, хотя вполне заслужил титул «Игнатьев-Приморский»...

Районы восстания тайпинов и масштабных военных действий Англии и Франции в еще недавно густонаселенных и жизненно важных провинциях Юга и Востока Китая были опустошены. На этом фоне земли Приамурья и Приморья, населенные к тому же преимущественно некитайскими племенами, рассматривались в Пекине как малоценная периферия, которой можно пожертвовать в интересах сохранения жизненно важной основной части империи и, главное, власти маньчжурской династии. Передача русским этих территорий произошла без единого выстрела, (за исключением праздничного фейерверка), без маневров военного флота и иных «аргументов», которые применяли в сношениях с Пекином державы Запада. Трудно не согласиться с оценкой академика А. Л. Нарочницкого, который назвал Пекинский договор крупным достижением русской дипломатии и подчеркнул, что «несмотря на реакционность политики царизма и цинского правительства заключение Пекинского договора содействовало упрочению русско-китайских отношений. Россия не вела войн с Китаем и не ввозила в Китай опиум» [История дипломатии, т. 1, с.792].

Наиболее дальновидные деятели в окружении императора Сяньфэна, в первую очередь его брат, великий князь Гун, сознавали, что Приморье в любом случае будет потеряно. Контроль получит либо Россия, либо Англия, которая вела активную разведку этих районов. экспедиции англо-французской эскадры вдоль китайского побережья в северном направлении занимались поиском устья Амура и собирали данные о судоходности реки, по которой можно будет пройти в глубь Китая, по примеру Янцзы и Чжуцзян (Жемчужной реки). Экспедиции союзников одновременно были направлены против российских владений на Тихом океане. Во время Крымской войны была проведена даже разведка боем — бесславно закончившаяся попытка захватить Петропавловск-Камчатский в 1854 г. [Тарле].

Стоит добавить, что территориальные уступки и размены в те времена были делом вполне обычным. Достаточно вспомнить хотя бы о продаже русским правительством Аляски в 1867 г. Земли общей площадью в 1,5 млн кв. км были проданы Америке всего за 7,2 млн долларов. Удивительное совпадение — некоторые китайские эксперты утверждают, что Россия «присвоила в Приамурье и Приморье территорию в 1 миллион квадратных километров — более 600 тыс. кв. км по Айгунскому и 400 тыс. кв. км, включая остров Сахалин, по Пекинскому договору» [Сюэси юй таньсо, с. 128]. Кстати, идея продать ставшие убыточными и уязвимыми для захвата англичанами земли Аляски поддерживалась Н. Н. Муравьевым-Амурским, который в 1858 г. подписал Айгун-

ский договор с империей Цин. Среди аргументов в пользу ухода из Русской Америки была малочисленность населения: всего 2500 русских и примерно 60 тыс. принявших российское подданство и православие индейцев и эскимосов. Зеркально аналогичная ситуация существовала в районах Приморья, отходивших России по условиям Пекинского договора. Русские этнографы, обследовавшие новые земли Уссурийского края, насчитали там лишь 341 «фанзу», где жили всего 872 человека из числа коренных жителей и китайцев [Россия и Китай... с. 73].

Дипломатическая активность России на китайском направлении не замыкалась только на Дальнем Востоке. Две империи соприкасались и в Центральной Азии. Великая империя Цин разгромила Джунгарское и Уйгурское государства. Российская империя установила протекторат над Хивой и Бухарой. Неизбежно возникали спорные районы, одним из которых стал Илийский край в нынешнем Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Русские войска установили над ним контроль в ходе подавления восстания местных народов против Пекина. Маньчжурские власти добивались восстановления своей власти, и после недолгих переговоров в феврале 1881 г. был заключен Петербургский договор. Россия добровольно вывела свои войска, оставив консульство в Кульдже (ныне Инин), главном городе Илийского края. С русскими войсками пределы Поднебесной покинули тысячи уйгуров и китайских мусульман. Границы оставались подвижными и на Востоке, и на Западе [Россия и Китай... с. 50–51].

Секретный договор 1896 г.

Со всеми скидками на дряхление Российской империи и Великой империи Цин, одновременно находившихся в конце династийного цикла, в конце XIX в. становилось все более очевидным совпадение национальных интересов. Свою роль сыграл повышенный интерес Николая II к развитию дальневосточных и сибирских владений после поездки по ним в завершение «кругоазиатского путешествия» 1890–1891 гг.

К установлению стратегических отношений с Китаем будущего монарха постоянно подталкивали некоторые приближенные, особенно князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший Цесаревича Николая в путешествии на борту крейсера «Память Азова». Родовитый князь (из Рюриковичей) выпустил иллюстрированный отчет о путешествии, в том числе о посещении Цесаревичем Гонконга, Кантона и Уханя. В своей ставшей знаменитой книге, переведенной на европейские языки, Ухтомский предвещал возрождение Поднебесной и настаивал на установлении с ней отношений сотрудничества [Ухтомский, т. 3, ч. 5].

Э.Э. Ухтомский не только закладывал теоретические основы будущего союза двух держав своими многочисленными публикациями. Он выполнял деликатные поручения, в том числе сопровождал от Суэцкого канала в Одессу на специальном пароходе главного сановника империи Цин, канцлера Ли Хунчжана, прибывшего на коронацию Николая II. Он же передавал через канцлера огромные взятки всемогущей вдовствующей императрице Цыси [Колесников, Стрижак, с. 377] не раз, официально и тайно,

Ухтомский посещал Поднебесную с поручениями царя. Его роль в укреплении отношений двух держав была отмечена и китайским монархом. Во время одного из тайных пребываний в Пекине князю Ухтомскому вручили орден Двойного Дракона. В 1895 г. Николай выдвинул своего друга молодости на пост председателя правления Русско-китайского банка, а затем и Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) — ответвления Транссибирской магистрали, соединявшего напрямую Читу с Владивостоком [Мясников, т. 5, с. 323–325].

Официальные и тайные переговоры Санкт-Петербурга и Пекина материализовались в секретном Союзном договоре между Российской империей и Великой империей Цин, подписанном во время коронации Николая II в Москве 22 мая 1896 г. Подписи поставили с китайской стороны канцлер Ли Хунчжан, с русской — министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский и министр финансов С.Ю. Витте [Россия и Китай... с. 57].

Буква и особенно дух этого документа предопределили длинную цепочку событий, которые продолжаются и поныне. Прежде всего, две страны обязались никогда не воевать — это обещание выполняется, несмотря на неоднократные вооруженные конфликты разной интенсивности. Кроме того, две державы впервые договорились о том, «против кого дружить»: против все более напористой Японии, разгромившей годом ранее, в 1895 г., китайский флот и наземные силы. Уже тогда было ясно, что Токио будет стараться закрепиться на континенте, захватить куски китайской территории и затем теснить Россию с ее позиций на Дальнем Востоке. При всех разночтениях текущих отношений, стратегические интересы России и Китая совпали настолько, что между ними впервые были официально зафиксированы союзнические отношения [Галенович, с. 9].

Исходя из необходимости ускорить переброску русских войск в случае военных действий, Пекин дал согласие на прокладку по своей территории КВЖД, которая не раз оправдывала огромные средства, потраченные Россией в 1897–1903 гг. на ее строительство. Китайская казна была совершенно пуста после уплаты контрибуции Японии по Симоносекскому договору. По дополнительному соглашению 1898 г. за счет России было построено также ответвление от Харбина на Юг, к русской крепости Порт-Артур на Ляодунском полуострове (1898–1903). Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД), как и КВЖД, сыграла важнейшую роль во время русско-японской войны 1904–1905 гг.

Для России война с Японией стала в немалой степени выполнением союзнических обязательств перед Китаем по Договору 1896 г. Со стороны Японии это была месть за помехи в захвате китайских земель. Действуя в духе Договора, России удалось убедить Францию и Германию потребовать от Японии отказаться от захвата Ляодунского полуострова, «земли предков» династии Айсиньгиоро [Нарочницкий, с. 702–704]. Япония была вынуждена подчиниться, оставив за собой остров Тайвань и Пескадорские острова. Потерпев поражение в войне 1904–1905 гг., Россия была вынуждена оставить Порт-Артур и часть ЮМЖД до Чанчуна. После подписания Портсмутского дого-

вора между Россией и Японией в 1905 г. правительство Империи Цин сочло возможным прекратить действие Китайско-российского союзного договора, рассчитанного на 15 лет. Но совместная борьба против агрессивных намерений и действий Японии на этом не закончилась и стала содержанием следующего союзного договора, заключенного в 1937 г.

Договор о ненападении 1937 г.

К середине XX в. из «большого дальневосточного треугольника» в составе Российской империи, Великой империи Цин и Великой Японской империи в прежней форме оставался только один субъект — Япония. Династия Цин была свергнута в октябре 1911 г., в немалой степени под влиянием разочарования китайского населения и армии неспособностью маньчжурского режима отстаивать национальные интересы Китая перед лицом иностранных держав. Военные поражения и колоссальные контрибуции ставили страну на грань гибели и делали невыносимой жизнь населения.

Российская империя прекратила свое существование через 6 лет, в феврале 1917 г. Февральская революция завершила процесс распада империи, который начался с поражения во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., а последовавшая за ней Октябрьская революция 1917 г. вызвала кардинальные изменения не только в России, но и на всей мировой арене, включая Восточную Азию.

Враждебность Японии к России проявлялась и после этих событий: японские войска приняли участие в оккупации русского Дальнего Востока в 1920–1922 гг. и отличились особой жестокостью даже на фоне действий карателей других держав — Америки и Англии. Закрепиться на занятых землях японцам помешали партизаны и молодая Красная Армия.

Враждебность Японии к Китаю была выражена еще более рельефно. Начатая в 1894 г. практически непрерывная серия войн и провокаций привела к установлению японского контроля в 1931 г. над тремя северо-восточными провинциями (Маньчжурией), а затем и обширных районов к северу от Великой китайской стены вплоть до окраин Пекина.

Советский Союз и Китайская Республика в условиях роста геополитической напряженности на Дальнем Востоке и нарастания агрессивности Японии искали пути для налаживания взаимодействия. Для выстраивания новых отношений необходимо было решить оставшиеся с имперских времен проблемы. Именно эту цель преследовало заключенное в мае 1924 г. «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой». Подписанный в Пекине документ восстанавливал дипломатические отношения двух держав, подтверждал новый характер связей «на основе равенства, взаимности и справедливости и в духе деклараций Советского Правительства 1919 и 1920 годов». Москва отказывалась от привилегий и концессий по предыдущим договорам. Большое

внимание было уделено статусу КВЖД, которая становилась совместным советско-китайским коммерческим предприятием, оставаясь под временным управлением России, «поскольку оно не наносит ущерба суверенным правам Китая» [Меликсетов, с. 450].

Однако вопрос о статусе КВЖД очень скоро стал главным раздражителем в советско-китайских отношениях. Генералы во главе с Чжан Сюэляном, слабо контролировавшиеся правительством Гоминьдана, с конца 1928 г. начали провокации, а осенью 1929 г. развернули масштабные военные действия ради захвата КВЖД. В знак поддержки Чжан Сюэляна правительство Чан Кайши разорвало с СССР дипломатические отношения. Несмотря на огромное численное превосходство, войска китайских милитаристов были разгромлены Красной армией и статус-кво восстановлен. 22 декабря был подписан Хабаровский протокол, по которому КВЖД вновь признавалась совместным предприятием. Провокации на КВЖД серьезно омрачили советско-китайские отношения, однако они не вылились в полномасштабную войну [Россия и Китай... с. 150]. Однако вскоре, в 1931 г., началась китайско-японская война. Маньчжурия была окончательно оккупирована, и в 1935 г. после многочисленных провокаций (теперь уже японских военных) Москва была вынуждена продать КВЖД Токио.

Аппетиты японских военных росли по мере все новых военных и дипломатических успехов. С 1931 г. они контролировали Северо-восток Китая, где создали марионеточное государство Великая империя Маньчжоу-го. Затем зона оккупации постепенно расширилась на весь Северный Китай, а летом 1937 г. японские части стояли на позициях в окрестностях Бэйпина, как тогда назывался Пекин.

7 июля 1937 г. японские войска спровоцировали столкновение на линии соприкосновения с китайскими частями. Как всегда, без объявления войны японцы сразу развернули широкомасштабное наступление. К концу 1937 г. они заняли Тяньцзинь, Шанхай и десятки других городов в многонаселенных и экономически развитых районах Центрального Китая. В то время западные державы рассматривали правительство Китайской Республики во главе с Чан Кайши как второсортное, «нерукопожатное». Они даже не осудили японскую агрессию в Лиге Наций. Получить реальную помощь в борьбе с агрессорами китайские власти смогли только от Советского Союза. Уже 21 августа, всего через 6 недель после начала тотальной фазы Войны, в Нанкине был подписан Советско-китайский договор о ненападении [Меликсетов, с. 526–529].

Решение подписать этот документ далось Москве непросто. Не были забыты нападения на КВЖД в 1929 г. и более ранние провокации против советских представителей, убийства дипломатов и граждан в Кантоне, Шанхае и других городах. Хотя дипломатические отношения в 1932 г. были восстановлены и в тогдашней столице Нанкине открылось советское посольство, «рукопожатность» Чан Кайши все еще была сомнительной для Москвы из-за его ярого антикоммунизма, проявлявшегося не только в поддержке провокаций против СССР, но и в непрерывных репрессиях против Компартии Китая, которой ВКП(б) через Коминтерн и напрямую оказывала широкую финансовую, военную и организационную помощь. Исключительно важно было также не

дать повод Токио осложнить ситуацию на советском Дальнем Востоке. В 1934 г. Токио заключил Антикоминтерновский пакт с Берлином. Москва и без того уже участвовала в необъявленной войне с Германией на фронтах Гражданской войны в Испании. Однако Сталин решил рискнуть, он считал помощь Китайской Республике столь же важной, сколь и поддержку республиканской Испании. Советская стратегия тех лет состояла в том, чтобы за счет «гибридных» войн в Испании и Китае отсрочить неминуемое нападение фашистов на СССР.

Этими соображениями, в частности, объясняется и название подписанного документа — «Договор о ненападении». Развитие событий уже вскоре показало, что Россия и Китай по существу вернулись к военному союзу, возникшему еще в 1896 г. Значение довольно краткого договора, заключенного сроком на 5 лет, определялось не столько его содержанием, сколько самим фактом подписания: Одна из великих держав того времени, СССР, официально поддержала Китай, не позволив Японии добиться международной изоляции своей жертвы. СССР и Китайская Республика обязались «не использовать силу для разрешения возникающих между ними споров, а в случае, если одна из сторон подвергнется нападению третьей державы, — не оказывать помощи агрессору» [Договор о ненападении...]. Политический документ открывал возможности расширения торговых отношений, реальным содержанием которых стали закупки новейшего советского оружия.

СССР сразу выделил Китаю кредит в объеме 50 млн долларов США. размеры последовавших кредитов достигли нескольких сот миллионов долларов. 14 сентября в Москве встретились советские и китайские военные эксперты, были согласованы перечень и сроки поставок техники. С учетом участия китайских коммунистов в борьбе с Японией было принято решение, что им будет выделяться четвертая-пятая часть поставок. Той же осенью через советскую Среднюю Азию и китайский Синьцзян пошли караваны с оружием. были построены автодороги, аэродромы, сборочные заводы. За первые четыре года китайско-японской войны Китай получил от нас 1285 самолетов, 1600 артиллерийских орудий, 82 танка, 14 тыс. пулеметов, 110 тыс. винтовок, а также другое оружие и снаряжение. С весны 1938 г. в боевых действиях и разработке планов участвовали тысячи советских военных, офицеров и генералов. Среди них были будущие маршалы Чуйков, Рыбалко, Батицкий, Жигарев. Китайская авиация была почти уничтожена, и с японскими пилотами сражались 3665 советских летчиков. 211 из них погибли, 14 пилотов стали Героями Советского Союза [Меликсетов, с. 528]. Неоценимой помощью Китаю и фактическим участием СССР в войне стали стратегические операции Красной армии в районе озера Хасан в 1938 г. и реки Халхин-Гол в 1939 г.

В начале 40-х годов объем военной и финансовой помощи, а также прямое участие советских «добровольцев» заметно сократились из-за трудностей на фронтах Великой Отечественной войны. Свою роль сыграло и подписание Договора о нейтралитете между СССР и Японией в апреле 1941 г. Однако помощь СССР на первом, самом трудном этапе войны с японскими агрессорами позволила китайскому правительству удержать ситуацию под контролем, навязать японцам череду изматывающих сражений, затянуть

их вглубь огромной территории. Но главное — Китай поверил в возможность сопротивляться и не капитулировал.

А такой вариант развития событий был вполне возможным. В руководстве правившей партии Гоминьдан и среди военачальников на фоне поражений первых месяцев войны усилились никогда не исчезавшие прояпонские и антикоммунистические настроения, сформировалась группа сторонников капитуляции.

Еще недавно входившие в высшее руководство Гоминьдана Ван Цзинвэй и Чжоу Фохай в конце мая 1939 г. побывали с секретным визитом в Токио и согласились возглавить марионеточный режим со столицей в Нанкине. 30 марта 1940 г. было создано Центральное правительство Китая, под номинальный контроль которого японцы отдали практически все оккупированные китайские земли, за исключением Маньчжоу-го [Меликсетов, с. 533]. Это был большой успех Токио, который «откусил больше, чем мог переварить». Даже среди сторонников Чан Кайши в правительстве Гоминьдана, бежавшем из занятого японцами Нанкина в главный город западной провинции Сычуань Чунцин, усилились позиции сторонников пассивного сопротивления японцам и активной борьбы с коммунистами.

Все чаще происходили «случайные» столкновения с «красными» войсками Восьмой и Четвертой армий, формально входившими в общенациональный Антияпонский фронт. Ценой сложных переговоров и под давлением из Москвы Антияпонский фронт удалось сохранить, но ему теперь противостояла не только почти двухмиллионная японская армия, но и 800-тысячные войска прояпонского Центрального правительства. Оно чувствовало себя весьма уверенно и впоследствии даже объявило войну Америке и Англии.

Стратегический расчет Кремля при подписании с Китаем Договора о ненападении оправдался. Нападение Японии удалось предотвратить, Советскому Союзу не пришлось воевать на два фронта. С началом германской агрессии против СССР в Москве ожидали японского удара, готовились к нему. Однако распыление сил на китайском театре военных действий, а также память о поражениях Квантунской армии в необъявленной войне с Советским Союзом в 1938 и 1939 г. убедили токийскую Ставку в целесообразности нанесения ударов по Сибири и Дальнему Востоку. Обещанное Берлину и запланированное на 29 августа 1941 г. нападение на СССР откладывалось под разными предлогами.

Фактически, сопротивление восточных союзников — армии Китайской Республики и действовавших параллельно войск Компартии Китая — сразу стало «вторым фронтом», которого Москва еще не один год ждала от западных союзников. зимой 1941–1942 гг. совпали две первые победы Второй мировой: разгром немцев под Москвой и успешная оборона крупного города Чанша. Сыгравшие важнейшую роль под Москвой и Ленинградом сибирские дивизии отправились на Запад после получения Кремлем информации об отсрочке японского нападения «до окончательного решения китайского инцидента».

Китай превратился во «второй фронт» также для американцев и англичан после атаки на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. К тому времени больше половины японских сухопутных войск были связаны на фронтах и в тылах Китая. Оставшейся части хватило для блицкрига в странах Южных морей. С 8 по 25 декабря длилась блокада Гонконга, завершившаяся сдачей в плен крупного английского гарнизона. Несколько дней ушло на разгром британских войск в Малайе. За шесть дней пал «неприступный» Сингапур, где в плен сдались свыше 70 тыс. британцев и австралийцев. На островных просторах Голландской Ост-Индии (Индонезии) сопротивление японцам продолжалось около двух месяцев. Около четырех месяцев потребовалось для разгрома американских войск на Филиппинах, являвшихся тогда колонией США. 8 марта 1942 г. десант японцев захватил столицу британской Бирмы Рангун, а к маю они контролировали почти всю колонию. Ни одна из колоний не смогла продержаться дольше, чем Шанхай, Ухань, Чанша и некоторые другие китайские города.

Неожиданная стойкость китайских войск и стремление сбалансировать влияние Москвы привели страны Запада к активизации дипломатических контактов с Чунцином, где после сдачи Нанкина обосновалось правительство Чан Кайши. Объявив войну Германии вскоре после ее нападения на Советский Союз и Японии после атаки на Пёрл-Харбор (в течение пяти лет масштабные боевые действия китайцев и японцев велись без формального объявления войны и назывались «инцидентом»), Китай уже официально стал участником Второй мировой войны и членом Объединенных Наций. Весной 1942 г. союзники сформировали Объединенное командование Китайской военной зоны, куда кроме Китая входили Вьетнам, Бирма и Таиланд. Главнокомандующим назначили Чан Кайши. Равный с великими державами новый статус Китая был закреплен участием Чан Кайши в ноябре 1943 г. в Каирской конференции, где обсуждался ход войны и послевоенное устройство Тихоокеанского бассейна, а также в Потсдамской конференции в июле 1945 г.

Заключенный в 1937 г. сроком на 5 лет Договор о ненападении оправдал себя с точки зрения интересов как СССР, так и Китайской Республики. Будучи по форме договором о ненападении, он по сути обеспечил установление отношений военно-политического союза двух соседних наций в критический момент их истории. Значение советской помощи в своих выступлениях и публикациях неоднократно подчеркивал Мао Цзэдун. Китайское правительство во главе с Чан Кайши также высоко ценило поддержку Москвы, продолжавшей оказывать посильную военную помощь и после нападения Германии на Советский Союз. Союзнические отношения СССР и Китая, выдержав проверку совместным сопротивлением фашизму и милитаризму, нуждались в новом международно-правовом документе.

Литература

Галенович Ю.М. Россия — Китай: шесть договоров. М. 2003.

Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой. 1937 (на англ. яз.) // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. — URL: prlib.ru/item/692960 (дата обращения: 08.06.2021).

История дипломатии. В 5 тт. М. 1959. Т.1.

История Русской Америки (173–1867). В 3-х тт. / Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. М. 1997.

Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб. 2014. С. 377–394.

Меликсетов А.В. История Китая. М. 2007.

Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. В 7 тт. Т.5: Хороший сосед приятнее почестей всяких. М. 2014.

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М. 1956.

Россия и Китай. Четыре века взаимодействия / Под ред. А.В. Лукина. М. 2013.

Сюэси юй таньсо [Учеба и исследования]. 1983. №6 (журнал на китайском языке).

Тарле Е.В. Крымская война. В 2-х т. М-Л. 1941–1944.

Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М. 2008.

Ухтомский Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. Лейпциг. 1897.

УДК 93/94; 94(5); 94(47); 327
DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-66-81

Юрий ТАВРОВСКИЙ

Русско-китайские договоры: вехи и зигзаги истории.

Часть II. 1945–2021

Аннотация. Продолжая обзор наиболее значимых договоров между СССР/Россией и Китаем, автор характеризует особенности и позитивную роль Договоров 1945 г. и 1950 г. Отход от них, идеологическая размолвка 1960–1980-х годов привели к трагическим последствиям для обеих держав. Особое внимание уделяется действующему Договору о добрососедстве, мире и сотрудничестве 2001 г. Он помог вывести двусторонние отношения на столь высокий уровень, что встал вопрос либо о его дополнении новыми статьями, либо о заключении нового союзного договора. Вокруг этой идеи развернулась дискуссия в экспертных кругах и СМИ обеих стран. Пока стороны оказались не готовы зафиксировать фактически сложившееся новое качество двусторонних отношений на договорном уровне. По мнению же автора, потребность в этом возрастает в условиях обостряющегося американо-китайского противостояния и новой «холодной войны» Запада против России. Геополитическое будущее России и Китая связано столь же тесно, как и прошлое.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, российско-китайские отношения, демаркация границы между Россией и Китаем, договоры между СССР и Китаем/ КНР, Россией и Китаем, союзнические отношения, российско-китайский Договор 2001 г., Совместное заявление 28 июня 2021 г.

Договор о дружбе и союзе 1945 г.

Советско-китайский Договор о дружбе и союзе был заключен 14 августа 1945 г. сроком на 30 лет. Он был первым международно-правовым документом, который отражал новый статус Китайской Республики как одной из стран-победительниц во Второй мировой войне, достойной равного положения с другими великими державами. Документ фиксировал итоги войны и обеспечивал реализацию Ялтинских соглашений 1945 г.

Советский Союз ценой колоссальных потерь внес решающий вклад в разгром Объединенными Нациями войск фашистского блока на Европейском театре. Приняв участие

Сведения об авторе: ТАВРОВСКИЙ Юрий Вадимович — руководитель экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, постоянный член Изборского клуба, diplomatus@mail.ru.

в войне на Тихоокеанском театре, СССР сократил время военных действий и потери союзников, которые планировали еще год-полтора воевать на Японских островах. Без разгрома Красной Армией миллионной Квантунской группы армий и марионеточных войск Маньчжоу-го война китайского народа с Японией тоже продолжалась бы еще не один год. Недаром в тексте документа говорилось о решимости сторон «вести войну против Японии до полной победы и не заключать с ней сепаратного договора» (статья 1). Статья 4 устанавливала, что обе договаривающиеся стороны обязуются не заключать какого-либо союза и не принимать участия в коалиции, направленной против другой договаривающейся стороны. Особое значение имела статья 5, в которой речь шла о послевоенном периоде двусторонних отношений. В ней обе страны обязываются «после наступления мира действовать в соответствии с принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой договаривающейся стороны». Практически это было обязательством СССР вывести войска из Маньчжурии после войны и не ставить под вопрос китайский суверенитет в Синьцзяне [Цит. по: Галенович, с. 388–390].

Понесенные СССР колоссальные людские и экономические жертвы и его решающий вклад в военные действия на Западе и на Востоке были частично компенсированы согласием союзников в Ялте на основные требования Москвы, включая те, которые относились к Дальнему Востоку. Эти уступки были отражены в дополнительных соглашениях к Договору. Компромиссы и уступки правительства партии Гоминьдан и лично Чан Кайши при его заключении стали не только результатом сильного давления Америки, заинтересованной в полноценном участии Красной Армии в скорейшем завершении войны с Японией. Это было также выражением благодарности Китая за помощь в создании и укреплении современной регулярной армии Гоминьдана в 20–30-е годы, в отражении японской агрессии, начиная с 1937 г., и за разгром Квантунской группы армий, несколько десятилетий оккупировавшей Северо-восток Китая. Кроме того, Чан Кайши добивался невмешательства СССР в гражданскую войну против компартии Китая, которая была неизбежна после капитуляции Японии.

Сталин явно рассматривал предусмотренное Договором установление контроля СССР над военным портом Порт-Артур, соседним гражданским портом Далянь, над КВЖД, ее южным ответвлением ЮМЖД и другой собственностью как восстановление исторической справедливости и прав России, утраченных по итогам Русско-японской войны и условиям Портсмутского договора 1905 г. Это же относилось к Южному Сахалину и Курильским островам. С большим трудом удалось закрепить суверенитет Монгольской Народной Республики, которой Москва оказывала разнообразную поддержку с первых дней советской власти. В то же время Сталин не выдвигал претензий на Маньчжурию и Синьцзян, в развитие которых Россия и Советский Союз внесли большой вклад. На завершающей стадии Тихоокеанской войны Москва вполне могла бы высказать западным союзникам соответствующие пожелания и найти «веские аргументы» для Чан Кайши.

СССР все годы борьбы против японской агрессии выступал как надежный союзник Китая, что и было отражено в названии Договора 1945 г. Этот договор продолжал традицию секретного Российско-китайского договора 1896 г., также предусматривавшего союзнические отношения двух держав. Была продолжена и традиция Договора о ненападении 1937 г., первого документа, прорвавшего международную изоляцию Китая в начале тотальной японской агрессии и обеспечившего действенную помощь поставками оружия и участием в боях тысяч советских военнослужащих.

Кремль в Договоре 1945 г. фиксировал уважение к великой победе китайской нации над японским агрессором, признание ее огромного вклада в общую борьбу и понесенных жертв, а также готовность продолжать традиционные союзнические отношения. В победу китайской нации внесли вклад как сторонники партии Гоминьдан под руководством Чан Кайши, так и сторонники партии Гунчаньдан (коммунисты) под руководством Мао Цзэдуна. Полномасштабная гражданская война между двумя партиями началась только в 1946 г. и ее исход был неясен, хотя симпатии Москвы были на стороне компартии. КПК в тот момент не имела официального международно-правового статуса, он был закреплен за Национальным правительством Китайской Республики со столицей в Чунцине. Мао Цзэдун, все еще оставаясь в пещерном убежище вблизи городка Яньань на Северо-Западе Поднебесной, не мог подписывать международные документы от имени Китая.

Стоит учитывать и неопределенность послевоенного будущего Китая во время разработки текста Договора. В Москве должны были считаться с возможностью победы поддерживаемых США войск Китайской Республики в неизбежной гражданской войне в Китае. Этот вариант был близок к реализации уже в 1947 г., когда правительственные войска одержали ряд крупных побед и даже захватили Яньань, где находилась резиденция Мао Цзэдуна. вооруженные полученным от СССР трофейным японским оружием войска коммунистов отступали и в Маньчжурии, ставшей главной базой КПК. Сталин даже предлагал тайно эвакуировать Мао Цзэдуна и других руководителей на советскую территорию [Россия и Китай... с. 193].

Разработчики Договора понимали всю глубину антирусских, антикоммунистических настроений руководства Гоминьдана. В Москве помнили о событиях 1929 г., когда китайские войска пытались захватить советскую собственность — КВЖД. Знали в Москве и о публикации в Чунцине «исторических» материалов и карт с утверждениями о неравноправности договоров о территориальном размежевании с Россией в XIX в. Враждебность к Советской России неизбежно проявилась бы при продолжении правления Чан Кайши. Уже в 1946 г. администрация, полиция и армия в Харбине и других городах Маньчжурии развернули репрессии против служащих советских учреждений и русских граждан, живших на подконтрольной территории. Около 200 семей было ограблено, сотни русских стали жертвами избиений и пыток, более 60 человек погибли. Армия приступила к захвату собственности КВЖД [Россия и Китай... с. 191]. Мало сомнений в Кремле было и относительно того, что в подконтрольной Чан Кайши Маньчжурии порты, железные дороги и иные стратегические объекты были бы использованы аме-

риканцами в холодной войне против СССР. Попытка высадить крупный десант в Порт-Артуре произошла уже в 1945 г.

Таким образом, Договор о союзе и дружбе 1945 г. был изначально компромиссным, переходным документом. Он зафиксировал реалии глобальной расстановки сил на тот момент и неясность перспектив событий в Китае. Договор также подтвердил традицию союза двух наций, подвел черту важному этапу российско-китайских отношений и создал заделы для новых отношений.

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г.

1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика. 2 октября Советский Союз стал первым государством, признавшим единый Китай под руководством Коммунистической партии. К тому времени военно-политическая ситуация в мире и в Поднебесной сильно изменилась по сравнению с августом 1945 г., когда был подписан Советско-китайский договор о дружбе и союзе. После создания 4 апреля 1949 г. военного блока НАТО мир окончательно раскололся на два лагеря, противостоящих в холодной войне. До образования Организации Варшавского договора оставалось еще несколько лет, но социалистический лагерь в Восточной Европе уже был реальностью.

Оба лагеря располагали современными вооруженными силами с богатым опытом боевых действий. После успешного испытания в СССР 29 августа 1949 г. атомной бомбы Запад потерял важное стратегическое преимущество над Востоком, силы примерно уравнились. Оба лагеря обладали экономическим потенциалом, быстро возрождавшимся после разрушительной войны. Оба лагеря располагали крупными человеческими ресурсами. Напряженность между Западом и Востоком нарастала, вероятность третьей мировой войны росла с каждым новым региональным кризисом, интервалы между которыми сокращались на глазах.

К тому времени в Китае произошли события, менявшие мировой баланс сил. Войскам КПК удалось переломить неблагоприятную ситуацию 1946–1947 гг. и с осени 1948 г. перейти в мощное наступление на силы Гоминьдана. Спустя год почти вся территория страны находилась под контролем Пекина, где в марте 1949 г. обосновалось руководство коммунистов. С провозглашением КНР стало очевидно, что на Востоке Евразии возник мощный плацдарм соцлагеря, уравновешивавший НАТО. Было необходимо оформить военно-политическую связку СССР и его нового союзника, закрепить переход 600-миллионного Китая в лагерь социализма. Задача была выполнена с подписанием 14 февраля 1950 г., во время пребывания Мао Цзэдуна в Москве, советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи [Договор о дружбе...].

Это был третий договор между Россией и Китаем, в названии которого фигурировало слово «союз», хотя и другие договоренности XIX и XX в. в большей или меньшей степени исходили из необходимости совместного противодействия угрозам со сторо-

ны третьих стран. Складывание мировой социалистической системы вокруг СССР воспринималось лидерами Запада как реальность, несовместимая с их жизненными интересами. По периметру соцлагеря укреплялись военные базы. Разрабатывались планы ядерных атак, готовились прорывы наземных сил. Непосредственная опасность нависла и над Китаем. США не устраивала победа коммунистов в Китае, строились планы возвращения на материк войск Гоминьдана, закрепившихся на Тайване. Завершению гражданской войны и захвату Тайваня помешали корабли ВМС США. В полной готовности к интервенции были и американские войска, размещенные на тихоокеанских островах, в Японии и Южной Корее.

Антикоммунистическая истерия из-за «потери Китая» охватила верхушку американского политического истеблишмента, спецслужб и вооруженных сил. Развернутая 9 февраля 1950 г. сенатором Маккарти кампания «охоты на ведьм» делала принятие решения о реванше делом политически простым и весьма вероятным. О степени готовности США к борьбе с Красным Китаем красноречиво говорят события Корейской войны 1950–1953 гг. Американцы за считанные недели отобилизовали и перебросили ударный контингент, достаточный не только для разгрома войск Северной Кореи, но и для уничтожения десятков тысяч китайских «народных добровольцев». Американцы не пересекли отделявшую Корею от Китая пограничную реку Ялуцзян не только из-за массового героизма китайских воинов (197 тысяч из них отдали в этом противостоянии свои жизни) [Си Цзиньпин: В память...]. Призывы некоторых американских должностных лиц сбросить атомные бомбы на китайские города были отвергнуты ввиду надежности «щита» советских ВВС и наличия у Москвы атомной бомбы.

Корейская война стала первым прямым столкновением США и КНР на поле боя. Она же может рассматриваться как репетиция третьей мировой войны. Не будет преувеличением сказать, что полномасштабное нападение Америки на Китай и фронтальное столкновение двух глобальных систем было предотвращено именно Советско-китайским договором, заключенным за несколько месяцев до начала этой войны. Ни в Пекине, ни в Вашингтоне не сомневались в надежности союза, связавшего СССР и КНР, в решимости Москвы выполнить взятые на себя обязательства.

И.В. Сталин рассматривал КНР как важнейшего стратегического союзника в вероятной мировой войне. Идеологическая близость двух правящих коммунистических партий была для него менее важна, чем интересы национальной безопасности Советского Союза, которые существенно укреплялись за счет приобретения нового мощного союзника. Национальными, а не только идеологическими интересами он руководствовался и на всех других этапах отношений с Китаем, в том числе в годы китайско-японской войны.

Мао Цзэдун же надеялся за счет союзнических отношений с СССР защититься от возможной контратаки с Тайваня при поддержке Америки, укрепить ослабленный войной с Японией и гражданской войной Китай, использовать успешный советский опыт послевоенного восстановления и строительства социализма, получить всестороннюю

помощь и обеспечить процветание Поднебесной. Обе стратегии отвечали национальным интересам двух стран, дополняли друг друга и были в основном реализованы.

Положения нового союзного договора обрастали плотью не только на поле боя. Советский Союз быстро и последовательно выполнял условия подписанных в Москве Договора и дополнительных соглашений, которые задевали чувства национальной гордости китайцев. Это касалось ключевых пунктов Советско-китайского договора 1945 г. Так, КНР были в течение нескольких лет возвращены все права на КЧЖД (КВЖД), военно-морские базы в Порт-Артуре и Даляне. Китай безвозмездно получил также советское имущество и оборудование этих объектов [Россия и Китай... с. 220].

Своим жертвенным участием в Корейской войне КНР подтвердила готовность стать «вторым фронтом» в случае глобального столкновения лагерей социализма и капитализма. Этим во многом объясняется решение Сталина расширить программу всесторонней помощи обескровленной Поднебесной. Создание современной китайской экономики происходило по тем же лекалам, по которым параллельно шло восстановление советского народного хозяйства, пострадавшего в годы Великой Отечественной войны. Сотни советских специалистов помогали закладывать основы плановой экономики, составляли первый пятилетний план. При этом акцент делался на создание военного потенциала. Возникали отрасли тяжелой промышленности и машиностроения, о которых в Поднебесной раньше слыхом не слыхивали. Развернулась ядерная программа, строился военно-морской флот. Москва обязалась построить и реконструировать 50 крупных промышленных объектов. Пекин единовременно получил льготный кредит в 300 млн долларов на закупку необходимых материалов и оборудования.

По советским образцам развернулось создание системы высшего образования, научных учреждений, системы государственного управления, судебной системы, вооруженных сил и органов госбезопасности. Во всех этих областях действовали советские специалисты, некоторые из них были в ранге министров. Это повышало эффективность помощи, ускоряло темпы строительства социализма, ведь большинство «кадровых работников» КПК оставались тогда полуграмотными. Важность советской помощи возросла в условиях торгово-экономической блокады Китая со стороны западных стран. В 1952 г. СССР был основным торговым партнером КНР с долей свыше 50% [Россия и Китай... с. 223].

Приоритетность национальных интересов над идеологией в политике Кремля заметно ослабла после кончины Сталина в 1953 г. Начавшаяся критика покойного лидера и попытки обеспечить мирное сосуществование с лагерем империализма насторожили Мао Цзэдуна, который разглядел опасность проецирования новаций кремлевского руководства на скопированный Китаем со сталинского режим, а также учитывал перспективу уменьшения для Москвы значения стратегических отношений с Пекином.

Советская помощь по инерции продолжалась и даже нарастала в начале руководства Н.С. Хрущева. В 1953–1954 гг. были подписаны соглашения о строительстве и ре-

конструкции 156 крупных промышленных предприятий. Выделены дополнительные кредиты. В 1956 г. началась безвозмездная передача свыше 1400 проектов промышленных предприятий и свыше 24 тысяч комплектов научно-технической документации [Меликсетов, с. 637] Однако отношения с Пекином утрачивали приоритетность в глобальных планах Москвы. Одновременно подспудные комплексы и обиды «младшего брата» в китайском руководстве вырвались наружу после XX съезда КПСС. Центр тяжести двусторонних отношений стал смещаться в область идеологических разногласий.

Деградация связей между двумя правящими коммунистическими партиями уже к 1960 г. привела к завершению тесного взаимодействия двух великих держав. Этот процесс продолжался от одного кризиса к другому и завершился пограничными столкновениями 1969 г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи фактически перестал действовать через 10 лет после подписания. Формально же Договор был разорван за год до истечения срока действия, в 1979 г., по инициативе Дэн Сяопина, который именно тогда восстановил дипломатические отношения с Вашингтоном и предложил в ходе своей поездки по Соединенным Штатам сделать КНР союзником Запада. Дэн Сяопин исходил из национальных интересов Поднебесной, полностью отбросив идеологические соображения. Он выбрал «кошку, которая ловила мышей» ради ускорения восстановления Китая после разрушительных экспериментов Мао Цзэдуна.

Переход Китая на сторону Запада снова поменял баланс сил на мировой арене, на сей раз усилив Запад и ослабив лагерь социализма во главе с СССР. У советских лидеров обострился комплекс «осажденной крепости», и они стали жестче реагировать на любые события внутри соцлагеря и по периметру его границ, которые представлялись опасными. Советский Союз был вынужден готовиться к войне на двух фронтах и наращивать оборонный потенциал. Огромные средства были направлены на стратегическое укрепление Сибири и Дальнего Востока, строительство резервной инфраструктуры (БАМ), наращивание и передислокацию войск, создание военных баз и укрепрайонов. Это непосильное состязание на двух направлениях в немалой степени повлияло на распад Советского Союза в конце 1991 г.

Из четырехвековых отношений России и Китая практически выпали два исторических периода. Первый длился с конца 1950-х годов, когда Поднебесную сотрясали сначала бедствия «большого скачка» (1958–1960), а затем «гражданская война с китайской спецификой» под названием «культурная революция» (1966–1976). Второй пришелся на 70–80-е годы, когда Пекин недружественной позицией в отношении СССР обеспечивал состояние повышенной внутренней мобилизации и одновременно доказывал Западу свою ценность как союзника в холодной войне против Москвы. До военного столкновения дело, к счастью, не дошло. Однако во всех других областях развернулась своя «холодная война», интенсивность которой даже превосходила порой противостояние с Западом. Именно в те десятилетия под воздействием мощной пропаганды были созданы стереотипы «угрозы с Севера», с одной стороны, и «китайской угрозы» — с другой, которые и по сей день отравляют массовое сознание граждан двух стран. Особенно эффективным оружием психологической войны оказался

так называемый территориальный вопрос. Территориальное размежевание и заключенные в этой сфере договоры ставились под сомнения Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, постоянно муссировались в прессе, в научной и учебной литературе.

Даже во время встречи в Пекине с М.С. Горбачевым (15–18 мая 1989 г.), которая знаменовала восстановление официальных связей двух правящих партий, Дэн Сяопин напомнил о «более чем полутора миллионах квадратных километров китайских земель, полученных Россией» [Беседа Горбачёва и Дэн Сяопина]. При этом, правда, он призвал «закрыть прошлое и открыть будущее». Визит в Китай главы КПСС и СССР открывал широкие возможности для нормализации и позитивного развития отношений. Однако обострение внутренней ситуации в Пекине (события на площади Тяньаньмэнь) вычеркнули их из списка приоритетов. В СССР медленная агония перестройки тоже снижала интерес к связям с КНР, хотя ужесточились ограничения на материалы СМИ с критикой Пекина, начались ознакомительные визиты партийных функционеров, делегаций ученых и общественных деятелей.

Стабилизация обстановки в Пекине и формирование нового руководства КПК и КНР во главе с Цзян Цзэмином позволила главе китайских коммунистов нанести ответный визит в Москву. Характерно, что главным итогом пребывания китайской делегации, встреч и переговоров с М.С. Горбачевым и другими руководителями стал документ о территориальном размежевании. 16 мая 1991 г. министры иностранных дел подписали «Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части» [Советско-китайский договор о границе]. Практически на всем протяжении рубежи к востоку от Монголии были уточнены и обозначены на картах на основе предыдущих документов о границе и с учетом современного международного права. Предусматривалось продолжение переговоров по спорным участкам. Этот документ стал последним для Советского Союза в истории отношений с Китаем. Он расчистил часть завалов на пути к новым отношениям после распада СССР и образования Российской Федерации. До заключения нового базового документа оставалось еще целых 10 лет. Это время не было потрачено впустую.

Пекин быстро признал новую власть в Москве. После недолгого переходного периода контакты двух сторон возобновились. На своих местах остались почти все участники различных переговоров по пограничным, торговым, гуманитарным вопросам. Бурно развивалась «народная дипломатия» в форме «челночной» торговли, которая позволила восполнить хронические дефициты на российских прилавках, дала занятие и заработок сотням тысяч впавших в нищету людей.

Первый президент РФ Б.Н. Ельцин и хорошо знавший Советский Союз и владевший русским языком глава КНР Цзян Цзэминь установили неплохие личные отношения и регулярно обменивались визитами. С 1992 по 1999 г. российский руководитель побывал в Пекине 4 раза, а китайский в Москве — 5 раз. В ходе официальных и неформальных бесед рождались новые идеи, новые формы двусторонних отношений. Так, в Совместной декларации 1996 г. впервые появилась формулировка «отношения равноправного

доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке». В других документах за подписью первых лиц оттачивались формулировки равноправных и взаимовыгодных двусторонних отношений, взаимодействия на международной арене. Не были обойдены и территориальные вопросы — удалось договориться о совместном хозяйственном использовании отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек.

Договор о добрососедстве, дружбе и мире 2001 г.

Первый российско-китайский международно-правовой документ в новом веке и новом тысячелетии — Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве — был подписан президентом России Владимиром Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином 16 июля 2001 г. в Москве [Договор о добрососедстве...]. За минувшие 20 лет договор не обветшал. Его отдельные статьи позволили развить традиционные и создать новые направления взаимодействия. Возможно, такая живучесть объясняется его реализмом, учетом непростой судьбы предыдущих эпохальных договоренностей, зигзагов в отношениях между Москвой и Пекином. Даже название Договора лишено иллюзий — на первое место поставлено добрососедство.

Закрывать токсичный территориальный вопрос не на словах, а на деле была призвана 6-я статья, в которой «закрепляется отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий». Два небольших участка «с неурегулированным статусом» предстояло обсудить «для нахождения взаимовыгодного компромисса». Такой компромисс был достигнут после непростых переговоров в 2004 г. Было подписано «Дополнительное соглашение о государственной границе на ее Восточной части», вступившее в силу после ратификации в 2005 г. [Дополнительное соглашение...]. Важность устранения этого последнего раздражителя понятна с учетом истории с таким же раздражителем в Китайско-японском договоре 1972 г. Пекин и Токио не смогли договориться в срок о принадлежности нескольких необитаемых скал под названием «острова Дяюйтай/Сэнкаку», и Дэн Сяопин предложил «оставить вопрос следующим поколениям». Уже через 40 лет эти поколения оказались на грани вооруженного конфликта. В нашем случае решение судьбы островов на Амуре по принципу «50 на 50» является взвешенным и дальновидным.

С учетом истории предыдущих двусторонних договоров и специфики текущего момента необходимо было дать определение характера новых отношений России и Китая. Уже в первой статье Договора, впервые в документе такого уровня, был выделен принцип «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» в качестве долгосрочной основы. Новаторский принцип «стратегического взаимодействия» был столь же емким, сколь и неопределенным. Он позволял наполнять его реальным содержанием в зависимости от развития мировой обстановки, нюансов в понимании национальных интересов двух стран. Неудивительно, что этот новый термин уже вскоре вошел в моду в международно-правовом обиходе. «Стратегическое партнерство» стало штампом, который употребляется теперь не реже, чем «мир и дружба».

С самого начала наполнения Договора практическим содержанием особенно эффективно и эффективно шло наращивание военно-стратегического компонента. Расширились контакты военных в ходе совместных учений на земле, море, в космосе и киберпространстве. Нарастают обмены новинками военной техники и технологии. Стратегические бомбардировщики с похожими красными звездами ВВС России и Китая совместно патрулируют пространство вблизи американских военных баз в Японии и Южной Корее. Фундаментом возрождающегося доверия стала Статья 7: «Договаривающиеся Стороны предпринимают усилия по обеспечению собственной безопасности, основываясь на принципе разумной достаточности вооружений и вооруженных сил. Военное и военно-техническое сотрудничество между Договаривающимися Сторонами, осуществляемое на основе соответствующих соглашений, не направлено против третьих государств».

Для наращивания стратегического партнерства первостепенное значение имела и Статья 9. В ней содержались понятия, обычно встречающиеся в «договорах безопасности», означающих военно-политический союз: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы».

Москве и Пекину было крайне важно избавиться от дурных воспоминаний недавнего прошлого. Отсюда такие положения Статьи 2: «Договаривающиеся Стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силой, не используют друг против друга экономические и иные способы давления и разрешают разногласия между собой исключительно мирными средствами... Договаривающиеся Стороны подтверждают обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты». Все эти «стратегические» статьи и их реализация на деле позволили создать ситуацию, которую китайцы описывают выражением «стоять спина к спине».

Статьи нового Договора начали работать очень быстро. Взять хотя бы Статью 14, которая гласит: «Договаривающиеся Стороны всемерно способствуют укреплению стабильности, утверждению атмосферы взаимопонимания, доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в этих регионах соответствующих их реалиям многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества». Уже в 2001 г. был создан как раз такой «механизм взаимодействия» — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В этой региональной структуре сейчас состоят Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Индия и Пакистан. Среди членов ШОС — 4 ядерные державы. К деятельности ШОС также имеет отношение Статья 20: «Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом...».

Идейные истоки создания в июне 2006 г. организации БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) тоже можно найти в Договоре 2001 г., в Статье 17 говорится о развитии «сотрудничества в международных финансовых учреждениях, экономических организациях и форумах...».

Конечно, в договоре присутствуют статьи о торговле, об экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве. За 20 лет на этих направлениях достигнуто немало. Объем торговли даже в «ковидном» 2020 г. превысил 107 млрд долларов. Обмены студентами исчисляются десятками тысяч. В китайском Шэньчжэне стал действовать совместный университет с преподаванием на китайском и русском языках. До пандемии COVID-19 поток туристов исчислялся миллионами. На этой основе выросли взаимные симпатии обычных людей, о чем говорят опросы общественного мнения.

Даже самый лучший документ — не панацея в межгосударственных отношениях с многовековой историей, с их застарелыми болезнями и фобиями. Договор 2001 г. не устранил, да и не мог устранить все накопившиеся за годы противостояния преграды и стереотипы, «бутылочные горлышки» в торговых и финансовых операциях. Но эти недостатки в областях торгового и гуманитарного сотрудничества влияют на жизненно важные интересы России и Китая в меньшей степени, чем состояние «стратегического» компонента. Приоритет стратегии над тактикой, «высшей математики» над «арифметикой» национальных интересов, похоже, еще долго будет «новой нормальностью» российско-китайских связей.

В двусторонних отношениях многое зависит от личных качеств первых лиц, их взаимных антипатий или симпатий. Ускорению «стратегического партнерства» на основе договора 2001 г. помогают частые контакты В.В. Путина и Си Цзиньпина, доброжелательная атмосфера их переговоров, обязательность в выполнении договоренностей. Свой первый зарубежный визит Си Цзиньпин совершил в Москву весной 2013 г., и затем его встречи с В.В. Путиным проходили ежегодно вплоть до начала пандемии. Оба лидера обсуждали международные проблемы, проясняли позиции по неизбежным затруднениям в двусторонних отношениях. Си Цзиньпин с пониманием отнесся к позиции Путина в 2014 г. во время кризиса на Украине. Путин же поддержал насторожившую российских экспертов инициативу «Один пояс и один путь», остановил уже начавшуюся критику позиции Пекина по ситуации в Южно-Китайском море. Подобных примеров взаимной поддержки в международных делах довольно много. Ко времени встречи В.В. Путина и Си Цзиньпина в июне 2019 г. стратегическое партнерство находилось на таком высоком уровне, что одобренное ими дополнение — «стратегическое партнерство новой эпохи» — было расценено экспертами как весьма многозначительный шаг, который может привести к «большому скачку» — оформлению очередного в истории двусторонних отношений союза.

Необходимость договора о союзе в условиях новой холодной войны

Вопрос о заключении союзного договора, четвертого в истории российско-китайских отношений, стал всерьез обсуждаться в экспертных кругах и СМИ двух стран летом

2019 г. не случайно. Количество враждебных слов и дел администрации президента Трампа к тому времени перешло в качество под названием «холодная война». Россия и Китай стали ее двумя практически равноценными фронтами. Ясно, что русофобия и синофобия не являются монополией одной лишь Республиканской партии и лично Трампа, но в равной степени присущи и Демократической партии. Направленные против Москвы и Пекина законодательные акты почти всегда принимались единодушно обеими партиями, обеими палатами Конгресса США. Неприятие ими России и Китая неизбежно стало ускорять их движение навстречу друг другу в области безопасности, поставило в повестку дня новые формы российско-китайского стратегического партнерства, необходимость качественного повышения его уровня.

В Москве и Пекине сложились группы экспертов, предлагающие юридически оформить союзнические отношения, де-факто сложившиеся между двумя странами, в той или иной форме — от заключения нового договора до подписания секретного соглашения типа Союзного договора 1896 г. Весьма влиятельны и другие эксперты, категорически отвергающие новый союз либо относящиеся к этой идее со скепсисом. По мере ужесточения антироссийских и антикитайских действий США и Запада в целом эта полемика обостряется.

22 октября 2020 г. В.В. Путин во время видеовыступления на заседании дискуссионного клуба "Валдай" несколько раз говорил о Китае. Наибольшее внимание привлекло его «размышление вслух» о возможности оформления альянса России и Китая: «Мы всегда исходили из того, что наши отношения достигли такой степени взаимодействия и доверия, что мы в этом не нуждаемся, но теоретически вполне можно себе такое представить. Мы проводим регулярные военные мероприятия совместно, учения и на море, и на земле, и в Китае, и в России, мы обмениваемся лучшими практиками в сфере военного строительства. Мы достигли большого уровня взаимодействия в сфере военно-технического сотрудничества, причем это, наверное, самое главное, речь не только об обмене продукцией или купле-продаже военной продукции, а об обмене технологиями. И здесь есть вещи очень чувствительные. Я сейчас не буду говорить об этом публично, но наши китайские друзья об этом знают. Наше сотрудничество с Китаем, без всяких сомнений, повышает обороноспособность Китайской народной армии. И Россия в этом заинтересована, и Китай. Так что как это будет развиваться дальше — жизнь покажет. Но перед собой такой задачи сейчас не ставим. Но в принципе и исключать этого не собираемся» [Путин не исключил...].

Вскоре официальный представитель МИД КНР заявил, что «в традиционной дружбе Китая и России нет пределов и запретных зон для расширения двусторонних связей». Он также отметил, что заявление российского лидера «демонстрирует высокий уровень и особую природу наших двусторонних связей» [Ван И: взаимодействие...].

Первые сто дней, да и последующие недели администрации нового президента США Д. Байдена развеивают остаточные иллюзии в формирующих политику кругах Москвы и Пекина. Вербально и на деле Вашингтон подтверждает прогнозы экспер-

тов, которые предсказывали, что при Байдене США станут наращивать сдерживание Китая, при этом сохраняя или даже понижая уровень враждебности России. Так, в программном документе «Национальная стратегия безопасности» за подписью 46-го президента США, опубликованном 3 марта 2021 г., говорится: «Китай является единственным конкурентом, потенциально способным за счет объединения своей экономической, дипломатической, военной и технологической мощи стать постоянным вызовом стабильной и открытой международной системе» [Белый дом...]. Почти одновременно с программным заявлением по внешней политике выступил государственный секретарь Э. Блинкен, указав, что «Китай является самым большим вызовом для США в XXI в., и этот вызов превосходит те, что исходят из России или с Ближнего Востока» [Блинкен заявил...].

Сейчас уже стало ясно, что различия в «китайской политике» старой и новой администраций относятся только к тактике. Если Д. Трамп рассчитывал одержать верх за счет мощи самих Соединенных Штатов, то Дж. Байден старается объединить союзников и сочувствующих в подобие «Антикитайского Интернационала». В Китае пока продолжают говорить о нежелании вступать в какие-либо союзы и коалиции. Однако рост антикитайских настроений в ведущих западных странах на фоне событий, связанных с COVID-19, и реальный прогресс в консолидации антикитайского «пула» создают у руководства КНР стимулы к частичному пересмотру завещанного Мао Цзэдуном принципа «опоры на собственные силы». Изменение его подхода к заключению союза с Россией вполне возможно. Интересы национальной безопасности двух соседних держав максимально сблизились, у них вновь появился общий противник.

Если рано или поздно речь пойдет о заключении нового российско-китайского договора либо дополнении новыми статьями Договора 2001 г., то в модифицированном тексте, на мой взгляд, прежде всего следовало бы зафиксировать новый уровень военного взаимодействия. В Договоре 1950 г. недвусмысленно говорилось: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами». Эти обязательства сделали невозможным нападение на КНР сразу после ее провозглашения, предотвратили распространение Корейской войны на весь Тихоокеанский регион или даже перерастание в войну мировую. Сейчас системный и скоординированный натиск Запада на Восток в лице России и Китая вновь повышает риск глобальной катастрофы. Синергия потенциалов возмездия Москвы и Пекина стала бы непреодолимым барьером для развязывания региональных и глобальных войн.

Желательность корректировки Договора 2001 объясняется еще одной причиной. За минувшие 20 лет проявилась необходимость оформления единым международно-правовым документом всей линии прохождения российско-китайской границы. 6-я статья Договора «закрепила отсутствие у сторон взаимных территориальных претензий», но оставила два небольших участка «с неурегулированным статусом». В 2004 г. было

подписано Дополнительное соглашение о государственной границе на ее восточной части. Однако в СМИ и блогосфере Поднебесной продолжали появляться и появляются материалы, повторяющие претензии на российские территории, прежде всего в Приамурье и Приморье. Даже китайские туристы, посещавшие российский Дальний Восток, делали заявления в этом духе, оставляли соответствующие записи в книгах посещения музеев. Все это не может не воскрешать настороженность в России в отношении китайских соседей. Необходимо окончательно зафиксировать линию границы и ее режим в едином документе. У китайских властей достаточно возможностей и ресурсов для того, чтобы положить конец историческим спекуляциям. Совокупность дипломатических и политических мер вполне способна устранить остатки взаимного недоверия как среди населения, так и в элитах двух стран.

Если подготовка нового российско-китайского договора станет реальностью, то в его названии ключевым словом следовало бы сделать «союз». В любом случае важно подчеркнуть сближение наших стран в последние 10 лет, которые нередко называют «новой эпохой». В названии можно обойтись без штампов о «дружбе и сотрудничестве», которые кочуют из одного документа в другой, но редко соответствуют реальности. Зато слово «добрососедство» из Договора 2001 г. прошло проверку временем, его вполне уместно повторить. Таким образом, вырисовывается такой вариант: российско-китайский «Договор о союзе и добрососедстве новой эпохи».

Пока в результате обменов мнениями руководителей России и Китая было решено продлить Договор о дружбе, мире и добрососедстве 2001 г. еще на 5 лет, как это предусмотрено в его содержании. Дипломаты в Москве и Пекине в ходе интенсивных переговоров подготовили и согласовали текст Совместного заявления КНР и РФ к 20-летию подписания Договора, который В.В. Путин и Си Цзиньпин одобрили в ходе виртуального саммита 28 июня 2021 г.

Анализ этого пространного документа позволяет предположить, что он является как раз основой того нового договора, возможность которого обсуждалась в последние месяцы в Москве и Пекине. Похоже, стороны в этот раз не достигли консенсуса по важным пунктам стратегической повестки дня. Они оказались не готовы зафиксировать союзнические отношения, фактически сложившиеся за последние годы и получившие название «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху». Вместо этого в Совместном заявлении говорится: «Не являясь военно-политическим союзом, подобным союзам, сложившимся в период холодной войны, российско-китайские отношения превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия».

Не удалось также на высшем международно-правовом уровне свести воедино положения по территориальному вопросу из Договора 2001 г., Дополнительного соглашения о государственной границе на ее Восточной части, подписанного в 2004 г., и документов 2008 г. о полной демаркации государственной границы. Совместное заявление [Совместное заявление] подтверждает положения Договора 2001 г.: «Россия

и Китай окончательно урегулировали оставшийся от истории пограничный вопрос, у двух стран отсутствуют взаимные территориальные претензии. Стороны решительно настроены превратить общую границу в пояс вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, что станет краеугольным камнем межгосударственных отношений».

Пространное и насыщенное новыми идеями Совместное заявление 2021 г. [Там же] учитывает многие позитивные изменения, произошедшие в российско-китайских отношениях за два десятилетия, перемены в расстановке сил на международной арене, прогресс в науке и технике. Оно закладывает хороший фундамент как для развития связей во всех областях взаимодействия двух сопредельных стран, так и для будущих международно-правовых документов.

* * *

Геополитическое будущее России и Китая связано столь же тесно, как и прошлое. На протяжении 400 лет соседства и взаимодействия двух стран-цивилизаций они не раз сталкивались, но ни разу не воевали по-настоящему. Зато союзнические отношения поддерживались и фиксировались договорами 1896, 1937, 1945, 1950 годов. В годы Второй мировой войны Китай и Россия по очереди становились друг для друга «вторым фронтом», оттягивая на себя силы общего противника. Это взаимодействие основывалось на национальных интересах и потому было продуктивно. Напротив, отход от буквы и духа Договора 1950 года, идеологическая размолвка 60–80-х, перевесившая национальные интересы, привела к трагическим последствиям для обеих держав. Китай потерял два десятилетия поступательного развития и 30–40 миллионов человек в ходе предпринятых во многом «назло» Москве «большого скачка» и «культурной революции». Советский Союз после перехода Пекина на сторону Запада был вынужден в одиночку вести противостояние «на два фронта». Перенапряжение сил в том противостоянии стало одной из причин гибели великой страны.

Российско-китайский договор о дружбе, мире и добрососедстве 2001 г. унаследовал лучшие традиции своих предшественников, обеспечив гармонию национальных интересов, отсутствие военных угроз и противостояния, равенство и взаимное уважение в политических, экономических, культурных контактах. Договор 2001 г. оказался не просто договором-долгожителем, сохранившим свое действие все 20 лет, предусмотренные в тексте документа. Он помог вывести двусторонние отношения на столь высокий уровень, что встал вопрос либо о дополнении текста новыми статьями, либо о заключении нового договора в качестве продолжения действующего. Вокруг этой идеи развернулась дискуссия в экспертных кругах и СМИ обеих стран.

«Договора не терпят суеты». «Договоров много не бывает». Такие мысли приходят на ум по итогам подписания 28 июня 2021 г. В.В. Путиным и Си Цзиньпином Совместного заявления. То, что не смогли сделать в этот раз, может быть сделано в другой.

Литература

- Белый дом представил промежуточную стратегию США по национальной безопасности // ТАСС. 03.03.2021. — URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10829651 (дата обращения: 08.06.2021).
- Беседа Горбачёва и Дэн Сяопина (Пересказ М.С. Горбачевым содержания встречи с Дэн Сяопином, состоявшейся в 1989 году) // Прорывист. — URL: prorivists.org/doc_deng-gorby-1989/ (дата обращения: 08.06.2021).
- Блинкен заявил, что военная конфронтация противоречит интересам как США, так и Китая // ТАСС. 03.05.2021. — URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11298507 (дата обращения: 08.06.2021).
- Ван И: взаимодействие КНР и РФ не имеет предела и запретных зон [王毅：中俄战略合作没有止境，没有禁区，没有上限] // Синьхуа. 01.02.2021. — URL: xinhuanet.com/world/2021-01/02/c_1126937927.htm (на китайском языке) (дата обращения: 07.06.2021).
- Галенович Ю.М. Россия — Китай: шесть договоров. М. 2003.
- Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16.07.2001 // Сайт президента России. — URL: kremlin.ru/supplement/3418 (дата обращения: 08.06.2021).
- Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. Москва. 14 февраля 1950 года // Электронная библиотека исторических документов. — URL: docs.historyrussia.org/ru/nodes/136188-dogovor-o-druzhbe-soyuze-i-vzaimnoy-pomoschi-mezhdu-soyuzom-sovetskih-sotsialisticheskikh-respublik-i-kitayskoj-narodnoj-respublikoy-moskva-14-fevralya-1950-goda (дата обращения: 08.06.2021).
- Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части. 31.05.2005 // Электронный фонд нормативно-технических документов. — URL: docs.cntd.ru/document/901945334 (дата обращения: 08.06.2021).
- Меликсетов А.В. История Китая. М. 2007.
- Путин не исключил возможности военного союза России и Китая // ТАСС. 22.10.2020. — URL: tass.ru/politika/9793177 (дата обращения: 08.06.2021).
- Россия и Китай. Четыре века взаимодействия / Под ред. А.В. Лукина. М. 2013.
- Си Цзиньпин: В память о китайских народных добровольцах, сражавшихся в Войне за сопротивление американской агрессии и оказание помощи корейскому народу за пределами Китая. 2020.10.31 // Посольство Китайской народной республики в Российской Федерации. — URL: ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1828247.htm (дата обращения: 08.06.2021).
- Советско-китайский договор о границе. 16.05.1991 // Викитека. — URL: clck.ru/VNgdz (дата обращения: 08.06.2021).
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики к двадцатилетию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 28.06.21. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hkwONx0FSpUGgXPaRU3xUHRmkRneSXIR.pdf>
- Biden, Putin to hold summit in Geneva in June // Global Times. 26.05.2021. — URL: globaltimes.cn/page/202105/1224490.shtml (date of access: 07.06.2021)

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

УДК 94(73); 325

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-83-98

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА, Владимир ВАСИЛЬЕВ

Фундаментальная наука США: культурологическая составляющая

Аннотация. Смена ценностно-культурных стереотипов сознания, принявшая форму культурных войн, затронула практически все общественные сферы США. В последние годы она все больше сказывается на области научных исследований, в том числе и фундаментальных наук, таких как физика и математика. Несмотря на передовые позиции США в «мировом табеле» научных знаний, в американской фундаментальной науке, как и в обществе в целом, традиционно преобладали иммигранты. Со сменой иммиграционных притоков, как правило, были связаны изменения социокультурного плана, которые во многом и предопределяли последующий уровень развития фундаментальных исследований. Идущая полным ходом смена мировоззренческих ориентиров под флагом «расово-этнического разнообразия» затронула уже и физическое, и математическое сообщества США. Важным, но не единственным проявлением этого стало внедрение в американских университетах системы квотирования студенческого и преподавательского состава. Подобный социокультурный сдвиг может сказаться на позициях США в мировой науке, а также на роли научно-технического потенциала в дальнейшем социально-экономическом развитии американского общества.

Ключевые слова: фундаментальные научные исследования, иммиграция ученых, советская математическая школа, Нобелевская премия, расово-этническое квотирование, чернокожие физики, дух маккартизма, меритократия, расово-этническое разнообразие.

Публикация в июле 1945 г. доклада Вэнивару Буша — советника по науке президентов Ф. Рузвельта и Г. Трумэна, организатора и куратора «Манхэттенского проекта», увенчавшегося успешным созданием ядерного оружия, — явилась важнейшим фактором превращения фундаментальных научных исследований в непосредственную производительную силу в американском обществе после окончания Второй мировой войны. В докладе, получившем название «Наука — безграничные горизонты развития», пафосно утверждалось, что фундаментальные исследования являются основным

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутриполитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук, travkina.n.m@gmail.com;

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

«двигателем технического прогресса» [Bush, p. 17], а вместе с этим и экономического роста. Во второй половине 1940-х годов основная организующая и координирующая роль в сфере фундаментальных научных исследований отводилась В. Бушем государству на его федеральном уровне. С этой целью он предложил основать независимое федеральное агентство — Национальный научный фонд (ННФ), фактически министерство науки, которое после долгих проволочек было наконец создано в мае 1950 г.

Исследования авторитетных американских экономистов показали, что во второй половине XX в. расходы на фундаментальные научные исследования и обусловленные ими прикладные разработки в США дали прирост производительности труда не менее 50%, а прирост экономической эффективности составил почти 75% [R&D and Productivity Growth, p. 29]. Вместе с тем эксперты давно обратили внимание на тот факт, что не существует линейной зависимости между ростом числа ученых и инженеров, занятых фундаментальными научными исследованиями и разработками, и темпами экономического роста. Так, согласно данным ННФ, опубликованным в конце 1980-х годов, число ученых и инженеров в США за 40 лет после создания ННФ выросло в 5 раз — с 200 тыс. в 1950 г. до 1 млн в 1987 г., однако «темпы экономического роста в расчете на душу населения даже и близко не подошли к пятикратному увеличению» [Jones, p. 760]. Иными словами, качественный состав ученых и инженеров, занятых фундаментальными научными исследованиями и разработками, их уровень квалификации также, по-видимому, играют немаловажную роль в ускорении темпов социально-экономического развития страны.

Базовая парадигма формирования американского научного сообщества

Доклад В. Буша знаменовал собой институционализацию и другой важнейшей особенностью «человеческого капитала» современного американского научного сообщества — упор на иммиграцию лучших «мировых мозгов» из других стран, в тот период главным образом европейских (Европа традиционно была центром становления и развития фундаментальных научных знаний). США, с их философией и мировоззрением прагматизма и утилитаризма, концентрировали усилия своей интеллектуальной элиты на технических достижениях, на практическом применении результатов фундаментальных открытий, сделанных в других странах.

На всем протяжении своей истории США являлись своеобразным магнитом, притягивавшим неординарных личностей, которые приезжали в Америку «по совокупности причин», причем сугубо научные соображения далеко не всегда находились на первом месте. Так, в 1794 г. в США перебрался британский священник и выдающийся химик Д. Пристли (1733–1804), открывший кислород. Общественная деятельность Дж. Пристли сравнительно быстро сделала его английским диссидентом, поборником прав народа и революционных выступлений. Под влиянием Великой французской революции он перешел к открытой проповеди ее идей, что обернулось серьезными гонениями на него и его семью. К тому времени Пристли стал «одним из наиболее опасных мыслителей во всей Англии» [Joseph Priestley...]. В 1791 г. его дом и химическая лаборатория

в Бирмингеме подверглись нападению, были разгромлены и уничтожены. В конечном итоге он был вынужден покинуть Великобританию и перебраться в Америку именно по политическим мотивам. Последние 10 лет жизни Дж. Пристли провел в Пенсильвании, и его переезд в Америку «создал прецедент для многих других интеллектуальных изгнанников» [Joseph Priestley...].

В 1872 г., после Гражданской войны (1861–1865) в США, из Великобритании в эту страну приехал выдающийся изобретатель и предприниматель А. Белл (1847–1922). Основанная им «Америкен Телефон энд Телеграф Компани» определила все последующее развитие современной информационно-коммуникационной отрасли американской экономики. В 1884 г. в США из Европы приехал выдающийся ученый и изобретатель сербского происхождения Н. Тесла (1856–1943), прозванный «человеком, который изобрел двадцатый век» [Loomas].

Приход к власти фашистов и нацистов в Германии и Италии после Первой мировой войны обернулся тем, что из Европы в США, в основном по политическим причинам, бежали основоположники современной атомной физики А. Эйнштейн (в 1933 г.), О. Штерн (в 1933 г.), Э. Ферми (в 1938 г.), Н. Бор (был вывезен в США из Дании в ходе американской спецоперации в 1943 г.), Ю. Вигнер (в 1930 г.). Практически все они прямо или косвенно приняли участие в реализации «Манхэттенского проекта».

«Магическая формула» выведения американской науки на самый высокий мировой уровень была найдена. Количество довольно быстро перешло в качество. В области **физики** в период с 1901 по 1959 г. 15, а в период с 1960 по 2013 г. уже 21 американский ученый-иммигрант были удостоены Нобелевской премии. В области **химии** в 1901–1959 гг. Нобелевской премии был удостоен один, а в 1960–2013 гг. ее получили уже 23 американских ученых-иммигранта. В области **медицины** соотношение присужденных Нобелевских премий американским ученым-иммигрантам за те же периоды составило 9 и 28. Всего по этим трем областям науки число полученных американскими учеными-иммигрантами Нобелевских премий за второй период возросло по сравнению с первым почти в три раза — с 25 до 72 [National Foundation... pp. 4–7].

Американские исследователи не скрывают, что приток немецких иммигрантов еврейского происхождения после 1933 г. из нацистской Германии был обусловлен культурным фактором — официальной идеологией антисемитизма. По мнению аналитиков, «исторические хроники убедительно свидетельствуют о том, что немецкие иммигранты еврейского происхождения, бежавшие из нацистской Германии, революционизировали американские нововведения». В общей сложности к концу Второй мировой войны в США осело порядка 2400 немецких ученых еврейского происхождения [Moser et.al., 3222].

На протяжении последующих 70 лет сформировавшаяся в тот период традиция использования «лучших мозгов» планеты для укрепления и усиления американского лидерства в фундаментальной науке сохранилась и упрочилась. Как подчеркивали аме-

риканские исследователи И. Гангули (индийского происхождения) и П. Гол (чешского происхождения), «ключевым фактором возникновения и сохранения лидерства США в области науки, техники, инженерии и математики является их способность привлекать и удерживать талантливых специалистов из других стран» [Ganguli et.al, p. 49]. Тенденция к увеличению доли ученых и инженеров со степенью доктора наук в экономике и в академическом мире США усилилась с начала 1990-х годов. В частности, если в 1993 г. среди занятых в области науки, техники, инженерии и математике в США около 28% приходилось на ученых-иммигрантов со степенью доктора наук, то к 2017 г. их доля возросла до 45%; при этом в академическом мире, т.е. в американских университетах и научно-исследовательских центрах, занятых преимущественно фундаментальными исследованиями, доля рожденных за пределами США в 2017 г. достигла рекордного уровня в 49%, в том числе 29,0% были постоянно занятыми. Как отмечалось в статистическом отчете ННФ, «за последние 25 лет доля ученых, рожденных за пределами США, значительно увеличилась. В большинстве отраслей фундаментальных знаний наблюдалась одна и та же закономерность — чем выше уровень квалификации, измеряемый научной степенью, тем больше в них работало ученых и инженеров иностранного происхождения» [National Science Board, p. 1.].

Фундаментальная причина постоянно растущего притока в американскую академическую науку ученых иностранного происхождения относится к культурному фактору; их привлекает «открытость американской культуры, поощряющая талантливость и не налагающая ограничений, основанных на предыдущих связях, социальном статусе, этнической принадлежности или национальном происхождении» [Stillman]. Возможно, эта оценка представляет атмосферу, царящую в американской фундаментальной науке, в «идеалистических тонах», но важно понимать: структурные сдвиги в фундаментальной науке и ее роль в социально-экономическом прогрессе США напрямую зависят от смены «социокультурной розы ветров», которая и является своеобразной путевой стрелкой, изменяющей траекторию возможной эволюции фундаментальной науки в будущем.

Система этнического квотирования приходит в фундаментальную науку США

Ускоряющийся темп демографических сдвигов в американском обществе, определяющих тектонические подвижки в их культурной составляющей, привел к формированию устойчивой тенденции сокращения не только относительной, но и — в последнее десятилетие — абсолютной численности белого населения США. Если в 2000 г. оно составляло 211,5 млн человек, или 74,4% всего американского населения, то в 2010 г. численность белых увеличилась до 223,6 млн человек, однако их доля в общей численности населения сократилась до 72,4% [Составлено и рассчитано по: The White Population: 2000... p. 1]. В 2020 г., согласно официальным данным переписи, впервые в американской истории было зафиксировано абсолютное уменьшение численности белого населения — до 204,3 млн человек (почти на 20 млн), что предопределило и колоссальное сокращение его доли до 61,6% [Race and Ethnicity...].

Стремительно набирающая обороты «цветнизация» американского общества не могла не затронуть все его сферы [более подробно см.: Травкина, Васильев]; в последние годы ее объектом стали и фундаментальные науки, особенно физика и математика. В январе 2020 г. престижный и влиятельный Американский физический институт опубликовал обширный доклад, явившийся результатом двух лет исследований, под названием «Время пришло. Системные изменения по увеличению числа афроамериканцев со степенью бакалавра наук в физике и астрономии». Доклад вызвал большой резонанс в американском физическом сообществе. В качестве отправного пункта авторы избрали данные официальной американской статистики, согласно которым в период с 1995 по 2017 г. количество дипломов бакалавров, выданных американскими вузами всех уровней, увеличилось почти в два раза — с 1,1 млн до 2,1 млн. За этот период число дипломов бакалавров, полученных афроамериканскими студентами, выросло с 85,9 тыс. до 193,6 тыс., т.е. почти в 2,3 раза. Таким образом, доля афроамериканских студентов, получивших степень бакалавра, увеличилась с 7,2% до 9,2%, или почти на 30% [Feder, p. 20; Systemic Changes... p.85].

В областях физики и астрономии общее количество присужденных в США степеней бакалавров наук увеличилось за этот период примерно с 5 тыс. до 9 тыс. При этом количество дипломов, полученных афроамериканцами, увеличилось со 100 в 1995 г. до 238 по физике и 12 по астрономии в 2017 г. Однако в относительном измерении их доля упала с 4,5% до 3,0% от общего числа дипломов, выданных в США за этот период [Systemic Changes... pp. 21, 85, 89].

Несмотря на сравнительно большой объем доклада Американского физического института, его главная рекомендация свелась к постановке целевой задачи: довести к 2030 г. общее число степеней бакалавров, присуждаемых афроамериканцам по физике, до 500 в год, по астрономии — до 25 в год [Systemic Changes... p. 21].

Однако, возможно, самая важная часть доклада Американского физического института посвящена аналитическому объяснению недостаточной приобщенности афроамериканцев к физике и астрономии. Составители пришли к заключению, что основные причины слабого интереса афроамериканцев к этим наукам относятся не только к социально-экономической сфере, но и к совокупности культурных — в широком смысле этого слова — факторов, которые и выступают практически непреодолимым барьером на пути формирования сравнительно сильного сообщества физиков и астрономов среди афроамериканцев. В докладе прямо указывается, что именно «культурная среда, окружающая физику, не благоприятствует успехам студентов с маргинализованной идентичностью, особенно студентов-афроамериканцев» [Systemic Changes... p. 169].

Опираясь на этот теоретико-методологический подход, Американский физический институт предложил ряд мер, направленных на изменение среды обучения физике и астрономии для студентов-афроамериканцев. Это изменение должно основываться «на последовательном внедрении норм и ценностей уважения к афроамериканцам и их включенности в процесс обучения» [Systemic Changes... p. 65]. Афроамериканские

студенты должны «чувствовать себя физиками и астрономами, а также восприниматься преподавательским составом физических факультетов и школ как будущие физики и астрономы». Более того, преподавателям предписывается роль «помощников процесса обучения афроамериканских студентов». При этом академическая поддержка процесса обучения афроамериканцев физике и астрономии должна быть направлена на преодоление «модели ущербности студента-представителя этнических меньшинств», сводящейся к тому, что «такого рода студенты вследствие своей прирожденной идентичности являются менее способными (к физике и астрономии. — *авт.*) по сравнению со студентами, имеющими иное этническое происхождение». Особое внимание должно быть обращено на борьбу с представлениями о том, что в физике и астрономии меритократический «успех определяется исключительно способностями, талантом и упорным трудом, что может обернуться ошибочной оценкой потенциала студента-афроамериканца» [Systemic Changes... p. 66].

Игры «в студенческие образы физика и астронома», рекомендуемые Американским физическим институтом соответствующим факультетам и школам американских университетов, неизбежно вылились в главную рекомендацию — создание фонда с активом порядка 50 млн долл. по поддержке обучения дополнительно 250 студентов-афроамериканцев, желающих получить профессии физика и астронома на протяжении последующих 10 лет [Systemic Changes... p. 14]. По сути, предлагается узаконить систему квотирования для студентов-афроамериканцев на физических факультетах американских университетов и школ, ибо в условиях гарантированного и «проплаченного вперед» обучения университетам (особенно если они не являются ведущими научными центрами) безразлична конечная цель подготовки «самоидентифицированных» физиков и астрономов.

«Афрофизика»

Система квотирования афроамериканцев в физике и астрономии не является «новацией» последних лет — она скорее представляет собой логическое продолжение сложных процессов, происходящих в системе высшего образования США и в американском научном сообществе на протяжении последних десятилетий и даже столетий. После окончания Гражданской войны и особенно после принятия в середине 1960-х годов серии законов о равных гражданских правах в США, особенно в южных штатах, стали возникать Исторически черные высшие учебные заведения (Historically Black Colleges and Universities, HBCUs). В настоящее время насчитывается 101 вуз подобного рода, что составляет 3% от общей численности американских вузов, в которых обучается примерно 10% всех студентов-афроамериканцев. Всего же на долю афроамериканцев приходится 20% выпускников американских вузов [Bridges].

В 1977 г. в США было основано Национальное общество чернокожих физиков, провозгласившее своей главной целью содействие «профессиональному росту и благосостоянию афроамериканских физиков и студентов-физиков в международном научном сообществе и в обществе в целом» [National Society... Article II. Section 1]. Несмотря на

это, согласно статистическим данным Американского физического института, с середины 1990-х годов до конца второго десятилетия XXI в. количество докторских степеней (Ph.D.), присуждаемых афроамериканским физикам, в среднем составляло 10 за год. Для сравнения: в 2004–2019 гг. общее количество защищенных докторских диссертаций в США увеличилось примерно в 1,7 раза, с 1100 до 1903. В настоящее время 204 физических факультета американских вузов имеют право присуждать докторские степени по физике. Из них 5 факультетов находятся в составе ведущих Исторически черных высших учебных заведений — таких, например, как Говардский университет в федеральной столице Вашингтоне. В итоге практически на всем протяжении XXI в. афроамериканцы устойчиво получали менее 1% докторских степеней по физике, присуждаемых физическими факультетами американских ВУЗов [Trends in Physics PhDs... pp. 1,5,8].

Публикация доклада Американского физического института вызвала острую реакцию среди афроамериканских физиков, представители которых сразу заявили, что конечной целью усиления позиций афроамериканских физиков является получение ими Нобелевских премий [Wade]. Статья, опубликованная в журнале «Популярная наука» в октябре 2019 г., имела примечательный подзаголовок: «Ситуация с Нобелевскими премиями является следствием расизма в преподавании фундаментальной науки в американских вузах». В другой публикации указывалось, что за все время существования Нобелевских премий (по состоянию на октябрь 2018 г.) их было присуждено свыше 900, из них только 14 (1,5%) получили чернокожие — 10 в области борьбы за мир, 3 по литературе, 1 по экономике и ни одной премии по физике [Morgan].

Объяснение «исключения» чернокожих, главным образом афроамериканских физиков, из круга претендентов на Нобелевские премии свелось, по сути, к отсутствию в американских вузах системы квотирования для афроамериканцев, что, как утверждалось, привело к отсутствию «научного социального лифта». По версии автора статьи, биохимика У. Моргана (кстати, чернокожего исследователя), основная причина, по которой «ни один чернокожий ученый не удостоился Нобелевской премии, проста и носит чисто количественный характер». Даже интеллектуально одаренные чернокожие молодые люди «не стремятся избрать для себя научное поприще», поскольку они «с меньшей вероятностью получают ученые степени и с меньшей вероятностью продвигаются в дальнейшей научной карьере».

Далее с обезоруживающей откровенностью говорилось, что для того, чтобы попасть в круг претендентов на высшую награду по фундаментальным наукам, чернокожий исследователь «должен стать одним из главных исследователей или профессором ведущего научно-исследовательского центра», а для того, чтобы попасть в него, ему необходимо заручиться поддержкой по меньшей мере четырех профессоров из других ведущих американских вузов, которые должны подтвердить, что претендент является «лидером в своей области с международной репутацией». В свою очередь, это требует обширного круга «внутренних и внешних связей». Вот почему чернокожих исследователей в подобных престижных учреждениях встречается мало, что «значи-

тельно снижает для них перспективу роста до звания профессора ведущего научного центра».

Внедрение системы квотирования в фундаментальной науке, в том числе и в физике, мотивируется необходимостью принципиального изменения модели рекрутирования афроамериканских физиков. В основе этой модели и лежит прецедент получения чернокожим физиком Нобелевской премии, которая, по замыслу, должна «вдохновлять большее число чернокожих студентов добиваться звания профессора, что, в свою очередь, и должно побудить большее количество молодых афроамериканцев изучать фундаментальную науку» [Wade].

В этой связи можно отметить, что в последнее время в специализированной научной литературе появились обвинения со стороны афроамериканских физиков в «краже» у них Нобелевских премий. В 2020 г. Нобелевская премия по физике была присуждена британскому астрофизику Р. Пенроузу за доказательство «того, что образование черных дыр является надежным предсказанием общей теории относительности» [The Nobel Prize...]. Свои исследования феномена черных дыр проф. Р. Пенроуз начал в середине 1960-х годов. В начале 1990-х годов в США была защищена докторская диссертация Р. Уильямс, посвященная конкретному механизму формирования черных дыр на основе базовой модели Р. Пенроуза; основные положения диссертации Р. Уильямс были опубликованы в 1995 г. в престижном американском физическом журнале «Физикал Ревью» [Williams Extracting x rays...]. Защита диссертации позволила Р. Уильямс стать первой в США женщиной-астрофизиком афроамериканского происхождения. В 2004 г. она написала обширное открытое письмо американскому физическому сообществу, в котором утверждала, что группа американских физиков с 1999 г. стала приписывать себе результаты ее исследования. В письме она обрисовала сложившуюся вокруг нее ситуацию «тихой» академической травли, суть которой состоит в том, что ее результаты исследований «неэтично используются против нее же некоторыми авторами в корыстных и экономических целях»: «То есть, не ссылаясь на меня как одного из первых исследователей физики черных дыр... они приписали результаты исследований себе, нанеся тем самым существенный удар по моей научной карьере». Р. Уильямс задалась риторическим вопросом: стала ли эта травля следствием того, что она является «афроамериканкой, женщиной или тем и другим одновременно?» [Williams A Word from... p. 3].

Проблема «творческого заимствования» основополагающих идей Р. Уильямс в области энергетики черных дыр вновь возникла после присуждения Нобелевской премии по физике Р. Пенроузу. В публикации Американского общества афроамериканских физиков в феврале 2021 г. достаточно прозрачно говорилось, что своей Нобелевской премией Р. Пенроуз обязан Р. Уильямс [Black History...].

Претендуют ли афроамериканские физики на создание какой-то особой физической школы? На этот вопрос трудно ответить. Например, профессор физики Мэрилендского университета Дж. Гейтс, один из старейших и наиболее видных физиков-теоретиков

афроамериканского происхождения, известный своими работами в области супергравитации, суперсимметрии и суперструн [Gates S.], считает своим кумиром и идеалом А. Эйнштейна — не в последнюю очередь потому, что «в 1950-е годы он был одним из наиболее последовательных борцов против расизма в Соединенных Штатах» [Gates J.]. В период 2009–2013 гг. Дж. Гейтс являлся членом Консультативного совета по науке и технике при президенте США (Б. Обаме). В 2013 г. был избран членом Национальной академии наук США.

Однако если обратиться к научно-биографическому резюме вышеупомянутой Р. Уильямс, в настоящее время работающей доцентом физического факультета Толедского университета, то можно обнаружить следующий весьма интересный тезис: «Я стала заниматься астрофизикой потому, что верю в то, что Бог создал Вселенную, и поэтому хотела с научной точки зрения узнать, как Он сделал это, с тем чтобы рассказать об этом людям» [More About Me...]. Если бы ей это удалось, то она вполне могла бы претендовать на получение Нобелевской премии, например, «за доказательство того, что образование черных дыр является надежным свидетельством существования Бога». Вполне возможно, что в этом случае современная фундаментальная наука предстала бы в совершенно ином свете.

Возрождение духа маккартизма в математике

В отличие от физиков и астрономов, которые в целом благожелательно отнеслись к введению системы квотирования в вузах США, американское математическое сообщество восприняло эту идею далеко не однозначно, более того — в своей значительной и наиболее авторитетной части сочло ее прямой дорогой к необратимой деградации математической науки. Начало «математических разборок» было положено в конце 2019 г. открытым обращением к коллегам вице-президента Американского математического общества А. Томпсон.

Декан математического факультета Калифорнийского университета (отделение Дейвис, г. Сан-Диего), А. Томпсон в 1986 г. защитила докторскую диссертацию по математике в Рутгерском университете, впоследствии работала в ведущих математических центрах Израиля и США, в том числе в Институте фундаментальных исследований в Принстоне. В 2003 г. была награждена престижной премией Р. Саттер, присуждаемой за выдающиеся достижения в математике [Haas et.al.]. В 2002–2017 гг. была директором программы «Космос» в Калифорнийском университете, созданной в 1998 г. в качестве летней школы по привлечению наиболее талантливой молодежи к фундаментальным научным исследованиям, в том числе и в области математики.

В своем письме-обращении А. Томпсон выступила категорически против навязываемого в обязательном порядке руководством ведущих американских университетов «Заявления о разнообразии», которое, по ее заключению, превратилось в основной документ, определяющий решение администрации вузов при приеме на работу молодых преподавателей и исследователей. А. Томпсон приравняла его к тестам на полити-

ческую лояльность, практиковавшимся в американских университетах в эпоху сенатора Дж. Маккарти в первой половине 1950-х годов. А. Томпсон писала, что «политика — это отражение того, как должно быть организовано общество. Классический либерализм стремился относиться к каждому человеку как к уникальной личности, а не как к представителю своего пола или расово-этнической группы. Имеющиеся программы обеспечения разнообразия студентов, по сути, в обязательном порядке требуют получения высоких баллов за создание расово-этнического разнообразия студенческого контингента, при этом кандидат на занятие преподавательской должности должен активно участвовать в продвижении различных социальных групп на основе их идентичности как важнейшего условия их дальнейшего профессионального роста». Однако, подчеркивала автор обращения, «требовать от кандидатов веры в то, что к людям нужно относиться на основе их социальной идентичности, действительно является разнообразием политического теста» [A Word From... p. 1778].

Математика, констатировала А. Томпсон, не застрахована «от политического давления». Она «должна быть открытой и гостеприимной для всех тех, кого традиционно исключали из сферы математических исследований, и для тех, кто придерживается непопулярных точек зрения. Однако использование политически ангажированной лакмусовой бумажки — не должен быть дорогой к успеху в математической науке или в университете ни в 1950 г., ни в наше время» [A Word From... p. 1779].

Необходимо указать, что наступление новой «эры маккартизма» в американской науке, диагностированной А. Томпсон, не ограничивалось «механическим» насаждением политики формирования преподавательского состава и студенческих контингентов американских вузов. В 2019–2021 гг. в системе высшего образования США наблюдались сотни случаев изгнания из университетов ученых и исследователей по сугубо политическим и культурно-идеологическим мотивам. При этом «охота на ведьм» распространилась и на представителей фундаментальных наук. Так, в конце 2019 г. из университета Северного Техаса (г. Дентон) был уволен молодой преподаватель математики Н. Хаерс. Увидев в холле факультета стопку листовок левого содержания, где говорилось, что утверждения, что «Америка является страной неограниченных возможностей» или «Каждый человек с высоким уровнем квалификации должен иметь работу», представляют собой форму «микроагрессий», способных отрицательно влиять на психологический настрой студентов из этнических меньшинств. Н. Хаерс предложил студентам «не разбрасывать мусор» по помещениям. После чего был уволен за «насаждение духа меритократии» и препятствование проведению политики расово-этнического разнообразия в университете [Leef].

Письмо-обращение А. Томпсон вызвало форменную бурю. В последовавшей дискуссии приняли участие 1400 математиков — практически все, кого затрагивала эта тема. Были составлены и опубликованы три ответных письма, которые подписали разделившиеся на три группы ученые. (Помимо этого, некоторые изложили индивидуальные точки зрения.)

В первом письме, поименованном «письмо А» и подписанном 621 математиком, сохранилась критика журнала «Заметки Американского математического общества», который решил начать дискуссию о достоинствах и недостатках «системы разнообразия» в американских вузах. При этом указывалось, что многие из подписавших «письмо А» достаточно активно реализуют в своей преподавательской и исследовательской деятельности идеи разнообразия.

Во втором письме, названном «письмо Б» (его подписали 680 математиков), выражалась солидарность с позицией А. Томпсон, и вместе с тем говорилось о необходимости начать широкую дискуссию в математическом сообществе вокруг создания в американских университетах системы разнообразия.

Наконец, в «письме В», которое подписали 210 математиков, была заявлена полная поддержка позиции А. Томпсон и прямо говорилось, что система обеспечения разнообразия в американских университетах отодвигает на второй план собственно математические знания и профессиональную подготовку претендентов на занятие преподавательских и исследовательских должностей на математических факультетах американских университетов.

«Письмо А» подписали в основном математики-женщины (50,1%) и представители расово-этнических меньшинств, причем только 3,1% университетов, в которых они работают, могут быть отнесены к ведущим. «Письмо Б» подписали преимущественно белые мужчины, которые представляют всего 6,3% ведущих американских университетов, но имеют в своих вузах более или менее прочные профессиональные позиции, в том числе «пожизненные контракты». Среди подписавших это письмо женщины составляют всего 13,7%. «Письмо В» подписали преимущественно белые мужчины, имеющие в основном «пожизненные контракты» и работающие на математических факультетах ведущих американских университетов (Принстонский, Гарвардский, Чикагский, Йельский, Стэнфордский, Пенсильванский, Дьюкский, Массачусетский технологический институт). Доля женщин, подписавших третье письмо, составила порядка 20% [Toraz Ch. et.al., p. 13; Letters to the Editor... p. 23].

Американское сообщество математиков разделилось на два лагеря. Первый достаточно последовательно выступает за увеличение расово-этнического и гендерного разнообразия на математических факультетах вузов, видя в этой тенденции важнейший фактор усиления своих собственных полномочий в системе принятия решений, определяющих развитие организационных форм и кадровый состав факультетов. Второй отдает приоритет прежде всего профессионализму и способностям к прогрессу в математических знаниях, стремясь при этом отсеять случайных и относительно бесперспективных с научной точки зрения исследователей и преподавателей.

При этом более молодые математики из университетов, которые не относятся к категории ведущих вузов, склонны рассматривать пожилых и имеющих научный авторитет коллег, особенно из ведущих университетов, как своего рода «ареопаг старейшин»,

монополизировавший всю полноту принятия решений о дальнейших путях развития математического сообщества США. Пожилые и умудренные жизненным опытом математики, со своей стороны, выдвигают практически единственный критерий успешной научной карьеры молодого поколения исследователей и преподавателей: способности к математике как к фундаментальной науке.

Интересно в этой связи привести аргументацию сторонников и противников увеличения расово-этнического и гендерного разнообразия в американском математическом сообществе. Так, проф. С. Житомирская из Калифорнийского университета, расположенного в городке Ирвайне, считает, что факультетская жизнь не ограничивается научными занятиями — атмосфера, царящая в коллективе, имеет не менее важное значение. Поэтому в вузе должны работать «люди, которые не влияют негативно на социальные отношения, чутко относятся к студентам и коллегам и не демонстрируют неуважительного, равнодушного или обескураживающего к ним отношения». По ее мнению, формирование коллектива исследователей предполагает не только знания и профессиональную подготовку, но создание атмосферы социальной солидарности. Вместе с тем она признает, что «вряд ли была бы принята в преподавательский состав математического факультета в 1993 г., если бы к тому времени не существовало системы квотирования», хотя она имела определенные научные достижения [Letters to the Editor... p. 22].

Американские аналитики не преминули отметить, что большая часть математиков, подписавших «письмо В», являются выходцами из бывшего СССР, которые с течением времени стали работать в ведущих американских университетах и образовали важную часть «властной математической элиты», опираясь при этом на привнесенные в США «меритократические» начала советской математической школы [Pachter].

Расово-этническое многообразие с математической точки зрения

Открытое письмо А. Томпсон не было спонтанной реакцией одного из признанных авторитетов американского математического сообщества, своего рода «криком души» декана математического факультета ведущего университета США. Использование хлесткой и многозначнейшей политической терминологии («призрак репрессий и гонений бродит по американским университетам — призрак сенатора Дж. Маккарти!») стало следствием, как это ни парадоксально звучит, использования математических аргументов и выкладок в качестве «хитроумного» обоснования расово-этнического разнообразия как одного из магистральных направлений дальнейшего развития математической науки в США и повышения её уровня.

В 2004 г. в США большой резонанс получила математическая модель двух ученых — Л. Хонга (Мичиганский университет) и С. Пейджа (университет Лайолы), — в которой доказывалось, что группа случайно подобранных аналитиков, не принадлежащих к «лучшим умам», в состоянии более эффективно решать поставленные задачи по сравнению с признанными авторитетами в данной области. Иными словами, «коллектив-

ный разум», сформированный «средними умами», в состоянии лучше и/или быстрее справиться с проблемами, нежели гениальные умы, представляемые отдельными выдающимися учеными.

Результат выкладок свелся к тому, что «группа случайно подобранных интеллектуалов продемонстрирует более высокие результаты при решении возникающих проблем по сравнению с группой выдающихся интеллектуалов — признанных специалистов в данной области». На этом основании был сделан общий вывод о необходимости «всячески способствовать развитию функционального разнообразия, принимая во внимание все его преимущества и сильные стороны» [Hong, Page, p. 16389].

Этот подход нашел немало сторонников в США [Zollman, Grimm]. В 2007 г. С. Пейдж выпустил целое монографическое исследование, озаглавленное им «Различие» [Page].

Именно против центральной теоремы математической модели С. Пейджа и выступила еще в 2014 г. А. Томпсон. Элегантно переформулировав проблему «средних» и «лучших умов» на группы, сформированные по критерию «разнообразия» и образованные по критерию «способности», она достаточно убедительно показала, что «теорема» С. Пейджа представляет собой не что иное, как облеченную в математико-символическую форму исходную гипотезу. По ее мнению, математическая теорема С. Пейджа «не имеет математического содержания и не применима к реальным проблемам; в ее основе лежит хорошо известное свойство искусственных компьютерных моделей, согласно которым случайные алгоритмы зачастую бывают эффективными. В работе С. Пейджа не содержится никакой информации, которая позволила бы применить теорему к проблемам реального мира или к реальным группам людей» [Thompson, p. 1029]. Используя профессиональную терминологию, А. Томпсон заключила, что С. Пейдж допустил достаточно широко распространенную ошибку, спутав корреляционные связи с причинно-следственными.

Между тем, отмечала А. Томпсон, «математические доказательства» достоинств расово-этнического разнообразия оказались востребованными администрацией Б. Обама; к идеям, высказанным в работах С. Пейджа, благосклонно отнеслись в Национальном управлении по авионавигации и исследованию космического пространства (НАСА), Геологической службе США, Национальной лаборатории им. Лоуренса в Беркли (шт. Калифорния), подчиненной Министерству энергетики США [‘The Difference’...].

Во второй половине второго десятилетия XXI в. многие ведущие американские университеты официально приняли и стали активно внедрять программы формирования равенства, разнообразия и сопричастности своих студенческих контингентов, распространяемые практически на все факультеты. В их числе Калифорнийский университет [University of California], Колумбийский университет [Columbia University], ведущие университеты шт. Орегон [Oregon Association...], Рутгерский университет [Rutgers...], Колорадский университет (г. Денвер) [University of Colorado], университет штата Юта [The University of Utah] и многие другие американские вузы. Совершенно очевидно, что по-

литика формирования преподавательского состава и студенческого контингента на основе принципов расово-этнического и гендерного разнообразия носит долгосрочный характер и будет иметь огромные последствия для американской фундаментальной науки, сопоставимые по своей значимости с последствиями иммиграции в США европейских ученых и их вкладом в американские высшее образование и научные исследования после Второй мировой войны.

Литература

- Травкина Н., Васильев В. Деамериканизация США: истоки и последствия // «Перспективы». 19.07.2021. — URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/deamerikanizacija_ssha_istoki_i_posledstviya_2021-07-19.htm (дата обращения: 11.10.2021).
- Black History Month 2021. February 26, 2021 - Dr. Reva K. Williams // NSBP. — URL: nsbp.org/blogpost/1914810/Black-History-Month-2021 (date of access: 11.10.2021).
- Bridges B. African Americans and College Education by the Numbers // UNCF. — URL: uncf.org/the-latest/african-americans-and-college-education-by-the-numbers (date of access: 11.10.2021).
- Bush V. Science — The Endless Frontier. A Report to the President by Vannevar Bush, Director of the Office of Scientific Research and Development, July 1945. Wash.1945.
- Columbia University. Equal Opportunity and Affirmative Action. — URL: eoaa.columbia.edu/content/eoaa-search-committee-resources (date of access: 11.10.2021).
- 'The Difference' Author Scott Page Gives Talk on Diversity and Productivity // Berkeley Lab. 24.05.2011. — URL: today.lbl.gov/2011/05/24/ (date of access: 11.10.2021).
- Feder T. Goal: Double the number of African Americans in physics and astronomy // Physics Today. 01.02.2020. pp. 20–23.
- Ganguli I., Kahn Sh., MacGarvie M. (editors). The Roles of Immigrants and Foreign Students in US Science, Innovation, and Entrepreneurship. Chicago. 2020. pp. 49–69.
- Gates J. Jim Gates theorizes on equality, skepticism in science // Brown University. Department of Physics. 05.10.2017. — URL: brown.edu/academics/physics/news/2017/10/jim-gates-theorizes-equality-skepticism-science (date of access: 11.10.2021).
- Gates S.J. Can Pions “Smell” 4D, N = 1 Supersymmetry? in the Proceedings of the 2nd International Conference on Quantum Field Theory and Gravity. Tomsk, Russia, (28 July - 2 Aug 1997). pp. 79–92.
- Grimm P. Threshold Phenomena in Epistemic Networks // Complex Adaptive Systems and the Threshold Effect: Views from the Natural and Social Sciences: Papers from the AAAI Fall Symposium. (FS-09-03). PP. 53–60.
- Haas J., Thompson A., Hurston W. Stabilization of Heegaard splittings // Geometry & Topology. 2009. Vol. 13. № 4. Pp. 2029–2050.
- Hong L., Page S. Groups of diverse problem solvers can outperform groups of high-ability problem solvers // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 16.11.2004. P. 16385–16389.
- Jones Ch. R & D Based Models of Economic Growth // The Journal of Political Economy. Aug. 1995.
- Joseph Priestley: Inspired Forager // The Mystery of Matter. Search for the Elements”. — URL: mysteryofmatter.net/Priestley.html (date of access: 11.10.2021).
- Leaf G. Math Professor Mocks A Leftist Belief and Gets Fired // James M. Center for Academic

- Renewal. 01.05.2020. — URL: jamesmartin.center/2020/05/math-professor-mocks-a-leftist-belief-and-gets-fired/ (date of access: 11.10.2021).
- Letters to the Editor. Responses to "A Word from... Abigail Thompson". Notices of the American Mathematical Society. — URL: ams.org/journals/notices/202001/rnoti-o1.pdf (date of access: 11.10.2021).
- Loomas R.* The Man who Invented the Twentieth Century. Nikola Tesla, Forgotten Genius of Electricity. N.Y. 2013.
- More About Me. Dr Rweva Kay Williams. PhD Theoretical Astrophysicist. — URL: revakaywilliams.com (date of access: 11.10.2021).
- Morgan W.* In over 100 years, no black scientist has won a Nobel prize; here's why // Business Insider. 09.10.2018. — URL: business-standard.com/article/international/in-over-100-years-no-black-scientist-has-won-a-nobel-prize-here-s-why-118100900137_1.html (date of access: 11.10.2021).
- Moser P., Voena A., Waldinger F.* German Jewish Émigrés and US Invention // American Economic Review. October 2014. Pp. 3222–3255.
- National Foundation for American Policy. Anderson S. The Increasing Importance of Immigrants to Science and Engineering in America // NFAP Policy Brief. June 2014.
- National Science Board. Science & Engineering Indicators. 2020. Foreign-born Students and Workers in the U.S. Science & Engineering Enterprise. — URL: nsf.gov › nsb › sei › Foreign-Born... (date of access: 11.10.2021).
- National Society of Black Physicists. Constitution. — URL: nsbp.org/page/constitution (date of access: 11.10.2021).
- The Nobel Prize in Physics 2020. Roger Penrose. Facts // The Nobel Prize. — URL: nobelprize.org/prizes/physics/2020/penrose/facts/ (date of access: 11.10.2021).
- Oregon Association of Scholars. The Imposition of Diversity Statements on Faculty Hiring and Promotion at Oregon Universities. 17 March 2017. — URL: oregonscholars.org/wp-content/uploads/2017/01/DiversityStatements_Rev16Mar17.pdf (date of access: 11.10.2021).
- Pachter L.* Diversity Matters. The Russians. STEM Caveman. 23.01.2020. // Bits of DNA. 17.01.2020. — URL: liorpachter.wordpress.com/2020/01/17/diversity-matters/ (date of access: 11.10.2021).
- Page S.* The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools, and Societies. Princeton. 2007.
- R&D and Productivity Growth. CBO. Background Paper. June 2005. — URL: cbo.gov/sites/default/files/109th-congress-2005–2006/reports/06–17-r-d.pdf (date of access: 11.10.2021).
- Race and Ethnicity in the United States: 2010 Census and 2020 Census. US Census Bureau. 12.08.2021. — URL: census.gov/library/visualizations/interactive/race-and-ethnicity-in-the-united-state-2010-and-2020-census.html (date of access: 11.10.2021).
- Race and Ethnicity in the United States: 2010 Census and 2020 Census. US Census Bureau. 12.08.2021. — URL: census.gov/library/visualizations/interactive/race-and-ethnicity-in-the-united-state-2010-and-2020-census.html (date of access: 11.10.2021).
- Rutgers. Strategies and Tactics for Recruiting to Improve Diversity and Excellence. Faculty Recruitment Workshop Resource. Diversity Statement Evaluation Rubric. — URL: nbdiversity.rutgers.edu/STRIDE (date of access: 11.10.2021).
- Stillman B.* Why Has America Been Such a Magnet for Immigrant Scientists? // Scientific American. 03.10.2018. — URL: blogs.scientificamerican.com/voices/why-has-america-been-such-a-magnet-for-immigrant-scientists/ (date of access: 11.10.2021).

- Systemic Changes to Increase African Americans with Bachelor's Degrees in Physics and Astronomy. AIP. The Time is Now. College Park. 2020. — URL: aip.org/sites/default/files/aipcorp/files/teamup-full-report.pdf (date of access: 11.10.2021).
- Thompson A.* Does Diversity Trump Ability? An Example of the Misuse of Mathematics in the Social Sciences // Notices of the American Mathematical Society. October 2014. Pp. 1024–1030.
- Topaz Ch. et.al.* Comparing demographics of signatories to public letters on diversity in the mathematical sciences. NCBI // PLoS ONE. 28.04.2020. Pp. 1–16. — URL: doi.org/10.1371/journal.pone.0232075. (date of access: 11.10.2021).
- Trends in Physics PhDs. AIP. Focus on. February 2021. 1–15 pp. — URL: aip.org/statistics/reports/trends-physics-phds-171819 (date of access: 11.10.2021).
- University of California. Berkeley. Rubric for Assessing Candidate Contributions to Diversity, Equity, Inclusion, and Belonging. — URL: ofew.berkeley.edu/recruitment/contributions-diversity/rubric-assessing-candidate-contributions-diversity-equity (date of access: 11.10.2021).
- University of Colorado. Denver. Rubric to Assess Candidate Contributions to Diversity, Equity and Inclusion. — URL: ucdenver.edu/docs/librariesprovider102/default-document-library/cu---diversity-equity-inclusion-rubric.pdf?sfvrsn=ca2058b9_2 (date of access: 11.10.2021).
- The University of Utah. Diversity (DV) Criteria. — URL: ugs.utah.edu/general-education/requirements/dv.php (date of access: 11.10.2021).
- Wade G.* Why are there no black Nobel laureates in science? The Nobels reflect racism in American science education // Popular Science. 25.10.2019. — URL: popsci.com/racial-inequality-nobel-prize/ (date of access: 11.10.2021).
- Williams R.K.* A Word from a Black Female Relativistic Astrophysicist: Setting the Record Straight on Black Holes. // arXiv. 06.04.2004. — URL: arxiv.org/abs/physics/0404029 (date of access: 11.10.2021).
- Williams R.K.* Extracting x rays, γ rays, and relativistic e^-e^+ pairs from supermassive Kerr black holes using the Penrose mechanism // Physical Review D. 15.05.1995.
- The White Population: 2000. Percent of Population for One or More Races. Issued September 2001. US Census Bureau. — URL: census.gov/prod/2001pubs/mso01-wp.pdf (date of access: 11.10.2021).
- Zollman K.* Network Epistemology: Communication in Epistemic Communities // Philosophy Compass. January 2013. Pp. 1.
- A Word From Abigail Thompson, a Vice President of the AMS // Notices of the American Mathematical Society. Vol. 66. № 11. December 2019, p. 1778–1779.

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

УДК 327; 338

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-100-114

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Испания и Португалия в силовом поле глобализации и регионализации

Аннотация. Автор прослеживает с позиций сегодняшнего дня траекторию воздействия глобальных и региональных (европейских) процессов на общественное развитие двух иберийских стран — Испании и Португалии. В начале третьего десятилетия XXI столетия эти государства сталкиваются с многочисленными внутренними и внешними вызовами, напряженно ищут способы преодоления тяжелых социально-экономических последствий коронакризиса, стоят на пороге очередных перемен стратегического масштаба. На их примере отчетливо проявляются как общемировые, так и региональные тренды, которые в обозримом будущем будут формировать траекторию глобального развития.

Ключевые слова: иберийские страны, глобализация, регионализация, Европейский союз, кризис 2008–2009 гг., пандемия коронавируса, коронакризис, посткризисная модель роста.

Освобождение от диктаторских режимов двух исторически связанных друг с другом иберийских государств — Испании и Португалии — произошло практически одновременно (в 1974 и 1975 г.). По времени это совпало с развертыванием процесса глобализации — формированием глобальных рынков товаров, услуг (включая туристические), инвестиций, кредитов, резким увеличением миграционных потоков и т. д. Период 1970–1980-х годов был отмечен также интенсивным развитием европейской региональной интеграции, участниками которой оба государства стали с 1 января 1986 года [Fernández Navarrete].

Таким образом, внутренние политические и социально-экономические преобразования в Испании и Португалии, связанные с «открытием» национальных экономик, либерализацией финансовых и торговых режимов, строительством многопартийных политических систем, осуществлялись в контексте происходивших глобальных и региональных трансформационных процессов. Общественное развитие вставших на путь глубоких внутренних изменений иберийских стран все теснее сопрягалось с мировыми и европейскими трендами, все сильнее зависело от динамики и направленности глобализации и регионализации.

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — главный научный сотрудник Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, petrp.yakovlev@yandex.ru.

Новый облик иберийских стран

Современная реальность Испании и Португалии множеством экономических и социально-политических нитей связана с глобальным миром и, особенно тесно, с европейским регионом. Это оказывало и будет оказывать существенное влияние на общественное развитие двух стран.

В последние десятилетия иберийские страны прошли через этап диверсификации своих международных отношений, беспрецедентно расширили пространство внешнеполитических и внешнеэкономических связей, пережили времена значимого общественного подъема и сильных финансово-экономических и социально-политических потрясений. Они не раз оказывались в тисках кризисов, вплотную столкнулись с жестким императивом проведения структурных и институциональных реформ. Испания и Португалия вошли в число стран, максимально пострадавших от пандемии COVID-19 [Яковлев Испания в «красной зоне»... Он же Формула роста...].

Происшедшие в середине 1970-х годов коренные политические трансформации решительно изменили место и роль Мадрида и Лиссабона в системе международных отношений. В апреле 1974 г. «Революция гвоздик» покончила с диктаторским режимом в Португалии и ознаменовала начало мощной волны демократизации, захватившей десятки стран в Европе и Латинской Америке. Встав на путь демократического развития, Португальская Республика в исторически короткие сроки из отсталой европейской окраины и одряхлевшей колониальной империи превратилась в современное государство с консолидированными политическими институтами и эффективно функционирующими высокоразвитыми отраслями экономики [Яковлева Португалия... с. 80–83].

Собственный вариант общественных преобразований выбрала в 1975 г., после смерти диктатора Ф. Франко, Испания. Там они приобрели контуры тройного трансформационного перехода: строительство демократической политической структуры, формирование либеральной хозяйственной системы, включение в глобальную экономику на основе открытой макроэкономической модели. Как отмечалось в коллективной монографии российских ученых-испанистов, «долго сдерживавшийся потенциал перемен стал реализовываться с калейдоскопической быстротой» [Испания: траектория... с. 13]. Благодаря этому Испания уже к началу XXI в. стала примером в целом успешно проведенной комплексной национальной модернизации.

Вплоть до мирового кризиса 2008–2009 гг. иберийские экономики демонстрировали устойчивый рост, сопровождавшийся повышением жизненного уровня основной массы населения. Особенно впечатляющих результатов добилась Испания, которая в 2000–2007 гг. по темпам прироста ВВП опережала подавляющее большинство развитых государств. Как образно писал лондонский еженедельник Economist, «Больше десятилетия попутный ветер наполнял паруса испанского экономического галеона» [Plain...].

Для Испании и Португалии становым хребтом хозяйственного роста стали торгово-экономические отношения с партнерами по Европейскому союзу (эффект регионализации). Причем для Португалии критическую важность приобрели деловые связи с Испанией. Если в условиях диктатур сотрудничество между двумя соседними государствами почти отсутствовало, то в демократический период в русле интенсивного процесса регионализации оно начало развиваться ускоренными темпами и приобрело крупные масштабы. Испания превратилась в главного внешнеторгового партнера Португалии, на ее долю в первом десятилетии XXI в. приходилось 27–31% португальского товарного импорта и от 19 до 28% — экспорта, что существенно превышало показатели товарооборота Лиссабона с другими крупнейшими европейскими державами (см. табл. 1).

Таблица 1

Внешняя торговля Португалии (товары, млн евро)

Партнер	Экспорт				Импорт			
	2001		2010		2001		2010	
	Объем	%	Объем	%	Объем	%	Объем	%
Всего	26918	100,0	34762	100,0	44094	100,0	57054	100,0
Евросоюз	21489	79,8	25573	100,0	33119	75,1	43205	75,7
Испания	5200	19,3	9761	28,1	12074	27,4	17808	31,2
Германия	5112	19,0	4785	13,8	6074	13,8	7913	13,9
Франция	3423	12,7	4338	12,5	4503	10,2	4138	7,3
Италия	1195	4,4	1394	4,0	3018	6,8	3245	5,7
ПАЛОП	746	2,8	2415	6,9	182	0,4	601	1,1

Источник: Mateus A. Economia Portuguesa. Evolução no contexto internacional (1910–2013). Parede: Princípa. P. 310–311.

Данные таблицы 1 указывают и на эффект глобализации, что отчетливо просматривается на примере торговли Португалии с ПАЛОП — шестью португалоязычными африканскими государствами (Анголой, Кабо-Верде, Гвинеей-Бисау, Мозамбиком, Сан-Томе и Принсипи, Экваториальной Гвинеей). Если в 2001 г. объем португальского экспорта в эти страны составил скромную сумму в 746 млн евро, то в 2010 г. он вырос в 3,2 раза и превысил 2,4 млрд евро.

Знаковые подвижки произошли и в отношениях обеих иберийских стран с Российской Федерацией. Можно констатировать, что Россия и государства Пиренейского полуострова по ряду политико-дипломатических, торгово-экономических и научно-технических вопросов «нашли общий язык», расширили диапазон взаимодействия в самых разных форматах. Позитивный опыт этого сближения, несмотря на все сложности, проблемы и препятствия, можно характеризовать как «большую игру», в которой результат зависит не только от уже сделанных ходов, но и от тех, которые партнерам еще предстоит сделать в настоящем и будущем [Яковлев Испания: образ...].

Казалось, Испания и Португалия вступили в третье тысячелетие с солидным хозяйственным и социальным багажом, уверенно «оседлали» экономический подъем, де-

монстрировали завидную политическую стабильность. Таким было распространенное мнение международного экспертного сообщества, которое подогревалось оптимизмом в коридорах власти Мадрида и Лиссабона. Однако внутренне противоречивые события первых десятилетий текущего столетия вызвали болезненный перелом трендов общественного развития [Иберийские страны...].

Почему так произошло? На наш взгляд, причина не только в трудностях на национальных, страновых уровнях, но и в неоднозначном воздействии на Испанию и Португалию процессов глобализации и регионализации.

С одной стороны, иберийские государства использовали волну характерного для периода 1980–1990-х годов ускоренного глобального и регионального (европейского) промышленного роста и резкого увеличения объемов международной торговли товарами и услугами, сумели привлечь беспрецедентно крупные иностранные капиталовложения и кредиты, что явилось импульсом социально-экономического развития, способствовало повышению жизненного уровня большинства населения и консолидации демократических институтов. На этом фоне сложился привлекательный международный имидж иберийских стран, особенно Испании, куда буквально хлынули эмигранты из Восточной Европы, Северной Африки, Латинской Америки и некоторых государств Азии [Яковлев Глобальные... с. 23–24].

Однако глубокая встроенность стран Пиренейского полуострова в процессы неолиберальной глобализации и регионализации принесла и определенные издержки, усугубила риски воздействия внешних негативных эффектов. Иберийские экономики стали крайне восприимчивыми к перепадам международной финансово-экономической и торговой конъюнктуры. В частности, системно значимым для Испании и Португалии стал переход в 2002 г. на евро, заменивший испанскую песету и португальский эскудо. Это решение Мадрида и Лиссабона, принятое в русле выраженной регионализации их экономических курсов, имело как позитивные, так и негативные последствия. В числе первых — создание более устойчивых финансовых рынков, снижение транзакционных издержек, сокращение инфляционных рисков. В ряду вторых — невозможность в кризисные периоды прибегать к распространенному механизму девальвации национальной валюты в целях повышения конкурентоспособности своих товаров. Данное обстоятельство явилось одной из причин хронических дефицитов во внешней торговле товарами иберийских стран [Испания и Португалия... с. 17–45].

Вовлечение испанской и португальской экономик в силовое поле интернационализации делало их максимально уязвимыми к внешним шокам, что особенно проявилось в условиях мирового финансового кризиса.

Кризис 2008–2009 гг. и посткризисное десятилетие

Иберийские страны оказались в числе европейских государств, максимально пострадавших от последствий мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Они вошли в так называемую группу «больных людей еврозоны», или PIIGS (Португалия, Ирландия, Италия, Греция и Испания), для них наступили времена болезненных социально-политических испытаний и трудных государственных решений [Ganti].

Исследования, проведенные автором этих строк, показали, что базовой причиной тех проблем, с которыми столкнулись испанские и португальские власти, был крупный стратегический просчет, совершенный ими в предкризисный период. Встав на рельсы глобализации и регионализации, вступив в Объединенную Европу и зону евро, Мадрид и Лиссабон не сделали решительного макроэкономического поворота в сторону приоритетного развития высокотехнологичных секторов хозяйства. Структура производства в этих странах не приобрела четко выраженного инновационного характера. Испанские и португальские власти «не заметили» надвигавшихся перемен, а потому в основе экономической модели иберийских стран продолжали лежать три отрасли: строительство и торговля недвижимостью; промышленное производство среднего технологического уровня; принимающий туризм и в целом индустрия гостеприимства. Именно эти сектора (наряду с банковской системой) явились главными жертвами мировой турбулентности, что и обусловило исключительную глубину кризиса в Испании и Португалии [Яковлев Испания: посткризисная...].

Под напором глобального кризисного цунами иберийские страны перешли на пониженную траекторию развития, что проявилось в более акцентированном, чем в среднем в зоне евро, ухудшении макроэкономических показателей, обернулось резким (для Испании — катастрофическим) увеличением безработицы и ростом социальной напряженности (табл. 2).

Таблица 2

Динамика безработицы (%)

Страна	2007	2008	2009	2010	2011
Зона евро	7,6	7,6	9,6	10,1	10,1
Испания	8,3	11,3	18,0	20,1	22,8
Португалия	8,9	8,5	10,6	12,0	12,7

Источники: INE de España. Boletín Mensual de Estadística. Mayo de 2012; Banco de Portugal. Boletim Estatístico. 5/2012.

Обе иберийские страны были вынуждены прибегнуть к внешней финансовой помощи для преодоления возникших проблем. Мадрид в 2012 г. с большим трудом добился от Евросоюза открытия кредитной линии на сумму до 100 млрд евро для рекапитализации проблемных испанских банков [De Guindos, p. 103–118], а Лиссабон на период 2011–2014 гг. получил 78 млрд евро в виде займов на восстановление экономики от так называемой «Тройки» — Европейской комиссии, Международного валютного фонда и Европейского центрального банка [European Commission. Programme...].

В посткризисное десятилетие перед иберийскими странами в полный рост встали проблемы, решению которых не уделялось должного внимания. В том числе: расши-

ренное воспроизводство высококвалифицированных кадров и в целом человеческого капитала; наращивание объема производимых в стране инновационных товаров и услуг; сокращение отставания от мировых лидеров в развитии фундаментальной и прикладной науки.

Нельзя сказать, что в этих областях ничего не было сделано. В течение второго десятилетия XXI в. экономические системы Испании и Португалии претерпели определенные изменения, которые, впрочем, не носили радикального институционального и структурного характера. Речь скорее шла о корректировках конъюнктурного плана. Они главным образом свелись к дальнейшей интернационализации местного бизнеса и более широкому включению испанских и португальских предприятий в глобальные цепочки добавленной стоимости. В данном направлении преимущественно и эволюционировали экономические системы иберийских стран вплоть до начала коронакризиса [Sebastián, p. 19–24].

Давая взвешенную оценку этому процессу, следует подчеркнуть, что международная производственная деятельность иберийских корпораций стала ключевым фактором позиционирования Испании (в первую очередь) и Португалии в европейской и глобальной экономике. По сути, со временем экспансия на зарубежных рынках привела к созданию своего рода второй, трансграничной иберийской экономики (назовем ее «экономика второго трека»), участие в которой для многих испанских компаний приобрело не просто приоритетное, но жизненно важное значение [Myro]. Например, крупнейшая строительная корпорация Испании — группа ACS регулярно получает свыше 85% суммарных доходов от реализации инфраструктурных проектов за рубежом. Похожие показатели характерны и для других транснациональных предприятий, входящих в список 100 мировых компаний-лидеров строительной отрасли по объему продаж: Acciona, Ferrovial, Sacyr, Grupo FCC, San José, OHLA [ACS...].

К концу 2010-х годов функционирование этой «второй иберийской экономики» охватило десятки государств на всех континентах. В качестве примера приведем международную деятельность высокотехнологичной инжиниринговой и электроэнергетической группы Iberdrola — глобального лидера ветряной энергетики с бизнес-интересами более чем в 40 странах Европы, Америки, Африки, Азии, Океании и Ближнего Востока. Учитывая факт смещения центра мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), менеджмент Iberdrola в последние годы делает явный акцент на экспансии на рынках Китая, Японии, Тайваня, Республики Корея, Австралии. Уже в разгар пандемии коронавируса Iberdrola «высадилась» во Вьетнаме, где приобрела крупные активы филиала немецкой компании Sowitex и планирует строительство объектов возобновляемой энергетики [Esteller].

Размах международной экспансии португальских компаний существенно меньше, но и они в 2010-х годах заметно расширили географию трансграничных сделок, вышли на новые для себя зарубежные рынки. Одним из приоритетных стал сравнительно емкий мексиканский рынок, где в 2015–2016 гг. обосновались филиалы порядка 100

португальских предприятий, в основном занятых в передовых промышленных отраслях: огромной автомобильной индустрии Мексики и быстрорастущем аэрокосмическом секторе [Neves].

Разумеется, мощная интернационализация испанского и (в меньшей степени) португальского бизнеса в определенной степени компенсировали традиционные структурные слабости иберийских экономик и кризисные провалы внутренних рынков. Но зарубежной активности корпораций Испании и Португалии было далеко не достаточно, чтобы обеспечить системное инновационное перевооружение и в технологическом отношении «подтянуть» эти страны до уровня мировых экономических лидеров. Это в полной мере дало о себе знать в период пандемии коронавируса COVID-19.

Накануне и в период пандемии

Можно сказать, что максимально глубокое включение иберийских стран в процессы глобализации и регионализации стало одним из главных макроэкономических итогов социально-экономического развития Испании и Португалии в период первых двух десятилетий XXI в. (табл. 3).

Таблица 3

Испания и Португалия в глобальной экономике

Показатель	Испания		Португалия	
	2001	2019	2001	2019
Объем ВВП (млрд долл.)	628	1420	122	239
Товарный экспорт (млрд долл.)	116	337	24	67
Доля товарного экспорта в ВВП (%)	18	24	20	28
Товарный импорт (млрд долл.)	155	375	40	90
Доля товарного импорта в ВВП (%)	25	26	33	38
Экспорт услуг (млрд долл.)	92 (2005)	158	15 (2005)	39
Доля экспорта услуг в ВВП (%)	8 (2005)	11	8 (2005)	16
Импорт услуг (млрд долл.)	61 (2005)	86	10 (2005)	20
Доля импорта услуг в ВВП (%)	5 (2005)	6	5 (2005)	8
Число иностранных туристов (млн чел.)	49	84	5	25
Число иммигрантов (тыс. чел.)	1371	5037	406	850
Иммигранты в % к населению	3	11	4	9

Показатель	Испания		Португалия	
	2001	2019	2001	2019
Сток ПИИ (млрд долл.)	156	752	34	162
ПИИ в % к ВВП	25	53	28	68
Сток ПЗИ (млрд долл.)	129	607	19	58
ПЗИ в % к ВВП	21	43	16	24
Расходы госбюджета (% ВВП)	38	42	44	43
Государственный долг (млрд долл.)	339	1363	66	280
Государственный долг в % к ВВП	53	96	54	117

Источник: составлено автором по данным международной и национальной статистики.

Данные таблицы 3 подтверждают мощное воздействие международных факторов на магистральные тенденции развития Испании и Португалии. В исторически короткий период (2001–2019 гг.) экономическое положение обеих стран претерпело существенные изменения, происходившие в силовом поле глобальных и региональных трансформаций.

Начать с того, что опережающими темпами возрастала внешняя торговля товарами и услугами. В указанный период у Испании она в стоимостном отношении увеличилась в 2,6 раза (с 374 до 956 млрд долл.) и в 2019 г. составила 67% ВВП. Еще более показательная ситуация сложилась в Португалии: объем торговли вырос несколько меньше — в 2,4 раза (с 89 до 216 млрд долл.), но его доля в ВВП достигла 90%. По сути, португальская экономика стала почти полностью зависеть от положения дел на мировых рынках [Reis].

Приведем пример. В структуре международной торговли услугами иберийских стран доминирующее место занял принимающий туризм, превратившийся в один из локомотивов роста испанской и португальской экономик. Но если для Испании туристические услуги можно считать традиционной отраслью, то Португалия во многом впервые осваивала этот бизнес и добилась впечатляющих результатов. Достаточно заметить, что в 2001–2019 гг. количество иностранных туристов в Португалии выросло в 5 раз (с 5 до 25 млн человек) и примерно в 2,5 раза превысило население страны.

Активно включились иберийские государства в трансграничные движения предпринимательского капитала. Причем как в роли реципиентов прямых иностранных инвестиций (ПИИ), так и в качестве все более заметного источника прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ). У Испании накопленный объем (сток) ПИИ возрос более чем в 4,8 раза, а сток ПЗИ — в 4,7 раза, составив, соответственно, 53 и 43% ВВП. У Португалии, естественно, абсолютные цифры более скромные, но тенденция та же: сток ПИИ увеличился в 4,8 раза, а сток ПЗИ — в 3 раза (68 и 24% ВВП).

Разумеется, огромные масштабы вывоза капиталов из Испании объяснялись чрезвычайно интенсивной зарубежной деятельностью транснациональных корпораций (ТНК) этой страны. Можно зафиксировать, что Испания благодаря своим ТНК стала не только объектом, но и субъектом процессов глобализации и регионализации, активным участником формирующейся мировой экосистемы международного бизнеса [Современная Испания...]. Этот феномен проходит период становления и еще ждет своего, как сейчас модно выражаться, послойного анализа.

Свидетельством превращения иберийских государств в неотъемлемую часть глобализирующегося мира и роста их социально-экономической привлекательности стало уже упомянутое увеличение притока иммигрантов из десятков стран всех континентов.

Рассмотрим теперь, как коронакризис воздействовал на глобальные процессы и на социально-экономическое положение иберийских государств.

Существует экспертное мнение, что COVID-19 акцентировал уже имевшие место тенденции к ослаблению импульсов глобализации и на ряде направлений закрепил начавшийся разворот в сторону деглобализации [Pisani-Ferry]. Этот тренд просматривается в важнейшей для Испании и Португалии сфере международной торговли товарами и услугами. По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в 2020 г. суммарный объем мирового товарооборота в денежном выражении сократился на 16,5%. Но подлинный обвал на глобальном уровне произошел в торговле услугами (главным образом за счет фактического прекращения туристических поездок — снижение на 74%, или на 1,3 трлн долл.), тогда как товарный обмен уменьшился на 6%. При этом кризис по-разному сказался на торговле различными товарами. В частности, коммерциализация энергоресурсов упала на 28,5%, автомобилей — на 29,5%, химических товаров — на 2,5%, а продукция обрабатывающей промышленности в целом сократилась на 4,9%. В то же время на 12% увеличился оборот текстильных изделий, на 7,5% — офисной техники, на 1,5% — средств связи, на 3,0% возросла торговля продуктами питания [UNCTAD...].

Данные свидетельствуют, что иберийские страны понесли максимальные потери от сворачивания торговли туристическими услугами, а также пострадали от падения экспорта целого ряда промышленных товаров, включая стратегически значимую автомобильную продукцию. Для Испании, например, сокращение вывоза автомобилей и запасных частей в 2018–2020 гг. составило 12%. Вместе с тем возрос экспорт продовольственных товаров и фармацевтической продукции, спрос на которую в условиях пандемии заметно увеличился (табл. 4).

В еще более сложной ситуации оказались многие португальские компании-экспортеры. Структура их поставок на внешний рынок (промышленные товары среднего и низкого технологического уровня, переработанное сырье, одежда и обувь) не позволила нарастить продажи ни по одной из 10 главных экспортных позиций. При этом особенно заметно сократились поставки за рубеж нефтепродуктов, а также потребительских товаров массового спроса (табл. 5).

Таблица 4

Динамика топ-10 товаров экспорта Испании (млрд долл.)

№	Код ТН ВЭД	Товарная позиция	2018	2019	2020
		Весь экспорт			
			346,1	337,2	307,0
1	87	Средства наземного транспорта, их части	57,2	54,1	50,3
2	84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование	24,9	24,2	22,2
3	85	Электрические машины и оборудование	19,1	18,0	17,6
4	27	Топливо минеральное, нефть и нефтепродукты	22,3	20,4	14,4
5	30	Фармацевтическая продукция	11,6	12,8	14,0
6	08	Съедобные фрукты и орехи	10,1	9,9	11,2
7	02	Мясо и мясные субпродукты	6,6	8,0	9,8
8	07	Овощи и съедобные корнеплоды	7,2	7,4	8,1
9	73	Изделия из черных металлов	8,3	7,7	8,0
10	62	Предметы одежды и принадлежности к одежде	8,6	8,6	7,0

Источник: ITC. Trade map. Trade statistics for international business development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Таблица 5

Динамика топ-10 товаров экспорта Португалии (млрд долл.)

№	Код ТН ВЭД	Товарная позиция	2018	2019	2020
		Весь экспорт			
			74,1	67,1	61,5
1	87	Средства наземного транспорта, их части	10,1	10,1	8,6
2	85	Электрические машины и оборудование	6,1	5,3	5,0
3	84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование	4,5	4,0	4,0
4	39	Пластик и изделия из него	3,9	3,3	3,2
5	27	Топливо минеральное, нефть и нефтепродукты	5,1	4,1	2,8
6	61	Предметы одежды и принадлежности к одежде	2,8	2,4	2,0
7	94	Мебель, постельные принадлежности	2,5	2,2	2,0
8	48	Бумага и картон	2,5	2,2	1,9
9	90	Оптические инструменты и аппараты	1,6	1,8	1,8
10	64	Обувь, гетры, аналогичные изделия	2,5	2,1	1,8

Источник: ITC. Trade map. Trade statistics for international business development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

В качестве еще одного явного признака деглобализации международные эксперты восприняли беспрецедентно резкое (почти на 35%) падение в 2020 г. мирового объема ПИИ по сравнению с 2019 г. А в сравнении с уровнем 2015 и 2016 г., по данным ЮНКТАД, этот показатель обрушился более чем вдвое. Такого эффекта не наблюдалось даже в разгар мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Для иберийских стран, чья зависимость от иностранных инвестиций и кредитов критически усилилась в последнее десятилетие, сокращение притока ПИИ стало чувствительным ударом, обострившим синергетический эффект торможения экономического роста. Причем если в Португалии падение объема ПИИ было зафиксировано в 2020 г. и составило 48%, то

в Испании обвал произошел в предкризисном 2019 г., когда приток инвестиций из-за рубежа снизился в 6,3 раза: с 53,5 до 8,5 млрд долларов (табл. 6).

Таблица 6

Динамика притока прямых иностранных инвестиций (млрд долл.)

Регион, страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Весь мир	2032,3	2065,2	1647,3	1436,7	1530,2	998,9
Евросоюз-27	591,2	361,6	301,5	347,4	380,2	103,2
Испания	8,6	31,6	42,0	53,5	8,5	8,9
Португалия	7,6	5,1	7,8	7,1	12,1	6,3

Источник: UNCTAD. World Investment Report 2021. Investing in Sustainable Recovery. New York: United Nations Publications, 2021. P. 248.

Начавшиеся в 2019 г. и усилившиеся в период пандемии перебои с внешним предпринимательским финансированием официальные Мадрид и Лиссабон были вынуждены демпфировать радикальным увеличением объема государственных долговых обязательств. В результате за один 2020 г. у Испании суверенный долг вырос почти на 13% — с 1363 до 1537 млрд долл. (до 120% ВВП), а у Португалии — на 10% (с 280 до 309 млрд долл.), превысив 133% ВВП [Eurostat...].

Страновой ивент-анализ показывает, что на внешнем контуре основными факторами, усугубившими воздействие коронакризиса на иберийские государства, были:

- сокращение внешней торговли товарами и услугами;
- обвальное падение количества иностранных туристов (у Испании — на 65 млн человек, или на 77%; у Португалии — на 21 млн человек, или на 84%);
- беспрецедентное уменьшение притока прямых иностранных инвестиций;
- резкое увеличение долговой нагрузки на экономику.

Подчеркнем, что наращивание объема суверенной задолженности было вынужденным шагом для компенсации выпадающих доходов бюджета из-за ограничения деловой активности, а также поддержания роста государственных расходов в период пандемии. Итогом явилось тотальное ухудшение основных макроэкономических показателей Испании и Португалии (табл. 7).

Таблица 7

Воздействие коронакризиса на ключевые макроэкономические показатели иберийских стран (млрд долл.)

Показатель	Испания		Португалия	
	2020	Изменение к 2019 г.	2020	Изменение к 2019 г.
ВВП (в скобках в % к ВВП)	1278	-142 (-11% ВВП)	231	-8 (-7,6% ВВП)
Государственный долг	1537	+174 (120,0% ВВП)	309	+29 (133,6% ВВП)
Расходы госбюджета	670	+84 (52,3% ВВП)	112	+10 (48,4% ВВП)
Дефицит госбюджета	141	+101 (11,0% ВВП)	13	+13 (5,7% ВВП)

Показатель	Испания		Португалия	
	2020	Изменение к 2019 г.	2020	Изменение к 2019 г.
Экспорт товаров	307	-30 (-8,9%)	62	-5 (-7,5%)
Импорт товаров	325	-50 (-13,3%)	78	-12 (-13,3%)
Число иностранных туристов (млн человек)	19	-65 (-77%)	4	-21 (-84%)

Источник: составлено автором по данным национальной статистики.

Таков был социально-экономический счет, предъявленный коронавирусом COVID-19 иберийским странам. И такова одна из сторон втягивания Испании и Португалии в глобальные и региональные трансформации.

К новой модели экономического роста

Как и в период финансовых потрясений 2008–2009 гг., Мадрид и Лиссабон не сумели справиться с коронакризисом самостоятельно и были вынуждены прибегнуть к внешней помощи. На этот раз речь шла об участии обеих иберийских стран в принятом Европейским союзом плане постковидного восстановления, технологической трансформации и повышения резильентности (стрессоустойчивости) экономик государств-членов ЕС (National Recovery, Transformation and Resilience Plan), сердцевиной которого стала рассчитанная на 2021–2027 гг. программа «Следующее поколение ЕС» (NextGenerationEU) [European Commission. Recovery plan...].

На необходимость безотлагательного принятия такого рода программы в конце октября 2020 г. указала председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен. Выступая по видеосвязи на конференции глав регионов Испании, она подчеркнула, что на этапе крайне сложного выхода из пандемии коронавируса Евросоюз «оказался на распутье» в связи с тем, что «некоторые его части очевидно не смогут справиться с последствиями кризиса или будут восстанавливаться слишком медленными темпами». «Следующее поколение ЕС» — своевременный ответ на этот вызов, поскольку предусматривает дополнительное финансирование со стороны Евросоюза национальных усилий по преодолению коронакризиса и проведению структурных реформ. Испания, специально отметила У. фон дер Ляйен, должна быть в числе главных бенефициаров стратегии Брюсселя по посткризисному «перезапуску европейской экономики» [Vonder Leyen anima...].

Ключевым моментом было указание на структурные реформы. По замыслу Еврокомиссии, страны-члены ЕС должны не только восстановить экономику, но и придать ей качественно новый характер, отвечающий требованиям сегодняшнего дня. Данное требование в полной мере касалось иберийских государств, которым из фонда программы «Следующее поколение ЕС» предполагалось выделить в форме грантов: Испании — около 69,5 млрд евро, Португалии — 13,9 млрд евро [European Commission. NextGenerationEU].

Пройдя с немалыми хозяйственными, финансовыми, социальными и политическими потерями через испытания коронавирусного 2020 г., власти Испании и Португалии, а также национальные предпринимательские сообщества оказались перед вызовом форсированного перехода на радикально обновленную модель экономического роста, главными характеристиками которой, по мнению руководства Европейского союза, должны стать:

- достижение надежной мобильности, создание инфраструктуры, обеспечивающей функционирование новых электрических видов транспорта, включая широкую сеть заправочных станций для электромобилей;
- реализация программы обновления устаревшего жилищного фонда, установка на зданиях солнечных панелей, повышение энергоэффективности жилищ;
- повсеместная цифровизация работы государственных органов, чья неэффективная деятельность долгие годы подвергается острой критике;
- цифровизация малых и средних предприятий, составляющих подавляющее большинство корпоративного сектора в иберийских странах;
- проведение Новой промышленной политики, стимулирование Стратегии циркулярной экономики (экономики замкнутого цикла) с упором на переработку отходов и производство новых товаров из старых;
- принятие национальных планов развития цифровых компетенций — способностей и навыков членов бизнес-сообществ Испании и Португалии;
- модернизация и повышение конкурентоспособности принимающего туризма — ключевого сектора испанской и португальской экономик, максимально пострадавшего в период пандемии;
- совершенствование национальных систем НИР, сокращение отставания иберийских стран в этой области от мировых лидеров;
- ускоренное развитие возобновляемых источников энергии («зеленой экономики»), призванных уже в ближайшем будущем обеспечивать более половины выработки в иберийских странах электроэнергии [European Commission. Recovery plan...].

Как видим, речь идет не просто о смене модели роста иберийских государств (хотя и об этом тоже), а о своего рода «мегамодели», стратегическом концепте общественного разворота, в центре которого — транзит к более современной и сбалансированной «зеленой» и цифровой экономике.

Реализация этих планов — задача не только амбициозная (об этом говорят испанские и португальские лидеры), но и чрезвычайно сложная, учитывая финансово-экономическое положение Испании и Португалии, сохраняющиеся структурные слабости иберийских стран.

* * *

За десятилетия пребывания в силовом поле глобализации и регионализации иберийские страны накопили немалый опыт адаптации к стрессовым и турбулентным явлени-

ям. Опираясь на него, они стремились (с разной долей успешности) минимизировать социально-экономические потери и наращивать финансовые дивиденды.

При всех сложностях, проблемах и кризисных испытаниях активное участие Мадрида и Лиссабона в процессах глобализации и регионализации позволило им ощутимо расширить пределы национальных торгово-экономических возможностей. Более того, интернационализация экономик иберийских стран и превращение их бизнес-структур в заметную часть мирохозяйственной системы оказали влияние на эволюцию ценностной модальности Испании и Португалии — способа позиционирования своих стран и обществ в европейском и глобальном контекстах. Именно с этим связана выработка современной модели взаимодействия с окружающим миром, формирование новых стратегических ориентиров иберийских стран, краеугольным камнем которых становится перманентное расширение спектра международных торгово-экономических связей.

Развитие событий последних лет говорит о том, что и в обозримом будущем Испания и Португалия будут испытывать на себе возрастающее воздействие глобальных и региональных эффектов. Это связано, на наш взгляд, с двумя главными факторами: 1) усилившейся трансграничной экономической связанностью (ростом влияния «экономики второго трека»); 2) переходным состоянием мирохозяйственной системы, вступившей в стадию глубоких структурных трансформаций.

В рамках такой парадигмы иберийские страны неизбежно столкнутся с новыми гео-экономическими вызовами и кризисными ситуациями.

Литература

- Иберийские страны: трудный старт в XXI век / Отв. ред. Н.М. Яковлева. М. 2012.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций / Отв. ред. Н.М. Яковлева. М. 2017.
- Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века / Под ред. В.М. Давыдова. М. 2006.
- Современная Испания: проблемы и решения / Под. ред. А.В. Кузнецова. М. 2018.
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки. Ибероамерика в меняющемся мире. М. 2020.
- Яковлев П.П. Испания в «красной зоне». Политическая перезагрузка в условиях пандемии // Свободная мысль. 2020. № 4 (1682). С. 89–120.
- Яковлев П.П. Испания: образ кризиса и кризис образа // Латинская Америка. 2010. № 9. С. 4–19.
- Яковлев П.П. Испания: посткризисная модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 50–61.
- Яковлев П.П. Формула роста: экономика Португалии после «Революции гвоздик» // Ибероамериканские тетради. 2020. Т. 8. № 3. С. 74–88.
- Яковлева Н.М. Португалия: история политической модернизации. М. 2016. С. 80–83.
- ACS, Acciona, Ferrovial, FCC, Sacyr, OHLA y San José, entre las 100 con mas ventas del mundo // El Economista. 20.07.2021. — URL: eleconomista.es/empresas-finanzas/noticias/11331709/07/21/ACS-Acciona-Ferrovial-FCC-Sacyr-OHLA-y-San-Jose-entre-las-100-constructoras-con-mas-ventas-del-mundo.html (date of access: 04.08.2021).

- De Guindos L.* España amenazada. Barcelona. 2016.
- Esteller R.* Iberdrola desembarca en Vietnam con la compra de la filial de Sowitec // El Economista. 21.07.2021. — URL: eleconomista.es/energia/noticias/11332401/07/21/Iberdrola-desembarca-en-Vietnam-con-la-compra-de-la-filial-de-Sowitec.html (date of access: 04.08.2021).
- European Commission. NextGenerationEU. — URL: ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/eu-borrower-investor-relations/nextdenerationeu_en (date of access: 03.08.2021).
- European Commission. Programme for Portugal. — URL: ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-and-fiscal-policy-coordination/financial-assistance-eu/which-eu-countries-have-received-assistance/financial-assistance-portugal_en (date of access: 04.08.2021).
- European Commission. Recovery plan for Europe. — URL: ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (date of access: 04.08.2021).
- Eurostat. General government gross debt. — URL: ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-datasets/-/SDG_17_40 (date of access: 04.08.2021).
- Fernández Navarrete D.* Historia de la Unión Europea. España como estado miembro. Madrid. 2010.
- Ganti A.* PIIGS // Investopedia. 23.02.2021. — URL: investopedia.com/terms/p/piigs.asp (date of access: 04.08.2021).
- Myro R.* España en la economía global. Claves del éxito de las exportaciones españolas. Barcelona. 2015.
- Neves R.* Indústria aeroespacial portuguesa invade o México // Negócios. 19.05.2016.
- Pisani-Ferry J.* Hacia el final de la globalización // El Economista. 02.07.2021. — URL: eleconomista.es/opinion-blogs/noticias/11305556/07/21/Hacia-el-final-de-la-globalizacion.html (date of access: 04.08.2021).
- Plain sailing no longer // The Economist. 03.05.2007. — URL: economist.com/leaders/2007/05/o3/plain-sailing-no-longer (date of access: 04.08.2021).
- Reis J.* A Economia Portuguesa. Formas de economia política numa periferia persistente (1960–2017). Coimbra. 2018.
- Sebastián C.* Para que España avance. Barcelona. 2019.
- UNCTAD. Global Trade Upgrade. February 2021. — URL: unctad.org/system/files/official-documents/ditcinf2021d1_en.pdf (date of access: 04.08.2021).
- Von der Leyen anima a regiones españolas a participar en transformación de UE // La Vanguardia. 26.10.2020.

УДК 327

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-115-128

Наиля Яковлева

Председательство Португалии в Совете Евросоюза на фоне «европейской усталости»

Аннотация. В первой половине 2021 г. Португалия в четвертый раз возглавляла Совет Европейского союза — один из семи ключевых институтов ЕС. Председательство Лиссабона пришлось на сложный период истории Евросоюза, отмеченный сопряжением большого числа внутренних и внешних рисков, проблем и вызовов. Португальская дипломатия вместе с руководящими органами ЕС приложила немалые усилия к тому, чтобы найти решение политических и экономических задач, поставленных коронакризисом, и подготовить страны-члены Евросоюза к постковидной эпохе, но не смогла до конца преодолеть «европейскую усталость».

Ключевые слова: Совет Евросоюза, Португалия, четвертое председательство, преодоление коронакризиса, США, Китай, отношения с Россией.

В период с 1 января по 30 июня 2021 г. Португалия в лице ее премьер-министра Антониу Кошты председательствовала в Совете Европейского союза. Официальный Лиссабон сменил в этой роли Берлин, а 1 июля нелегкую миссию приняла на себя Любляна.

Один из семи институтов Евросоюза, Совет ЕС располагает сравнительно широкими полномочиями: он представляет (обычно на министерском уровне) правительства стран-членов объединения и является, наряду с Европейским парламентом, еще одним законодательным органом Объединенной Европы. На практике Совет играет ключевую роль в вопросах, которые отнесены ко второй и третьей опорам европейской интеграции (совместная внешняя политика и общая политика в области внутренних дел и правосудия) [European Council.Home].

Европейский союз в лабиринте проблем

Политическую ситуацию, сложившуюся в Евросоюзе в последние годы, можно охарактеризовать как своего рода «европейскую усталость». В основе этого необычного явления лежит накопившийся груз событий откровенно кризисного свойства, которые стали тяжелым испытанием для институтов ЕС. В их числе: шок от Брекзита и оживление

Сведения об авторе: Яковлева Наиля Магитовна — ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, кандидат исторических наук, akovleva@yandex.ru.

в стане евроскептиков, замедление экономического роста, «бег на месте» в вопросах достижения «суверенной автономности», миграционный кризис, размолвка в евро-атлантическом союзе при Д. Трампе (в частности, торпедирование Белым домом старательно выстраиваемого трансатлантического партнерства) [Яковлев Трансатлантическое...], усилившаяся торгово-экономическая конкуренция со стороны Китая, затяжной геополитический конфликт с Россией, пробуксовка в отношениях с регионами развивающегося мира, до конца не преодоленные последствия коронавирусной пандемии.

Кроме того, застопорился процесс расширения Евросоюза за счет западно-балканских стран: Албании, Боснии и Герцеговины, Косово (частично признанного), Северной Македонии, Сербии, Черногории. Как признал верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель, в Брюсселе существует «глубокое разочарование процессом расширения Евросоюза» [Milosevich-Juaristi E(futuro...)].

Конечно, Европейский союз и раньше сталкивался с непростыми проблемами, переживал острые политико-экономические коллизии. Но особенность современного положения заключается в том, что кризисные явления плотно сконцентрировались в исторически коротком отрезке времени и, мало того, наслоились друг на друга, вызвав эффект мультипликации негативных эффектов. В результате Брюссель должен был одновременно решать проблемы институционального, хозяйственного, финансового, социального, дипломатического, санитарно-медицинского характера, демонстрируя показной оптимизм и призывая к «европейской солидарности» перед лицом нарастающих глобальных вызовов.

С течением времени все явственнее проявляются разделительные политико-идеологические линии внутри самого Европейского союза. Причем предметом острых разногласий могут стать самые различные вопросы: от торгово-экономического и дипломатического взаимодействия с Россией и завершения строительства Северного потока-2 до принятия парламентом Венгрии поправок к законопроекту, ограничивающих распространение среди несовершеннолетних материалов о гомосексуализме и смене пола. Против Венгрии выступили руководители большинства (16 из 27) государств-членов ЕС, а глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен назвала поправки «позором» и пригрозила Венгрии «предъявлением претензий» [Sixteen...]. Напрасно венгерские власти доказывали, что «их не так поняли», что законодательные поправки направлены на защиту детей и не затрагивают права сексуальной ориентации совершеннолетних. С резкой критикой позиции Будапешта выступил, в частности, премьер-министр Нидерландов Марк Рютте, заявивший, что «Венгрии нет места в Евросоюзе». Политик признал, что не в его силах немедленно исключить Венгрию из ЕС, но нужно делать это «шаг за шагом» [Dutch PM Rutte...]. В унисон с голландским коллегой высказались (среди прочих европейских лидеров) президент Франции Эммануэль Макрон, канцлер Германии Ангела Меркель, премьер-министры Бельгии и Люксембурга — Александр Де Кроо и Ксавье Беттель. Правда, они, в отличие от М. Рютте, не призывали «ставить Венгрию на колени» и исключать ее из Евросоюза.

Раскол в рядах Евросоюза наметился и по вопросу, как в дальнейшем выстраивать отношения с Российской Федерацией. В данном случае проблема представляется настолько масштабной, что от способа ее решения зависит геоэкономическое и геополитическое будущее всего европейского континента. На это убедительно указывают статистические данные об уровне взаимодействия между ЕС и РФ во многих областях [Facts...]. В том числе:

1. Несмотря на длительную войну санкций, Российская Федерация и Европейский союз остаются крупными торгово-экономическими партнерами. Для Евросоюза Россия — пятый по значению торговый партнер, ЕС для РФ — первый. Компании стран Евросоюза — крупнейшие инвесторы на российском рынке. На их долю приходится более 311 млрд евро прямых иностранных инвестиций в экономику РФ. В свою очередь, российские инвесторы вложили в странах ЕС 136 млрд евро.
2. Ключевой отраслью сотрудничества ЕС и РФ была и остается энергетика. На долю российских поставщиков приходится 26% импорта нефти в Евросоюз и 40% — природного газа.
3. Граждане России являются крупнейшими получателями шенгенских виз. Например, в 2019 г. на долю россиян пришлось 27% всех выданных виз, а в коронавирусном 2020 г. — не многим меньше, 26%.
4. Российские студенты занимают первое место в качестве партнеров Евросоюза по программе Эразмус+.

Таким образом, признается в документах Еврокомиссии, отношения с Российской Федерацией, в целом развивающиеся в последнее десятилетие по «негативной спирали», носят сложный, неоднозначный характер и отличаются наличием как стратегических вызовов, так и уникальных экономических и гуманитарных возможностей, делающих эти связи неотъемлемой частью «большой европейской политики» [EU-Russia relations...].

Все это существенные штрихи к портрету Европейского союза первой половины 2021 г., когда португальские власти приняли на себя бразды правления Советом ЕС. Таким образом, полугодовой отрезок председательства Португалии в Совете ЕС должен был стать периодом ключевых решений назревших проблем [2021PORTUGAL.EU.Results].

Португалия во главе Совета

Для Лиссабона нынешнее председительство стало четвертым за 35-летнюю траекторию членства в Объединенной Европе. И удивительным образом каждый раз Португалия оказывалась в эпицентре знаковых событий бурной истории Евросоюза. Напомним основные вехи.

В период первого председательства в 1992 г., который прошел под лозунгом «Курс на Европейский союз», был подписан Маастрихтский договор (7 февраля), положивший начало формированию Евросоюза в его современном виде, а вслед за этим — Со-

глашение о Европейском экономическом пространстве (подписано 2 мая), значение которого для развития коммунитарных деловых связей трудно переоценить. Чрезвычайную активность Лиссабон в роли председателя (в тот момент) Европейских Сообществ проявил на мировой арене, содействуя установлению и развитию отношений Брюсселя с Содружеством независимых государств (СНГ), странами Латинской Америки, Ближнего Востока и Южной Африки. Особые связи Португалии с Бразилией помогли успешному проведению 3–14 июня в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по вопросам окружающей среды и развития, результаты которой легли в основу широкого международного движения за достижение целей устойчивого развития [Presidência Portuguesa 1992].

В 2000 г. под председательством Португалии Совет определил для Евросоюза так называемую «Лиссабонскую стратегию», ставившую целью создание к 2010 г. самой динамичной в мире экономики, базирующейся на знаниях и способной к устойчивому развитию. Как отмечал уже в наши дни известный испанский исследователь Андрес Ортега, «Лиссабонская стратегия» «провалилась и методологически, и технически». В итоге, пишет ученый, в «лихорадочном поиске» способа преодолеть все более осязаемое отставание от мировых лидеров экономического роста Евросоюз буквально запутался в большом количестве геополитических сценариев, но не смог вернуть «потерянных передовых позиций» [Ortega].

Заметим, что в 2000 г. на внешнем контуре португальская дипломатия, используя тесные связи с бывшими африканскими и азиатскими колониями, внесла крупный вклад в сближение Европейского союза с развивающимися странами: в период председательства Лиссабона прошел I саммит Евросоюз — Африка, а в Бенине было подписано Соглашение Котону между ЕС-15 и 78 государствами Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов. В этот же период был дан старт много обещавшим переговорам о сотрудничестве с Российской Федерацией, где на президентских выборах впервые одержал победу В.В. Путин, а также заметно активизировалось участие Брюсселя в процессе ближневосточного урегулирования [Presidência Portuguesa 2000].

Наконец, в третье председательство Португалии был подписан (13 декабря 2007 г.) без преувеличения исторический Лиссабонский договор (официальное название — Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества), фактически заменивший собой не вступившую в силу Конституцию ЕС, когда на референдумах во Франции и Нидерландах проект Основного закона был отклонен [Fernández Navarrete, pp. 171–199]. Подписание Лиссабонского договора вывело Евросоюз из институционального тупика. Это было особенно важно в связи с тем, что к тому моменту менее чем за три года (апрель 2004 г. — 1 января 2007 г.) число стран-членов ЕС выросло с 15 до 27, а их общее население приблизилось к 500 млн человек.

В тот же период третьего председательства Португалии с подачи ее властей состоялся I саммит Евросоюз — Бразилия и II саммит ЕС — Африка, начался переговорный

процесс о заключении соглашения о свободе торговли между Евросоюзом и МЕРКОСУР (крупнейшей южноамериканской интеграционной группировкой, включающей Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай), прошли саммиты с Россией, Китаем, Индией, Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Украиной. В целом внешнеполитическая повестка третьего председательства Португалии в Совете Евросоюза носила беспрецедентно насыщенный и во многом результативный характер [Presidência Portuguesa 2007]. Возможно, этому способствовал тот факт, что в 2004–2014 гг. Европейскую комиссию возглавлял португалец Жозе Мануэл Баррозу.

Четвертое председательство Лиссабона в Совете ЕС было и похоже, и не похоже на предыдущие. Схожесть в том, что и сегодня Европейский союз, оказавшись в водовороте коронакризиса, стоит перед судьбоносными вызовами, ответ на которые во многом определит геополитические перспективы Объединенной Европы. А отличие состоит в первую очередь в положении самой Португалии. Если до глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. страна развивалась по восходящей и даже служила примером в целом динамичного преодоления социально-экономической отсталости, накопленной за время диктатуры, то посткризисное десятилетие было отмечено «рваным ритмом» развития, когда периоды торможения сменялись короткими ускорениями [Яковлев Формула...].

В 2007–2015 гг. португальская экономика большей частью топталась на месте — среднегодовой прирост ВВП был около нуля. Только в 2016 г. страна вышла на траекторию устойчивого роста, продолжавшегося вплоть до начала пандемии COVID-19.

На начальном этапе (первый инфицированный был зафиксирован в Португалии в марте 2020 г.) правительству социалистов под руководством А. Кошты удалось мобилизовать Национальную систему здравоохранения и успешно справиться с возникшими проблемами [Яковлева Португалия...]. Однако в итоге последствия пандемии для национальной экономики, финансов и социальной сферы оказались весьма серьезными (табл. 1).

Как видно, в 2020 г. ВВП Португалии сократился на 7,6% (в целом в Евросоюзе — на 6,1%), экспорт товаров и услуг упал на 18,6%, импорт — на 12,0%, частное потребление снизилось почти на 6%. Ощутимо сократились инвестиции в основной капитал, поползла вверх кривая безработицы. Добавим, что число иностранных туристов сократилось на 84%, лишив страну многомиллиардных доходов от этой системообразующей отрасли. Как следствие, профицит государственного бюджета сменился крупным дефицитом в размере 5,7% ВВП, резко вырос суверенный долг (до 133,6% ВВП), что увеличило нагрузку на экономику из-за необходимости наращивать платежи по обслуживанию задолженности.

Давая жесткую оценку эффекту коронакризиса, газета The Financial Times писала, что пандемия вновь «открыла начавшие заживать экономические раны, оставленные кризисом 2008–2009 гг., и ввергла страну в глубокую рецессию» [Wise].

Таблица 1

Динамика макроэкономических показателей Португалии (изменение в %)

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021*	2022**
ВВП	3,5	2,8	2,5	-7,6	3,9	5,1
Частное потребление	2,1	2,6	2,6	-5,9	4,0	3,8
Государственное потребление	0,2	0,6	0,7	0,4	2,0	1,7
Валовые капиталовложения	11,5	6,2	5,4	-1,9	4,6	6,9
Безработица (%)	9,0	7,1	6,5	6,9	6,8	6,5
Стоимость рабочей силы	0,6	1,5	0,0	6,8	-1,5	-2,5
Госдолг (% ВВП)	126,1	121,5	116,8	133,6	127,2	122,3
Экспорт товаров и услуг	8,4	4,1	3,9	-18,6	10,3	8,9
Импорт товаров и услуг	8,1	5,0	4,7	-12,0	9,5	6,0
Расходы бюджета (млрд евро)	88,9	88,7	91,0	98,1	-	-
Бюджетный результат (% ВВП)	-3,0	-0,3	0,1	-5,7	-4,7	-3,4

* Оценка.

** Прогноз.

Источник: European Commission. Spring 2021 Economic Forecast: Rolling up sleeves. P. 91. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021.

Фактор пандемии и антикризисная стратегия

Финансовая и социальная травма, нанесенная Португалии (и всему Европейскому союзу) коронакризисом, не могла не оказать сильного влияния на формирование повестки и выбор стратегических приоритетов португальского председательства в Совете ЕС. Отметим, что помимо руководящих органов Евросоюза и правительственных ведомств самой Португалии заметную роль в определении основных целей этой повестки сыграли европейские think tanks, объединенные в Trans European Policy Studies Association. Они концептуально вооружили португальское правительство и подготовили для него соответствующие политические рекомендации. Магистральной идеей представленного Лиссабону документа была необходимость для ЕС «обретения собственного голоса в рамках усиливающегося многостороннего мироустройства». По мнению авторитетных представителей европейского экспертного сообщества, в период португальского председательства в Совете Евросоюза следовало «сфокусировать усилия на придании Европе стрессоустойчивого, социального и зеленого характера», а в сфере международной политики — «совместно с новой администрацией Байдена восстановить во многом утраченное доверие к трансатлантическому партнерству» и добиваться качественных положительных сдвигов в отношениях с государствами Африки и Латинской Америки, в сотрудничестве с которыми Евросоюз уступает другим геоэкономическим конкурентам, в первую очередь Китаю [Recommendations...].

Португальские власти внимательно отнеслись к мнению экспертов, а в еще большей степени — к тем наработкам, которые они унаследовали от предыдущего председателя Совета, Германии. Возглавив Совет ЕС, Лиссабон ввел главную цель своего

председательства в весьма амбициозную формулу: «Время предъявить результаты: справедливое, зеленое и цифровое восстановление». Раскрывая ее суть, португальское политическое руководство подчеркивало, что посткризисное развитие стран ЕС следует ориентировать на строительство Цифровой Европы, предполагающее решение задач стратегического порядка. И прежде всего:

- ускорить цифровой переход — движущую силу экономического роста в современных условиях, добиваться превращения Евросоюза в мирового лидера в сфере инноваций и цифровой экономики. Благодаря развитию промышленности и созданию европейских цепочек добавленной стоимости повысить уровень кризисоустойчивости ЕС, снизить зависимость стран Евросоюза от импорта критически важных товаров, услуг и технологий, в частности из Китая;
- сделать социальную опору Европейского союза ключевым элементом справедливых и инклюзивных климатических преобразований при одновременном решении проблем, вызванных коронавирусной пандемией. Например, расширять межнациональное сотрудничество в рамках ЕС по вопросам развития здравоохранения, фармацевтической отрасли и противодействия эпидемиям;
- укреплять европейскую стратегическую автономию при сохранении открытости Евросоюза остальному миру. Сделать эффективную многосторонность складывающегося миропорядка условием позиционирования Европейского союза в качестве влиятельного глобального игрока. Отстаивать европейское лидерство в борьбе за сбалансированную, открытую, основанную на правилах систему международной торговли [2021 PORTUGAL.EU. Priorities].

О чем свидетельствует этот (разумеется, далеко не полный) перечень основных стратегических приоритетов председательства Португалии в Совете Евросоюза, образующих, по сути, когнитивный каркас антикризисной политики ЕС?

Главным, как представляется, является признание того, что в период после кризиса 2008–2009 гг. большинство государств-членов Европейского союза не только до конца не оправались от пережитых финансовых и политических потрясений, но и не перешли в полной мере на рельсы устойчивого поступательного развития в новой технологической парадигме.

При этом длительное торможение внутреннего социально-экономического роста сопровождалось зримым и, надо полагать, неизбежным ослаблением геоэкономических и геополитических позиций стран ЕС. В ключевой научно-технологической области ведущим европейским бизнес-структурам пришлось «пропустить» впереди себя как традиционных американских конкурентов, так и чрезвычайно усилившиеся китайские транснациональные корпорации [Manley, Steinberg]. Запустив проект «Пояс и путь» и установив регулярное железнодорожное сообщение между Суйчжоу и Гамбургом, КНР дополнительно нарастила торговую экспансию на рынках Евросоюза, потеснив прежде главного партнера европейцев — США (табл. 2).

Сравнительные данные товарной торговли Евросоюза с США и Китаем в текущем столетии убедительно свидетельствуют о переориентации европейских стран на ки-

тайские рынки в ущерб американским. В 2001–2020 гг. товарооборот стран ЕС с США вырос в 1,6 раза, а с КНР — в 6,4 раза. Получается, что европейцы буквально «подсели» на китайские товары: их импорт в 2020 г. был почти в два раза больше, чем объем закупок американской продукции. При этом в рядах государств-членов ЕС отсутствовало твердое единство по вопросам отношений с Китаем. Одни страны (в их числе Португалия) видели в торгово-экономическом сближении с Поднебесной шанс получить значительные финансовые и технологические дивиденды, другие опасались плохо предсказуемых последствий китайской экспансии для бизнес-интересов местных предприятий [Sendagorta].

Таблица 2

Торговля стран ЕС-27 с США и КНР (товары, млрд евро)

Показатель	Торговля с США			Торговля с КНР		
	2001	2010	2020	2001	2010	2020
Экспорт	195	202	346	27	105	199
Импорт	163	165	230	70	272	422
Оборот	358	367	576	97	377	621
Сальдо	+32	+37	+116	-43	-167	-223

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Критические настроения в Евросоюзе по «китайскому вопросу» были для Лиссабона особенно нежелательны ввиду значительного роста португальско-китайских деловых связей (табл. 3).

Таблица 3

Португалия — Китай: торговля товарами (млн евро)

Показатель	2001	2010	2015	2018	2019	2020
Экспорт	60	229	838	716	602	570
Импорт	350	1568	1776	2543	2953	3071
Оборот	410	1797	2614	3259	3555	3641
Сальдо	-290	-1339	-1827	-1827	-2351	-2501

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Как свидетельствуют статистические данные, в 2001–2020 гг. товарооборот между Португалией и Китаем вырос почти в девять раз и превысил 3,6 млрд евро. Показателен и такой уникальный момент: в 2020 г., в разгар коронавирусной пандемии, совокупный оборот внешней торговли товарами сократился у Португалии на 13%, а товарообмен с КНР продолжал увеличиваться. При этом Лиссабон не слишком смущал значительный дефицит в товарной торговле с Китаем, поскольку в доковидный период это компенсировалось профицитом в торговле услугами, прежде всего благодаря притоку в Португалию китайских туристов.

В португальских политических кругах и в экспертном сообществе сложилось достаточно единодушное мнение, что в постковидный период страну ожидают новые вызовы стратегического порядка. Ответ на них, как писал экономист-международник Луис Таварес Браво, потребует сопряжения антикризисных усилий самой Португалии (в частности, в русле подготовленной в июне 2020 г. правительственной Программы экономической и социальной стабилизации — Programa de Estabilização Económica e Social) с планом экономического восстановления, разработанным Европейской комиссией и принятым на заседании Совета Европы в июле 2020 г. [Tavares Bravo].

По заявлению премьер-министра А. Кошты, участвовавшего в работе этого европейского саммита, Евросоюз выделял Лиссабону на 10-летний период порядка 45 млрд евро для проведения в жизнь проектов постковидного хозяйственного восстановления и инновационной (прежде всего цифровой) трансформации португальской экономики [Portugal com...]. Разумеется, эти финансовые ресурсы (при всей их значимости) — лишь малая часть тех средств, которые в обозримом будущем потребуются для посткризисного «перезапуска» экономического роста.

Конкретные шаги и ожидаемые результаты

Своего рода проверкой готовности стран Евросоюза консолидировать усилия и совершить прорыв в своем социально-экономическом и внешнеполитическом развитии стала неформальная встреча глав государств и правительств во втором по значимости (после столицы) португальском городе Порту 7–8 мая нынешнего года.

Саммит, который председатель Европейского совета Шарль Мишель расценил как «важный этап в истории европейского строительства», фактически состоял из двух «отделений». В ходе первого, 7 мая, главы европейских стран и высшие руководители Евросоюза обсудили не до конца преодоленные последствия COVID-19 и внушающее тревогу состояние международных отношений. В центре внимания находились вопросы производства и распределения антивирусных вакцин, а также методы предупреждения и борьбы против новых вариантов коронавируса. Лидеры ЕС рассмотрели процесс создания «зеленого цифрового сертификата» вакцинации (вакцинного паспорта) и отметили готовность Евросоюза содействовать укреплению международной антикоронавирусной солидарности [Informal...]. Во второй день работы саммита центральное место заняли два значимых события: переговоры его участников в режиме видеоконференции с премьер-министром Индии Нарендрой Модии, завершившиеся договоренностью о Всеобъемлющем связующем партнерстве, и принятие итогового документа встречи — Декларации Порту.

В условиях все более ощутимого геополитического отступления Евросоюза и перед лицом расширяющейся торгово-экономической экспансии Пекина на европейском пространстве сближение с Нью-Дели приобретает для Брюсселя чрезвычайную актуальность. В политике сдерживания Китая структуры ЕС, судя по всему, планируют

в удобный момент разыграть индийскую карту. Как откровенно отмечалось в принятых документах, устанавливая отношения с Индией на уровне связующего партнерства, Брюссель рассчитывает не только на взаимодействие с Нью-Дели в двустороннем формате, но и на согласованные шаги в стратегически важных третьих странах и регионах, включая Африку, Центральную Азию и Индо-Пасифик [Principles...].

Вполне естественно, что весьма болезненные социальные вопросы, обострившиеся в период пандемии и волнующие миллионы европейцев, не могли не найти отражения в Декларации Порту. Там, в частности, подчеркивалось, что «Европа должна стать континентом социальной сплоченности и процветания», а «европейская система социальных прав послужит фундаментом посткризисного экономического восстановления». С этой целью председательствующий в Совете ЕС А. Кошта вместе с У. фон дер Ляйен и председателем Европарламента Давидом Сасоли взяли обязательство в русле перевода европейской экономики в «цифровой и зеленый формат» сосредоточить усилия на создании новых достойно оплачиваемых рабочих мест, переподготовке кадров, сокращении бедности. Подобная политика, по мнению лидеров Евросоюза, должна привести к радикальному улучшению социальной обстановки к началу следующего десятилетия [The Porto...].

Трудно сказать, насколько итоги саммита в Порту послужили утешением для тех европейцев, которые сейчас оказались в сложном материальном положении из-за антиковидных мер. Но суровая реальность такова, что правительства стран ЕС в настоящий момент вряд ли могут предложить своим гражданам нечто большее. Сознавая это, руководство Португалии в рамках своего председательства в Совете Евросоюза сделало упор на форсированное согласование и введение в оборот вакцинного сертификата единого образца, получившего наименование EU COVID-19 Vaccine Passport.

В решающей степени благодаря настойчивости и договороспособности Лиссабона документ был подготовлен в рекордно короткий срок и с 1 июля 2021 г. (сразу после передачи председательских полномочий Любляне) вступил в силу в Евросоюзе, а также в некоторых странах Шенгенской зоны, не входящих в ЕС. Введение EU COVID-19 Vaccine Passport, упростив для европейцев пересечение границ, размещение в гостиницах, посещение массовых мероприятий и т. д., явилось конкретным шагом в деле постковидной нормализации жизни.

Португалия и Россия на европейском пространстве

Отношения между самой восточной и самой западной странами континентальной Европы (Российской Федерацией и Португальской Республикой) — пример того, как государства, испытывающие взаимное притяжение на основе взаимодополняемости экономик и отсутствии сколько-нибудь серьезных двусторонних противоречий, могут оказаться в лабиринте трудноразрешимых (нередко, искусственно созданных) проблем, из которых не удастся найти взаимоприемлемого выхода [Яковлева Три...].

По большому счету, Португалии и России нечего делить. Но Лиссабон, как член Евросоюза, должен играть по общим для стран Объединенной Европы правилам, даже когда эти правила очевидно противоречат устремлениям португальского бизнеса, стремящегося к наращиванию международных деловых контактов и диверсификации внешнеэкономических связей. В 2010–2017 гг. российско-португальский товарооборот вырос 3,3 раза: с 525 до 1735 млн евро, но дальнейший его рост прекратился во многом из-за развернувшегося геополитического соперничества между ЕС и РФ и начавшейся санкционной и антисанкционной войны (табл. 4).

Таблица 4

Португалия — Россия: торговля товарами (млн евро)

Показатель	2001	2010	2017	2018	2019	2020
Экспорт	23	113	158	218	194	178
Импорт	432	412	1577	1440	1093	514
Оборот	455	525	1735	1658	1287	692
Сальдо	-409	-299	-1419	-1222	-899	-336

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. — trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvprn=

В отношениях Европейского союза с Российской Федерацией сложилась ситуация, которую западные эксперты нередко обозначают как «баланс слабостей». А именно: ЕС и РФ не делают решительных шагов к сближению, поскольку каждая из сторон рассчитывает на стратегический крах геополитического соперника, фиксируя внимание на его реальных или мнимых слабостях. В результате в Брюсселе уверены в историческом поражении нынешней российской власти, неспособной, по мнению брюссельских лидеров, модернизировать экономику и радикально повысить жизненный уровень большинства населения, а в Москве, особенно после Брекзита, ждут развала Евросоюза под грузом неразрешенных и трудно разрешаемых внутренних противоречий. В этих условиях сторонникам продолжения диалога между ЕС и РФ все сложнее делать business as usual (не только в экономическом, но и в политическом смысле), приходится приспосабливаться к новой нормальности и искать возможности продвигать unusual business [Milosevich-Juaristi Lanueva...].

Как и следовало ожидать, коренного перелома в отношениях России с Объединенной Европой не произошло и в период четвертого председательства Португалии. Вместе с тем сама жизнь подсказывает точки соприкосновения интересов и новые векторы взаимодействия. В частности, еще до конца португальского председательства в Совете Евросоюза наблюдались попытки рассмотреть формы участия ЕС и России в широком международном сотрудничестве на европейском континенте для преодоления негативных последствий пандемии. Однако акцент в отношениях между РФ и ЕС был сделан не на том, что объединяет обе стороны, а на том, что их разъединяет.

В середине июня Ж. Боррель представил доклад под названием «Совместное коммюнике Европарламента, Европейского Совета и Совета по отношениям ЕС — Россия»,

содержащий магистральные положения новой стратегии Брюсселя в отношении Москвы [Joint...]. Документ предполагалось обсудить и утвердить на саммите ЕС 24–25 июня. По замыслу брюссельских чиновников, тем самым как бы подводился один из главных итогов председательства Португалии в Совете Евросоюза, делалась попытка перевести диалог с Россией в более структурированную и предсказуемую плоскость [Presidência Portuguesa 2021].

Разработанная аппаратом Ж. Борреля актуализированная внешнеполитическая стратегия на российском направлении покоилась на трех основополагающих принципах: давать отпор (push back), сдерживать (constrain), вовлекать (engage). Тем самым глава дипломатической службы Евросоюза предложил своего рода стратегическую триаду: 1) решительно реагировать на «негативное поведение» Москвы; 2) ограничивать усиление российского влияния в Европе; 3) сохранять открытыми и использовать существующие каналы связи и возможности избирательного взаимодействия с Россией в тех сферах, которые представляют интерес для обеих сторон.

Понятно, что сторонники сохранения диалога с Кремлем поддержали идею «вовлечения» России в переговоры по широкому кругу глобальных и региональных тем, волнующих европейцев. Накануне саммита 24–25 июня А. Меркель и Э. Макрон высказались в пользу проведения встречи в верхах с участием В.В. Путина, рассчитывая таким образом закрепить наметившуюся после саммита РФ — США в Женеве линию на снижение открытого противостояния объединенного Запада и России [EU leaders...]. Поддержка франко-германского предложения со стороны большинства стран-членов Евросоюза могла, как минимум, затормозить дальнейшее движение ЕС и РФ по негативной спирали и, разумеется, стала бы важным внешнеполитическим успехом председательства Португалии в Совете ЕС. Однако идея А. Меркель и Э. Макрона была отвергнута, в результате чего отношения между ЕС и РФ остались в той же контрпродуктивной логике игры с нулевой суммой, когда выигрыш одного из партнеров означает проигрыш другого.

Таким образом, в период четвертого председательства Лиссабона в Совете ЕС на российском направлении в политике Евросоюза не произошло значимых положительных изменений. «Европейская усталость» оказалась сильнее здравого смысла и стремления «расшить» узкие места в международных отношениях Евросоюза.

Выступая на совместной пресс-конференции с Ш. Мишелем и А. Коштой, У. фон дер Ляйен высоко оценила итоги португальского председательства в Совете Евросоюза, особо подчеркнув роль Португалии в антикризисной политике ЕС и оперативном введении сертификатов COVID-19 — создании более комфортных условий жизни европейцев на выходе из пандемии коронавируса. И это справедливо: Лиссабон сделал все что мог в нынешней до предела напряженной геополитической обстановке, когда от него, по большому счету, мало что зависело.

Литература

- Яковлев П.П.* Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 4 (8). С. 25–40.
- Яковлев П.П.* Формула роста: экономика Португалии после «Революции гвоздик» // Ибероамериканские тетради. 2020. № 3. С. 74–88.
- Яковлева Н.М.* Португалия накануне президентских выборов // Ибероамериканские тетради. 2020. № 3. С. 89–100.
- Яковлева Н.М.* Три опоры российско-португальских отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 66–75.
- 2021PORTUGAL.EU. Priorities. — URL: 2021portugal.eu/en/programme/priorities/ (date of access: 03.07.2021).
- 2021PORTUGAL.EU. Results. — URL: 2021portugal.eu/en/results/ (date of access: 01.07.2021).
- Dutch PM Rutte: No place in EU for Hungary with anti-LGBT law // BBC. 24.06.2021. — URL: [bbc.com/news/world-europe-57596263](https://www.bbc.com/news/world-europe-57596263) (date of access: 28.06.2021).
- EU leaders fail to agree on a summit with Vladimir Putin // DW. 25.06.2021. — URL: [dw.com/en/eu-leaders-fail-to-agree-on-a-summit-with-vladimir-putin/a-58037408](https://www.dw.com/en/eu-leaders-fail-to-agree-on-a-summit-with-vladimir-putin/a-58037408) (date of access: 29.06.2021).
- European Council. Home — Consilium. — URL: consilium.europa.eu/en/ (date of access: 30.06.2021).
- EU-Russia relations: Commission and High Representative propose the way forward // European Commission. 16.06.2021. — URL: [EU-Russia_relations__Commission_and_High_Representative_propose_the_way_forward.pdf](https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip21_1111) (date of access: 23.06.2021).
- Facts and Figures about EU-Russia relations // EEAS10. European Union External Action Service. 16.06.2021. — URL: eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/92578/facts-and-figures-about-eu-russia-relations_en (date of access: 25.06.2021).
- Fernández Navarrete D.* Historia de la Unión Europea. España como estado miembro. Madrid. 2010.
- Informal meeting of heads of state or government, Porto, 7–8 May 2021 // European Council. — URL: consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2021/05/07-08/ (date of access: 13.06.2021).
- Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on EU-Russian relations — Push back, constrain and engage // European Commission. 16.06.2021. — URL: ec.europa.eu/info/sites/default/files/joint-communication-eu-russia-relations.pdf (date of access: 26.06.2021).
- Manley Ch., Steinberg F.* The geopolitical implications of the COVID-19 pandemic and the role of the EU in the world // Real Instituto Elcano. 20.11.2020. — URL: blog.realinstitutoelcano.org/en/the-geopolitical-implications-of-the-covid-19-pandemic-and-t... (date of access: 03.06.2021).
- Milosevich-Juaristi M.* El futuro de la ampliación de la UE en los Balcanes Occidentales // Real Instituto Elcano. 25.06.2021. — URL: realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari62-2021-milosevich-futuro-ampliacion-de-ue-en-balcanes-occidentales (date of access: 30.06.2021).
- Milosevich-Juaristi M.* La nueva estrategia de la UE para Rusia: un equilibrio de debilidad // Real Instituto Elcano. 07.05.2021. — URL: realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari53-2021-milosevich-nueva-estrategia-de-la-ue-para-rusia-un-equilibrio-de-debilidad (date of access: 27.06.2021).

- Ortega A.* EEUU — UE: convergencia política, divergencia económica. 06.04.2021. — URL: blog.realinstitutoelcano.org/eeuu-ue-convergencia-politica-divergencia-economica/ (date of access: 12.06.2021).
- Portugal com 45 mil milhões para transformar economia e sociedade em 10 anos // Portugal 2020. 21.07.2020. — URL: portugal2020.pt/content/portugal-com-45-mil-milhoes-para-transformar-economia-e-sociedade-em-10-anos (date of access: 21.06.2021).
- Presidência Portuguesa 1992 // Eurocid. — URL: eurocid.mne.gov.pt/portugal-na-europa/presidencia-portuguesa-1992 (date of access: 20.06.2021).
- Presidência Portuguesa 2000 // Eurocid. — URL: eurocid.mne.gov.pt/portugal-na-europa/presidencia-portuguesa-2000 (date of access: 26.06.2021).
- Presidência Portuguesa 2007 // Eurocid. — URL: eurocid.mne.gov.pt/portugal-na-europa/presidencia-portuguesa-2007 (date of access: 23.06.2021).
- Presidência Portuguesa 2021// Eurocid. — URL: eurocid.mne.gov.pt/portugal-na-europa/presidencia-portuguesa-2021 (date of access: 29.06.2021).
- Principles, Partnership, Prosperity: EU and India launch collaboration on sustainable connectivity // European Commission. 08.05.2021. — URL: ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_2327 (date of access: 22.06.2021).
- Recommendations from the members of the TEPSA network to the incoming Portuguese Presidency. Lisbon. November, 2020.
- Sendagorta F.* Estrategias de poder. China, Estados Unidos y Europa en la era de la gran rivalidad. Madrid. 2020.
- Sixteen EU countries denounce Hungary's new anti-LGBT law // Euronews. 25.06.2021. — URL: euronews.com/2021/06/22/thirteen-eu-countries-denounce-hungary-s-new-anti-lgbt-law (date of access: 28.06.2021).
- Tavares Bravo L.* As fichas de Portugal estão no Fundo de Recuperação Europeu // Jornal Economico. 16.07.2020. — URL: jornaleconomico.sapo.pt/noticias/as-fichas-de-portugal-estao-no-fundo-de-recuperacao-europeu-614324 (date of access: 03.06.2021).
- The Porto declaration. 8 May 2021 // European Council. — URL: consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/05/08/the-porto-declaration/ (date of access: 15.06.2021).
- União Europeia dá luz verde ao Certificado Digital COVID // Comunidade Cultura eArte. 14.06.2021. — URL: comunidadeculturaearte.com/uniao-europeia-da-luz-verde-ao-certificado-digital-covid/ (date of access: 23.06.2021).
- Wise P.* Pandemic reawakens Portugal's debt crisis trauma // The Financial Times. 29.12.2020. URL: ft.com/content/a26190fe-ed4b-47b6-be9b-f28c4b8b6d8d (date of access: 01.07.2021).

УДК 323/324; 327; 94

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-129-140

Элла ЗАДРОЖНЮК

Провокация во Врбетице: опасные повороты чешской нанополитики

Аннотация. Рассматривается громкая антироссийская кампания, запущенная большинством политической элиты и СМИ Чехии в преддверии парламентских выборов октября 2021 г., в ее внешне- и внутривнутриполитическом, экономическом, историческом и ментальном измерениях. Скандал вокруг давних событий во Врбетице трактуется как мегапровокация и агрессивное представление в рамках чешской нанополитики — концепта, введенного автором в предыдущих публикациях, посвященных анализу специфики политической жизни современной Чехии. Высказываются прогнозные суждения о перспективах внутривнутриполитической расстановки сил после выборов в чешский парламент и дальнейшего развития российско-чешских отношений.

Ключевые слова: Чехия, Чехословакия, Врбетице, мегапровокация, нанополитика, российско-чешские отношения, антироссийская кампания, психологические комплексы.

16 октября и 3 декабря 2014 г., незадолго до украинской «революции гидности (достоинства)», на складе вооружений близ небольшого чешского селения Врбетице, расположенного почти на границе со Словакией и недалеко от границ с Австрией и Польшей, прогремели два взрыва. В результате взрывов погибли два человека. Почти 7 лет спустя власти Чехии, наконец, «узнали», кто виноват в этом инциденте: спецслужбы России. Сенат (верхняя палата чешского парламента) назвал его актом «антигосударственного терроризма». Лидеры большинства партийных фракций в нижней палате (Палате депутатов) призвали к немедленным мерам против России. 17 апреля 2021 г. премьер-министр Андрей Бабиш санкционировал высылку 18 российских дипломатов — столько (и более) прежде позволяли себе высылать только американские и английские власти — и призвал другие страны выслать хотя бы по одному сотруднику российских дипломатических представительств. В ответ Россия 18 апреля объявила персонами нон грата 20 чешских дипломатов.

Президент Чехии Милош Земан призывал рассматривать и другие версии происхождения взрывов, но его осмотрительное суждение послужило всего лишь поводом к истерической активности большинства чешских СМИ. 15 июля 2021 г., то есть почти

Сведения об авторе: ЗАДРОЖНЮК Элла Григорьевна — ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, доктор исторических наук; tanyaslav@rambler.ru.

3 месяца спустя, А. Бабиш пообещал огласить полную версию событий в Врбетице, но к началу августа она так и не появилась.

Экс-президент В. Клаус поставил трудно опровергаемые точки над «i». 23 апреля он подметил: «То, что мы лаем на одну из мировых держав, — это то, чего я стыжусь, что меня удручает и отвращает от попыток что-то ещё делать в этой стране... Мы, то есть маленькая собачка, лаем на Россию, считая, что имеем за спиной мощные США и НАТО. Думаю, это вряд ли умная политика» [Klaus. *Česko štěká...*]. А 27 апреля он же заключил: «Весь казус Врбетице — это чешско-чешская предвыборная проблема» [Klaus. *Vrbětice...*].

В этих словах авторитетного 80-летнего политика, родившегося за три дня до нападения нацистской Германии на СССР и часто о том вспоминающего, лаконично обозначено главное — связь *внешнего и внутреннего* факторов, детерминировавших раскручивание громкой и масштабной провокации вокруг событий семилетней давности. Отдавая должное его пронизательности, стоит поразмышлять над тем, что же все-таки сподвигло страну в центре Европы, казалось бы, отличавшуюся на своем историческом пути *осмотрительностью*, пойти на столь эксцентричный шаг.

Антироссийская кампания, подхваченная большей частью политической элиты Чехии и чешскими СМИ, продолжается и вряд ли прекратится до назначенных на октябрь 2021 г парламентских выборов. Ее можно трактовать как своего рода агрессивное представление в рамках чешской нанополитики в ее внешнеполитическом измерении. Концепт нанополитики, впервые введенный нами на страницах журнала «Перспективы» [Задоржнюк. Четверть века...с. 81–95] для характеристики особенностей политической жизни современной Чехии, приложим и к анализу мегапровокации 2021 г. с ее контекстом.

Следует отметить, что провокация эта не возникла на пустом месте, а едва ли не целенаправленно завершила цепь событий, начало которых определяется сдвигом в политической активности разнородной правящей коалиции. В нее входят правоцентристское движение АНГ («Акция недовольных граждан 2011» — «недовольных» уже более 10 лет, прошедших со времени основания АНГ чешским миллиардером со словацкими этническими корнями А. Бабишем), левоцентристская Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) и условно поддерживающая правительство Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ). Отсюда и противоречивая внешнеполитическая линия правительства, которую можно охарактеризовать оксюмороном «агрессивная нанополитика». Действительно, правоцентристскому АНГ надо демонстрировать свой антикоммунистический профиль, социал-демократам — обвинять Россию в «грехах» СССР, а что делать в коалиции коммунистам, непонятно, возможно, даже им самим [Задоржнюк. Стабильные нестабильности... с. 134–157].

Активизация «агрессивной нанополитики» началась с китайского направления, когда в конце 2019 г. была объявлена торговая война с политической подоплекой. Пиком

стал визит председателя чешского Сената на Тайвань в конце августа — начале сентября 2020 г., что неизбежно переструктурировало все направления чешско-китайских отношений.

В год 75-летия окончания Второй мировой войны основной фронт провокаций сдвинулся в сторону России. Правда, этот вектор наметился еще в 2019 г. в ходе массовых демонстраций в связи с 30-летием Бархатной революции. Направлен он был в том числе против «кремлефила» и «экс-коммуниста» М. Земана и «агента спецслужб» А. Бабиша, а главным образом против их тандема — нанополитической инновации. За этим последовали:

- присвоение в конце февраля 2020 г. площади перед зданием посольства РФ в Праге имени «жертвы режима» Б. Немцова, с соответствующими информационными залпами, что особенно будоражило молодежь;
- свержение 3 апреля 2020 г. памятника освободителю Праги маршалу Ивану Коневу, сопровождаемое едва ли не шутовскими плясками вокруг этого события (шутовство — своеобразный фирменный знак провокаций по-чешски); инициаторами выступили партия ТОП 9 при одобрении мэра Праги из Партии пиратов [подробнее см.: Трухачев];
- последующая провокация с якобы ввезенным российским дипломатом ядом рикцин и необоснованные обвинения России в стремлении дестабилизировать политическую обстановку в Чехии; к провокации оказались причастными чешские госструктуры;
- открытие памятных мест, посвященных власовцам, и дискуссия о том, кто сыграл большую роль в освобождении Чехии: власовцы или военные части США, стоявшие в Пльзене (глава Сената М. Выстрчил отмечал дату освобождения Чехословакии именно там);
- в начале весны 2021 г. — обострение пандемии и неудачные попытки использовать против нее российскую вакцину.

Перечислено далеко не все, но уже складывается впечатление, что к провокации в связи со взрывами в Врбетице власти и СМИ подбирались шаг за шагом, по некоему неслучайному алгоритму, во многом задаваемому извне. Конечно, прямых указаний чешскому правительству или партийным лидерам предпринимать конкретные шаги могло не быть, по законам гибридной войны информационные сигналы возникали как бы спонтанно, а инициаторы соответствующих акций будто бы выражали чаяния всех чешских граждан. Услужливые агентства опросов общественного мнения и ангажированные СМИ не столько подхватывали, сколько инициировали такого рода сигналы.

В целом провокация 2021 г. стала новым ферментом брожений в стране и регионе на питательной почве русофобии. Она была устроена с предельно прозрачными целями, причем деструктивными для внешнеполитических позиций и экономических приоритетов Чехии. Фермент новый, а комплексы старые — в частности, *комплекс жертвы*, связанный с событиями 1938 г. и затем 1968 г., и появившийся в посткоммунистическое время *комплекс первого ученика*.

Что имеется в виду? В одной из пьес Е. Шварца («Дракон», 1942–1944 гг.) есть примечательный диалог. В ответ на вопрос о склонности к провокациям наделенный властными полномочиями герой-бургомистр отвечает: меня-де так учили. (Вот и сегодняшний бургомистр Праги довольно странно отнесся к свержению памятника ее освободителю от фашизма).

Сегодняшнему «ученику» (чешской политической элите) извне (Западом, прежде всего США) была поставлена двойная задача: а) накалить *политическую* обстановку в стране, чтобы б) достичь *экономических* целей — отмены поставок российской вакцины и оттеснения России от завершения строительства АЭС «Дукованы». По мнению ряда аналитиков, при этом решалась и побочная задача: отвлечь внимание от событий в Белоруссии.

Помещая антироссийскую кампанию в связи со взрывами в Врбетице в широкий исторический контекст, правомерно задуматься над вопросом: что демонстрирует пример Чехословакии (и Чехии) как застрельщицы многих политических инициатив? Ведь именно эта страна была и является неким начальным пунктом самых разнонаправленных политических процессов, что можно объяснить, в частности, присущими чешской ментальности психологическими *комплексами*.

Пройдемся по значимым для истории страны датам (в основном завершающимся цифрой 8), которые отчасти объясняют феномен самопозиционирования Чехословакии/Чехии в качестве носителя и защитника высоких идеалов, не считающегося с самопожертвованием.

1918 г. Опыт по созданию многонационального и одновременно демократического государства, казалось, удался, заслужив, в частности, похвалы президента США В. Вильсона и его преемников. (Именем В. Вильсона в 1918 г. был назван главный вокзал Праги, а в 1928 г. ему был воздвигнут памятник, снесенный немцами в 1941 г. и восстановленный в 2011 г.). Но внутри Чехословацкой Республики оказалось то меньшинство, которое послужило одним из главных ферментов разрушения не только этого государства, но и всей Версальской системы — немецкое. У чехов, символизируемых тогда фигурой Т.Г. Масарика, доминировал *комплекс создателя* государства разных народов на началах демократии и взаимопонимания.

1928 г. Страна достигла высоких экономических показателей и уровня жизни не только в своем регионе, но и в мировом масштабе, войдя в десятку, а то и пятерку лидеров по уровню развития. На первый план вышел своеобразный *комплекс победителя* в сфере экономики. В итоге из-за наступившего экономического кризиса к 1933 г. в стране резко снизилось промышленное производство; безработица по сравнению с 1929 г. выросла в 27 раз, а у 160 тыс. крестьянских хозяйств за долги было конфисковано и распродано с молотка имущество [Бадак, Войнич, Волчек].

1938 г. Начало формирования еще одного комплекса — *комплекса трудящейся жертвы*, но жертвы все же сытой. Нацистские власти берегли чехов как высококвали-

фицированную рабочую силу и умело использовали ее в качестве своего рода колоннов (зависимых крестьян в Римской империи), внешне свободных и не военнообязанных. Чехи поставляли качественную продукцию для нужд фронта, прежде всего мощные танки; менее квалифицированные словаки (заодно с венграми и румынами) принуждены были воевать.

1948 г. Чехословакия в феврале демонстрирует неуживчивость демократии и социализма, при этом вряд ли следует преуменьшать роль рабочего класса, который пошел за коммунистами. Образовался *еще один комплекс трудящейся жертвы*, теперь — жертвы во имя коммунизма. Что касается процессов сталинизации, чехи опять выступили в роли тех же «колоннов», осуществляя помощь в индустриализации сопредельных стран. Остается припомнить два мало отвечающих идеальному образу чехо-демократов момента: во-первых, процессы сталинизации продолжались в Чехословакии даже после смерти Сталина (достаточно вспомнить казнь Р. Сланского и других коммунистов); во-вторых, в 1960 г. А. Новотный объявил Чехословакию «социалистической республикой».

1968 г. Чехословакия становится страной зарождения «социализма с человеческим лицом». «Лицо» это было амбивалентным: с одной стороны, оно имело облик еврокоммунизма, с другой — в нем проявились черты антикоммунизма с соответствующими обременениями консервативного характера. Итог — *комплекс жертвы во имя идеи*. Если в 1938 г. за Чехословакию не смог вступить Восток, хоть и препятствовал политике «Дранг нах остен» «ближнего» Запада (Запад «дальний» просто умыл в Мюнхене руки), то в 1968 г. Запад не препятствовал активно «доктрине Брежнева».

1977 г. Время создания Хартии 77 как принципиально нового фермента социальных изменений, при этом питательной средой для него являлся Запад, который и не стремился этого скрывать. Так, в 1989 г. вышел том переписки госдепартамента США с американским послом в Праге, где свидетельств тому более чем достаточно [Задоржнюк. «Бархатная» революция... с. 44–56.]. Одним из создателей и лидеров Хартии 77 — а заодно *индивидуальной жертвой мирового масштаба* — стал Вацлав Гавел. Он же оформил метафорические концепты «неполитической политики» и «власти безвластных», которые, при всей их несурразице, в дальнейшем послужили ферментом «цветных» революций во многих регионах мира.

Наконец, 1989 г. — время Бархатной революции с ее *комплексом «возвращения в Европу»*. Заметим, что Чехия никогда из Европы не выходила — при всех неудобствах ее нахождения, к примеру, в составе Австро-Венгрии или нацистской Германии либо в статусе наиболее развитого государства Организации Варшавского договора.

«Роковая восьмерка» в значимых датах отслеживается и после 1993 г. в истории уже независимой Чехии, хотя и не столь рельефно. В частности, 1998 г. ознаменовался соглашением двух ведущих партий-антагонистов: правоцентристской Гражданской демократической партии (ГДП) и левоцентристской Чешской социал-демократической

партии (ЧСДП) — которые перед вхождением Чехии в военно-политический блок НАТО осмотрительно заключили «Оппозиционный договор». Тут с долей условности можно говорить скорее о *комплексе осмотрительности в духе нанополитики*: идейные сражения между партиями отличались беспощадностью, а вот практические решения в экономике и политике — взаимоприемлемостью и даже эффективностью. Своеобразным идеологическим фоном такой политики служил гавелизм, включая бесчисленные ламентации тогдашнего президента страны, окрашенные русофобией.

Пропустим 2008 г., хотя и он небезынтересен борьбой В. Клауса за пост президента: трудности в процессе его избрания парламентом были столь сложны и одновременно нелепы, что вопрос о новой форме голосования стал безотлагательным. Решение о всенародных выборах главы государства наводит на мысль о своеобразном *комплексе возврата демократии*.

2017 г. — время прихода к власти бабишевского АНГ — своего рода аналога Гражданского форума. Выборы прошли 20–21 октября, а вот правительство утвердили лишь 12 июля 2018 г., благодаря Коалиционному договору движения-победителя с социал-демократами и своеобразному морганатическому браку с коммунистами (что отличало данное соглашение от Оппозиционного договора 1998 г.). С некоторой долей условности можно опять-таки говорить о параметрах *осмотрительной нанополитики*.

Но вернемся к ситуационному ракурсу. Какую роль, с учетом сказанного выше, играет рассматриваемая нами мегапровокация вокруг событий в Врбетице? Во-первых, она провела черту между революционным и постреволюционным поколениями высшей политической элиты страны. К первому относятся В. Клаус и М. Земан. Второе представляют А. Бабиш, Я. Гамачек, а также политики, возглавившие в последние годы ГДП и Партию пиратов, не говоря уже о деятелях фундаментально русофобской партии «Традиция, Ответственность, Процветание 09» (ТОП 09), постоянно вменяющих России грехи СССР, за которые она не может быть в ответе в принципе¹.

В правящем же движении А. Бабиша решили, видимо, что если нельзя побороть соответствующие тенденции, то, по старым рецептам, нужно их возглавить. Нельзя не учитывать, что к власти рвутся новые постреволюционные элиты (коалиция Партии пиратов и СТИН («Старосты и независимые»), а также коалиция «Вместе», объединяющая три оппозиционные партии). Опросы весны 2021 г. показали, что они опередили АНГ по популярности. Правда, опрос агентства Median в июне 2021 г. все же вывел АНГ на первое место (26%), однако конкуренты следовали с небольшим отставанием: Партия пиратов и СТИН — 21,5%, коалиция «Вместе» — около 20% [ANO sevgaci...].

1 Трухачёв В. Чехия: неоднозначное прошлое как часть текущей политики // Перспективы. Электронный журнал». 2020. №1 (21). С. 82–96. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/998/1_2020_3_82_96.pdf (Сноска редакции).

Во-вторых, удалось переформатировать сознание молодежи. Здесь немалую роль сыграло преклонение перед Западом, но сказались и собственные традиции: истолковывать политику в духе нового варианта швейковщины — без вдумчивости, осмотрительности и элементов трагизма, присущих герою романа Я. Гашека. Это явилось благодатной почвой для манипуляции общественным сознанием, свидетельством чему стали перформансы вокруг памятника маршалу Коневу. Так, молодые чехи демонстрировали «уважение» к маршалу, размещая его полукарикатурные портреты в разных местах.

Акции такого рода чередуются с «академическими» методами. После участия в действиях в духе бездумного комизма некоторые участники возвращаются в учебные аудитории и библиотеки и готовят дипломные и магистерские работы по политологии и истории. В их названиях регулярно упоминается «гибридная война России против Чехии», а ссылки ограничиваются в основном англоязычными источниками. Причем стоит обратить внимание на постепенное изменение формулировок: если в 2017 г. в Брно был успешно защищен дипломный проект «Гибридная война России против Чешской Республики: реальность или фикция?», то, например, в дипломе, защищенном в 2020 г. в Пльзене, вопрос ставился уже по-другому: «Россия и гибридная война: является ли гибридная война приоритетом российской внешней политики?». Русскоязычных источников при этом как будто не существует. При таком подходе легко и маршала И. Конева представить не освободителем, а завоевателем Праги, и современной России приписать намерение завоевать чешскую столицу. Чехия становится полем эксперимента по переформатированию сознания молодежи, подобного тому, который во многом успешно был осуществлен на Украине.

В-третьих, нельзя не отметить безудержность провокационных действий, особенно опирающихся на СМИ. Уже вокруг свержения памятника маршалу И. Коневу и последовавшего шлейфа событий газеты создали такую атмосферу скандальности, в которой потонули и борьба с коронавирусом, и перспективы развития атомной энергетики. За ширмой этой медийной кампании проглядывали карьерные амбиции постреволюционных политиков, например, М. Коуделки, чьи притязания на генеральское звание сдерживаются президентом М. Земаном, или сына экс-посла Чехии в РФ П. Коларжа О. Коларжа (члена президиума ТОП 09) — выразителя «гласа народного», якобы требовавшего сноса памятника Коневу. Не гнушаются такого рода действий и политики в рядах «Пиратов», чьи позиции отличаются провокационностью и одновременно наигранно комедийной стилистикой.

Представим в жанре моментального снимка панораму позиций чешских СМИ (весной и летом 2021 г.) в связи с провокацией вокруг Врбетице. Примером доминирующей антироссийской линии может служить издание Forum 24. В одной из типичных для него статей выдвигался тезис, что после предстоящих осенью 2021 г. выборов отношения с Россией окончательно примут новый, сугубо конфликтный характер, что следует меньше думать об экономических выгодах и больше о политических приоритетах, усиливать контакты с демократическими силами внутри России, ужесточать санкции и т.д.

[Kurfürst]. Примерно то же и едва ли не теми же словами говорил В. Гавел на исходе своей политической карьеры [Задоржнюк. Вацлав Гавел... с. 13–29]. Однако напора у СМИ данной направленности куда больше.

Более умеренной линии (даже в сравнении с позицией ее владельца премьера А. Бабиша) придерживалась газета *Mladá Fronta Dnes*. Например, в выпуске 27 апреля 2021 г. отмечалось: в оценке инцидента со взрывами «первое слово должно принадлежать разведке, а уже второе — журналистике» [Drulák]; в случае с Врбетице этот порядок нарушен, а дружеское похлопывание по плечу чешских лидеров властями США — не столь уж большая компенсация.

Некоторые издания, как *Časopis argument*, стремились апеллировать к здравому смыслу, ставя вопрос о том, кому выгодно ухудшение отношений с Россией, и отмечая, что даже «фанатически русофобская часть чешской стороны» попыталась дать задний ход после внесения Москвой Чехии в список «недружественных государств». По мнению интернет-издания, требования о возмещении ущерба от взрывов во Врбетице «придумывают» на берегах Темзы и Потомака и такое решение «чешского вопроса» является самоубийственным для Чехии [Šebestík].

В этой связи имеет смысл обратить внимание на то, как освещалась тема Врбетице в английской «Таймс». Проводя параллели между инцидентом 2014 г. в чешском селеении и событиями 2018 г. в Солсбери в логике «хайли лайкли», газета аттестовала заявления М. Земана как «акции коварного и хитроумного политика», припоминая, что президент неодобрительно отзывался о свертывании торговли сначала с Китаем, а затем с Россией. (Заметим, что деградация экономических связей страны со столь важными партнерами должна была бы беспокоить пришедшего в политику из бизнеса премьера А. Бабиша, но...). «Я не понимаю, как звучит голос чешской внешней политики и кто ее представляет», — цитировала «Таймс» однозначно прозападного чешского политика К. Шварценберга [Gosling].

Один из ответов на вопросы о разногласии в чешском руководстве содержался в статье чешской газеты *Hlávkův týdeník*. Из нее следовало, что действия, подобные провокации вокруг взрывов в Врбетице, заказывают отнюдь не чешские политики, манипулируя местными спецслужбами и журналистами [Kojzar]. В другой публикации того же издания отмечалось, что за инцидентом во Врбетице стоит «глупый сценарий», заимствованный как под копирку из событий в Солсбери [Hořeni].

Летом 2021 г. антироссийский сегмент чешских СМИ не только продолжал задавать тон, но и перешел все мыслимые границы. Главный редактор издания *Fořum 24* П. Шафр в статье от 15 июля писал, что «русская форма фашизма — не только ультранационалистическая, но и религиозная», и утверждал, что «российскими агентами проводятся десятки, если не сотни подрывных операций» [Šafr]. Доказательства? Пусть-де их приводят сами русские. Тут невольно вспоминается вольноопределяющийся Марек из романа Гашека (глава «Приключения Швейка в Кираль-Хиде»). Случайно став редакто-

ром журнала «Мир животных», Марек придумывал для повышения тиража несуществующих зверей. В числе изобретенных им сенсаций — «сернистый кит», якобы вырабатывающий особую «китовую кислоту», некий «благун продувной» из семейства кенгуру и «блоха инженера Куна». Споткнулся он на птицах: вырезал из английского журнала картинку, изображавшую сойку, сидевшую на ореховом дереве: «Я назвал ее «ореховкой»...». Заварилась каша, издатель журнала умер после разоблачений выдумок, а Марек меланхолично заметил: каждый может попасть в щекотливое положение, человеку свойственно ошибаться. Следы целой стаи таких «ореховок» (прилетающих, как и измышленная Марекон птица, в основном из Англии) постоянно отыскиваются на страницах сегодняшних чешских СМИ.

Крупная провокация 2021 г. вокруг взрывов в Врбетице отличается новизной еще в одном ракурсе. Вплоть до конца XX в. провокации были завершением некоего взаимного давления стран и блоков друг на друга. Это касается, к примеру, выстрела в Сараево в 1914 г. и инцидента в Гляйвице в 1939 г. (годом ранее при захвате Чехословакии нацисты обошлись ссылкой на «волю немецкого народа», якобы притесняемого чехами; их примеру последовали поляки в отношении Тешинской области и венгры в отношении южной Словакии). Теперь их, похоже, сменяют провокации «на всякий случай», в расчете на то, что они могут послужить ферментом желаемых изменений.

Черта между этими двумя разновидностями провокаций была проведена именно в Чехословакии в ходе инсценированной смерти студента М. Шмида осенью 1989 г. (нами довольно детально описывался этот казус) [Чехия и Словакия... с. 264, 324, 326]. И анализ инцидента в Врбетице может лишь подчеркнуть релевантность вывода о том, что Чехословакия/Чехия вольно или невольно является местом осуществления подобного рода провокаций с присущей им «чистотой» эксперимента. Мы описывали также ситуацию с подобием революций, отмечая, что носящая в чем-то фарсовый характер Бархатная революция (с переодеванием агента спецслужб Зифчака в «жертву режима») может рассматриваться как побудительный прецедент крупномасштабной кровавой провокации в ходе украинской «революции достоинства» [Задоржнюк. Провокации...с. 181–201]. Примечательно, что теперь Чехия, в свою очередь, импортирует украинские революционные технологии, придавая им оттенок нанополитики. Здесь и свержение памятников, и неприятие российской вакцины, и отказ от модернизации АЭС. Надо сказать, что две последние акции у широких слоев осмотрительных чехов одобрением не пользуются, тем более на фоне Германии, не пренебрегшей шансом по использованию российских энергоресурсов.

Провокации часто дорого обходятся тем, кто их непосредственно осуществляет. Чехии в очередной раз приходится разочароваться в полунапрасной жертве: по проторенному ею пути не пошли не только западные государства, но и соседние центральноевропейские страны: они не стали высылать дипломатов десятками. На наш взгляд, кампания вокруг инцидента во Врбетице могла быть связана с подготовкой июньской встречи В. Путина и Дж. Байдена в Швейцарии. Чехии, если исходить из этого сценария, пришлось взять на себя роль застрельщика масштабной антироссийской кампа-

нии, призванной поднять ставки США на готовящихся переговорах. Эпилогом же, на фоне результатов российско-американского саммита, стало «провисание» Чехии как серьезного политического игрока и надежного экономического партнера (примерно то же происходит с Украиной, но с еще более трагическими для этой страны последствиями). В этом смысле крутой реверс чешской нанополитики оказался бесплодным — если не считать рвущихся якорных цепей чешско-российских отношений.

Ряд представителей осмотрительной чешской элиты заговорили об этом достаточно внятно, в чем-то напоминая бывшего премьер-министра Болгарии Б. Борисова. Когда в начале 2000-х годов намечалось строительство «Южного потока» для поставок российского газа через Европу в Болгарию, в эти планы бесцеремонно вмешался американский сенатор Дж. Маккейн, который прибыл в страну и едва ли не окриком вынудил болгарское правительство отказаться от проекта. Позднее Б. Борисов признал ошибочность этого шага и даже просил на встрече с В. Путиным прощения у «старшего брата» (употребив эти слова буквально). Чешские политики сетуют по поводу включения Чехии в список недружественных государств наряду с США: вроде бы и почетно, но неуютно. И все же их пожертвовавшее осмотрительностью большинство вряд ли будет выражаться с такой степенью откровенности. Но в том, что многие начнут задумываться над отдаленными последствиями своих нанополитических шагов, сомневаться не приходится.

События 2021 года можно трактовать и как месть А. Бабишу за его союз с социал-демократами и — даже коммунистами. Каковы теперь шансы АНГ на грядущих парламентских выборах? Легче всего сказать, что они низки. При этом нельзя не вспомнить казус чешской нанополитики, относящийся к 1998 г.: партии В. Клауса предрекали полный разгром, она же не только устояла как ключевая политическая сила, но и стала участником Оппозиционного договора. Оппозиция, протестные движения, в основном молодежные, СМИ могут добиться при сочетании своих усилий многого, но не всего.

Массовые настроения в стране оказались отравленными иррациональной русофобией. В то же время Чехия опередила Запад в рецепции социальных бед: никто не ожидал в стране столь высоких показателей пандемии. Отсюда истерические метания между Спутником V и другими решениями, способствующие появлению еще одного комплекса — комплекса обиженного.

Как представляется, АНГ все же может устоять, особенно если премьеру А. Бабишу в очередной раз удастся использовать «недовольство граждан». Это вполне возможно для такого искусного политического манипулятора, как он, умеющего переложить вину за неудачи на противников и союзников. Во всяком случае, в ряду весомых политиков он останется, подобно В. Клаусу и М. Земану. В пользу отправки А. Бабиша в политическое небытие (подобно тому, как он сам отправил одного из своих предшественников П. Нечаса, обвинив его в коррупции) доводов меньше, чем в пользу его удержания на плаву в чешской политике.

Всеобщее одобрение высылки российских дипломатов со стороны Запада длилось в течение недель. Деструктивные же последствия разрыва чешско-российских связей растянутся на годы. Хочется обратиться к реплике из пьесы Шварца, обращенной к уже упоминавшемуся бургомистру: «Но зачем же ты оказался первым учеником?» На этот вопрос с какой-либо внятностью ответить сегодня очень трудно.

Есть ли выход из кризиса российско-чешских отношений? В то, что его контуры обнаружатся по итогам осенних выборов в нижнюю палату парламента Чехии, верится с трудом — учитывая общий расклад политических сил в стране. Наверное, придется ожидать воздействия факторов более длительных, предполагающих возвращение к здравому смыслу, присущему таким чешским политическим деятелям, как нынешний президент М. Земан и экс-президент В. Клаус. Возможно, не без оглядки на их авторитет нынешний посол Чехии в России решил выразить уважение стране, уничтожившей нацизм, приняв участие в праздновании 76-летия Победы.

Литература

- Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н.М. Всемирная история. Канун Второй мировой войны. М. 2002.
- Задорожнюк Э.Г. «Бархатная» революция в Чехословакии глазами американских дипломатов // Славяноведение. 2006. № 6. С. 44–56.
- Задорожнюк Э.Г. Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи // Славяноведение. 2012. № 5. С. 13–29.
- Задорожнюк Э.Г. Провокации в «цветных» революциях: обнаженность приема // Провокация: экспертное измерение / Отв. ред. А.В. Дмитриев. М. 2017. С. 181–201.
- Задорожнюк Э.Г. Четверть века политической истории Чехии: стабильность через «осмотрительную» нанополитику // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 3 (23). С. 81–95. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/1a3/3_2020_1_81_95.pdf (дата обращения: 13.09.2021).
- Задорожнюк Э.Г. Стабильные нестабильности: чешский политический ландшафт восьмого электорального цикла // Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы / Отв. ред. Л. Н. Шишелина. М. 2021. С. 134–157.
- Трухачев В.В. Памятник маршалу Коневу как жертва чешских противоречий по России // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 гг. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М. 2021. С. 197–210.
- Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Т. 2. М. 2005. С. 264, 324, 326.
- ANO sevrací dovedení, Pirátisestupují nadruhé místo. Median. Sněmovní volební model. Červen 2021 // Median. — URL: median.eu/cs/?p=2567 (date of access: 11.07.2021).
- Drulák P. Ukvapené české vyhošťování. Kdo na kauze Vrbětice vydělal? // Mladá Fronta Dnes. — URL: idnes.cz/zpravy/domaci/vrbetice-cesko-rusko.A210426_191356_domaci_kzem (date of access: 30.04.2021).
- Gosling T. «Schizophrenic» Czech Republic keeps East and West guessing // The Times. — URL: [thetimes.co.uk/article/schizophrenic-czech-republic-keeps-east-and-west-guessing-k2trrsm0g](https://www.thetimes.co.uk/article/schizophrenic-czech-republic-keeps-east-and-west-guessing-k2trrsm0g) (date of access: 15.06.2021).

- Hoření M.* USA mají Ukraínu pod kontrolou. Rozhovor s publicistou V. Divišem // Haló noviny. — URL: halonoviny.cz/articles/view/55660185 (date of access: 25.06.2021).
- Klaus V.* Česko štěká jako ratlík, načasování Vrbětic není náhoda a Kulhánek je kdo? Rozhovory. 23.04.2021.
- Klaus V.* Vrbětice jsou česko-český předvolební problem // Frekvence 1. — URL: frekvence1.cz/radio/zaznamy-poradu/press-klub/vaclav-klaus-vrbetice-jsou-z-nebe-spadla-predvolebni-kausa.shtml (date of access: 30.04.2021).
- Kojzar J.* Jedním z důsledků kauzy Vrbětice je to, že o politice u nás nerozhodují politici. Rozhovor Haló novin se sociologem a politologem profesorem Janem Kellerem // Haló noviny. — URL: halonoviny.cz/articles/view/55459846 (date of access: 11.06.2021).
- Kurfürst J.* Desatero východisek pro diskuzi o budoucnosti česko-ruských vztahů. 23.6.2021 // Forum 24. — URL: forum24.cz/desatero-vychodisek-pro-diskuzi-o-budoucnosti-cesko-ruskych-vztahu/ (date of access: 27.06.2021).
- Šafr P.* Putine, ruče pryč od Česka! Koncertem a debatami chceme dát najevo, že suverenitu Česka je třeba bránit // Forum 24. — URL: forum24/putine-ruce-pryc-od-ceska-koncertem-a-debatami-chceme-dat-najevo-ze-suverenitu-ceska-je-treba-branit/ (date of access: 20.07.2021).
- Šebestík J.* Na špatných vztazích ČR s Ruskem musí mít někdo zájem. Komentáře. 17.7.2021 // Časopis argument. — URL: casopisargument.cz/?p=36933 (date of access: 20.07.2021).

В КРУГЕ БЛИЖНЕМ

УДК 93/94(477)

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-142-158

Антон Крутиков

«Часть депутатов колебалась до последнего момента». На пути к украинской независимости

Аннотация. Вынужденный союз украинских националистов и партийно-хозяйственной номенклатуры в августе 1991 г. оказался одним из ключевых факторов провозглашения независимости Украины. Украинский политический класс смог сохранить свою монолитность, что отразилось на декоративном и преимущественно формальном характере изменений, произошедших в стране после 1991 г. Вместо глубокой трансформации политической системы и структуры власти украинское общество получило практически прежний набор институтов, практик и акторов. Личные интересы представителей украинских элит, руководимых инстинктом самосохранения, играли при этом решающую роль.

Ключевые слова: Украина, УССР, СССР, путч ГКЧП, партийная номенклатура, украинские элиты, украинская независимость, украинский национализм.

Как ни странно, самостоятельное украинское государство во многом обязано своим появлением неудачной попытке военного переворота, более известного как «путч ГКЧП». Формальным поводом для его начала послужило недовольство высшего руководства СССР проектом нового Союзного договора, подготовленного при М.С. Горбачеве, подписание которого было намечено на 20 августа 1991 г.

Договор предусматривал создание обновленной федерации равноправных суверенных республик на основе бывшего СССР — Союза Суверенных Государств. Согласно выступлению президента СССР М.С. Горбачева по телевидению 3 августа 1991 г., желание присоединиться к новому союзу высказали 11 республик из 15, в том числе Украинская ССР. Окончательная редакция договора, выработанная в рамках так называемого новоогаревского процесса, была опубликована в газете «Правда» 15 августа и вызвала неоднозначную реакцию в обществе.

На 20 августа было намечено подписание Союзного договора первыми участниками — РСФСР, Казахской ССР и Узбекской ССР. Через некоторое время к ним должны были присоединиться представители и других республик.

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, внештатный эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, bialyorzcel1000@gmail.com.

Советская Украина сохраняла позицию осторожного оптимизма в отношении будущего союзного государства и планировала рассмотреть проект договора до 15 сентября 1991 г. Верховный Совет УССР принял постановление, согласно которому проект следовало проверить на соответствие Декларации о государственном суверенитете Украины (принятой 16 июля 1990 г.) и закону об экономической самостоятельности УССР. Украинское руководство стремилось к экономической самостоятельности республики, но было совершенно не готово к полному разрыву политических связей с союзным центром.

Следует отметить, что незадолго до августовских событий, на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. более 70% украинских граждан высказались за сохранение Союза ССР [Об итогах референдума СССР...]. Однако имелись и нюансы. На мартовском референдуме украинскому избирателю предлагались два вопроса. Первый был сформулирован одинаково для всех союзных республик, принявших участие в голосовании: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» [Референдум 17 марта...] Эту формулировку поддержали 70,2% избирателей. Одновременно по инициативе украинского Верховного Совета в УССР был проведен республиканский консультативный опрос, на котором граждан спрашивали: «Согласны ли вы, что Украина должна быть в составе Союза Советских суверенных государств на основе Декларации о государственном суверенитете Украины?» [Там же] Позитивно на этот вопрос ответили более 80% опрошенных.

Нетрудно заметить, что по смыслу второй вопрос не только не совпадал с вопросом всесоюзного референдума, но даже противоречил ему. Таким образом, в результате референдума и опроса общественным мнением в УССР были легитимированы две совершенно разные формы союзного государства. Одна из них предполагала «обновление» действующего Союза ССР, а другая — создание принципиально нового государственного образования, Союза Суверенных республик. Кроме того, летом 1991 г. набирала силу общественная кампания против подписания нового союзного договора, объединявшая трудовые коллективы, студенческие организации и националистические группы. Все это осложняло положение украинских политических элит, оставляя открытым вопрос о будущем Украины в обновленном союзе. Руководство Верховного Совета УССР, состоявшее исключительно из коммунистов, не желало форсировать новоогаревский процесс, так как еще не было готово к радикальным изменениям политической конфигурации власти в республике. Украинская номенклатура стремилась оттянуть подписание документа об обновленном СССР до получения надежных гарантий своей экономической независимости.

К 15 сентября 1991 г. рабочая группа украинского Верховного Совета, возглавляемого 57-летним членом ЦК КПСС Л.М. Кравчуком, должна была детально рассмотреть проект нового договора и представить свои замечания и предложения. УССР намеревалась подписать договор одной из последних — лишь 22 октября.

Однако этим планам не суждено было сбыться.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 г. представители руководства СССР, несогласные с политикой реформ М.С. Горбачева, создали Государственный Комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР). 19 августа 1991 г. через СМИ было объявлено о создании ГКЧП, о введении чрезвычайного положения в Москве, приостановлении деятельности политических партий и организаций. В Москву были введены верные ГКЧП войска.

Власти УССР заняли выжидательную позицию. Киев получал противоречивые сообщения о событиях в Москве и в Форосе лишь из средств массовой информации. Этого оказалось явно недостаточно для выработки самостоятельных решений. Единственным представителем ГКЧП в Киеве в этот момент был генерал В.И. Варенников, Главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель главы Минобороны СССР. Рано утром 19 августа генерал Варенников прилетел в столицу республики и вел переговоры с украинским руководством. По его словам, он встретил в Киеве достаточно благожелательный прием, а украинские лидеры не собирались оказывать планам ГКЧП никакого противодействия.

«У меня состоялись встречи, — вспоминал Варенников, — с председателем Верховного Совета Кравчуком, первым секретарем ЦК КПУ Гуренко, первым заместителем председателя Совмина Масиком. Я предложил создать оперативную группу из числа высокопоставленных офицеров армии, КГБ и МВД, которая собирала бы информацию обо всем, что происходило в республике, и докладывала эту информацию руководству. Масик доложил на Президиуме Верховного Совета Украины это предложение, и все проголосовали 100% «за» создание такой оперативной группы. Леонид Кравчук со всем этим согласился ... Кравчук не только ни единым словом не высказался против введения чрезвычайного положения, наоборот, — просил меня как можно скорее прислать ему документы ГКЧП, чтобы он мог ими руководствоваться в своей работе» [Варенников Неповторимое...].

Вечером 19 августа у В.И. Варенникова состоялась встреча с первым секретарем ЦК Компартии Украины С.И. Гуренко. Последний входил в состав Военного совета Киевского военного округа и являлся ключевой фигурой среди украинского руководства. Варенников рассчитывал на поддержку Военного совета КВО, состоявшего, по его словам, из «высокоподготовленных генералов». Это было необходимо для эффективного контроля ситуации в республике, так как прямое использование войск, в том числе и по «московскому сценарию», не исключалось. Однако начатый за дружеским ужином разговор не привел к конкретным решениям. Руководство республики, включая самого Гуренко, было деморализовано и находилось «под тяжелым впечатлением проведенной в Москве пресс-конференции» ГКЧП [Там же]. Трансляцию пресс-конференции посмотрели тогда около 150 млн человек, причем дрожащие руки вице-президента СССР Г.И. Янаева стали позднее одним из наиболее узнаваемых символов неудавшегося переворота. Шесть утомленных мужчин в одинаковых серых костюмах вовсе не выгляде-

ли уверенными в себе национальными лидерами, готовыми принять ответственность за судьбу страны.

Тем временем оперативная группа в Киеве начала свою работу. Вечером 19 августа последовали первые доклады офицеров МВД и КГБ об обстановке в республике Верховному Совету, правительству и ЦК компартии Украины. Никаких признаков общественного недовольства, политических волнений либо акций протеста не отмечалось. «Собирая информацию по Украине, — вспоминал В.И. Варенников, — я видел, что во всех областях республики, в том числе и на западе Украины, все тихо и спокойно. Народ не проявляет никакого напряжения, нет и признаков волнения, но чувствуется, что люди насторожены. Однако жизнь идет своим чередом — все учреждения и предприятия работают, пульс жизни как обычно. В средствах массовой информации выступил Л. Кравчук и призвал народ к спокойствию, что возымело свое действие» [Там же].

Украинская элита, таким образом, решила не проявлять инициативы, послушно выполняя указания представителя ГКЧП. Руководство УССР избрало выжидательную тактику, ожидая развязки поразившего страну политического кризиса. Сыграла свою роль и многолетняя привычка ориентироваться на союзный центр в принятии решений, причем роль самопровозглашенного ГКЧП и его лидера, вице-президента Г.И. Янаева, никак не оспаривалась. По словам участника и очевидца событий, бывшего народного депутата СССР А.А. Ярошинской, «в те дни ни Кравчук, ни Масик с Гуренко никак не могли даже предположить, что через три дня вся эта грозная затея рухнет под напором Ельцина и его правительства» [Ярошинская, Украина...].

Миссия генерала В.И. Варенникова в украинской столице была скоротечной. «20 августа министр обороны СССР вызвал меня из Киева в Москву, чтобы помочь навести порядок», — указывал генерал в своих воспоминаниях [Варенников Неповторимое...]. Украинская властная верхушка оказалась предоставлена самой себе.

Следуя указаниям Варенникова, 19 августа председатель Верховного Совета УССР Леонид Кравчук выступил по национальному телевидению и призвал сограждан сохранять спокойствие и порядок и «не делать поспешных выводов» из происходящего. Тот факт, что Л.М. Кравчук, в отличие от Б.Н. Ельцина, не стал центром сопротивления режиму ГКЧП с первых же часов его существования, достаточно часто ускользает от внимания историков. Однако в этом заключалась одна из особенностей событий августа 1991 г. на Украине — местная элита в течение долгого времени хранила молчание и предпочитала не высказываться по поводу происходивших в Москве событий.

Крайне обтекаемым и неопределенным оказалось и заявление Президиума Верховного Совета УССР, принятое после почти двухдневной дискуссии лишь вечером 20 августа и опубликованное 22 августа. Предлагалось сделать все, чтобы избежать дестабилизации положения и обострения социально-политической ситуации, воздержаться от забастовок, митингов и шествий (как того и требовал ГКЧП), успешно провести весь комплекс сельскохозяйственных работ и подготовку к зиме. Под давлением демокра-

тических сил было лишь внесено положение, что постановления ГКЧП «не имеют юридической силы на территории Украины».

Однако расстановка сил в высшем представительном органе УССР лишь формально складывалась в пользу наиболее консервативных и просоветских элементов украинской политической системы. Оппозиционные депутаты, представленные группами «Народного Руха Украины» (15 мандатов, лидер Вячеслав Черновол) и «Народной Рады Украины» (депутатская фракция, созданная в 1990 г., 125 мандатов, лидер — академик Игорь Юхновский) выступили с резкой критикой ГКЧП.

Собравшиеся 19 августа в здании Союза писателей УССР в Киеве депутаты «Народной Рады» негативно оценили бездеятельность и безликие заявления председателя ВС. Депутаты требовали немедленного созыва чрезвычайных сессий Верховного Совета и местных Советов, проведения референдума о независимости Украины, призывали граждан к неповиновению. На следующий день на заседании «Народной Рады» образовалась коалиция «Независимая демократическая Украина», которая объединила 27 партий и движений. Она признала переворот ГКЧП антиконституционным, арест Президента СССР — преступлением, призвала народ к забастовкам и к акциям гражданского протеста.

С отдельным заявлением выступил «Народный Рух Украины». В нем, в частности, отмечалось, что «образованный внеконституционный орган власти — Государственный Комитет по чрезвычайному положению в Москве является незаконным и его решения не могут иметь юридической силы в Украине; движение не признает ГКЧП и не считает его решения обязательными для себя» [Заявление Народного Руха Украины...]. С аналогичным обращением к Верховному Совету и народу Украины выступил Украинский студенческий союз. Республиканский штаб «Руха» и Всеукраинский забастовочный комитет начали подготовку бессрочной всеукраинской забастовки, намеченной на 21 августа. Председатель «Союза офицеров Украины» полковник Вилен Мартиросян предложил организовать добровольцев для защиты украинского парламента от возможного штурма войсками, верными ГКЧП, и призвал военнослужащих — граждан Украины не исполнять его распоряжения.

Игнорировать столь стремительное развитие событий в Президиуме Верховного Совета УССР уже не могли, так как перспектива перехвата власти «демократическими силами» становилась вполне реальной. Причем основную угрозу для украинской советской элиты несло внезапное поражение военного переворота в Москве, поскольку высшая партийная номенклатура в значительной мере скомпрометировала себя молчаливым одобрением путчистов.

Как только членам Президиума стало ясно, что затея с ГКЧП провалилась, 22 августа было объявлено о созыве внеочередной сессии Верховного Совета (Верховной Рады) Украины. Перед украинской номенклатурой открывалось два пути. Представители ее высшего звена могли либо стать «мучениками за идею» и разделить судьбу ГКЧП, либо

попытаться возглавить разраставшееся националистическое движение и сохранить свою власть и привилегии. Отсутствие на Украине широко известных антикоммунистических лидеров (подобных Вацлаву Гавелу в Чехословакии или Леху Валенсе в Польше) делало второй путь более предпочтительным и избавляло от нежелательной конкуренции.

Так как оппозиционные депутаты «Народного Руха» и «Народной Рады» (Иван Заяц, Левко Лукьяненко, Вячеслав Черновол и др.) еще с 20 августа выступали с требованиями о провозглашении независимости Украины, Л.М. Кравчук решил поддержать эту инициативу. Депутатское большинство, представленное группой «За Советскую Украину» (239 депутатов) во главе с А.А. Морозом, хотя и состояло из коммунистов, безоговорочно поддержало эту позицию, так как было уже в значительной степени деморализовано произошедшими событиями. Часть депутатов этой группы чувствовала себя косвенно причастной к неудавшемуся перевороту (85% народных избранников представляли коммунистические организации), и никто из них так и не осмелился протестовать.

Сыграло свою роль и развитие событий в Москве. Л.М. Кравчук в своих воспоминаниях указывал на них как на одну из основных причин, подтолкнувших Украину к независимости. Еще в 1990 г. во время принятия Декларации о государственном суверенитете Украины российские события воспринимались в Верховном Совете УССР в качестве досадного недоразумения, вынужденной уступки «демократическим силам». Провозглашение государственного суверенитета России в июне 1990 г. стало для многих партийных функционеров в украинском парламенте неприятной неожиданностью. Именно тогда в соответствующую декларацию о государственном суверенитете УССР были внесены положения, подчеркивающие ее временный, переходный характер, будущие взаимоотношения с союзным центром должен был урегулировать новый союзный договор.

По мнению Л.М. Кравчука, представления о полной государственной самостоятельности Украины внедрялись в сознание украинского политического класса постепенно: «Как известно, Россия провозгласила суверенитет раньше Украины. Этот факт, по моему мнению, оказал значительное влияние на позицию украинских депутатов-коммунистов, значительная часть которых колебалась до последнего момента» [Кравчук]. Ситуация повторилась в 1991 г., когда триумф Б.Н. Ельцина совпал с параличом союзных органов власти и усилением сепаратистских настроений в республиках, подталкивая украинских депутатов к принятию симметричных ответных решений.

Верховный Совет УССР собрался 24 августа 1991 г. и большинством голосов принял Акт о провозглашении независимости Украины, а также постановление о проведении 1 декабря 1991 г. референдума о подтверждении этого акта [Постанова Верховної Ради...]. Автором проекта Акта о провозглашении независимости Украины стал народный депутат, бывший диссидент Левко Лукьяненко — одна из наиболее заметных фигур среди украинских националистов. Он подготовил текст всего за полтора

часа. Написанный им от руки документ необходимо было еще напечатать и ознакомить с ним депутатов Верховного Совета. В первоначальном варианте Акта речь шла даже не о «провозглашении», а о «возрождении» независимости Украины. Но такая формулировка не была принята народными избранниками, так как неизбежно вызвала ассоциации с временами С.В. Петлюры и Украинской Народной Республики (УНР) 1917–1920 гг. По словам самого Левко Лукьяненко, крайне важно было не затягивать обсуждение и провести голосование по проекту Акта в этот же день, так как назавтра депутаты-коммунисты могли передумать и «завалить все дело» [Левко Лукьяненко...]. В итоге было решено голосовать за «провозглашение» независимости. Л.М. Кравчук лично зачитал текст Акта с трибуны, а затем, под рукоплескания присутствующих, огласил результаты голосования. Верховный Совет проявил редкую дисциплину и единодушие: 346 голосов «за» при 1 «против» и 3 воздержавшихся. 12 народных избранников не приняли участия в голосовании.

В тексте Акта отмечалось: «Исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года, [...] Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики торжественно провозглашает независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства — Украина» [Акт проголошення незалежності...]. Данная формулировка выглядела весьма странно, так как непосредственная опасность силового захвата власти к 24 августа уже миновала. Однако именно она попала в итоговый текст документа.

Судя по всему, часть партийно-государственной номенклатуры, представленной в Верховной Раде, откровенно растерялась: чтобы не потерять власть, она также решила поддержать провозглашение самостоятельности Украины. А для большей легитимности этого решения все было решено списать на неудавшийся путч, запустивший центробежные процессы распада единого союзного государства. Таким образом, именно политический кризис в СССР заставил депутатов пойти на более решительные шаги по утверждению украинского суверенитета.

Парадоксальность ситуации, когда коммунистическое большинство в Верховном Совете проголосовало за независимость, не осталась без внимания националистических сил, сыгравших важную роль в политической драматургии событий 24 августа. Такой вынужденный союз был на руку националистам, хотя никто из них, разумеется, не верил в искренность «патриотической» позиции пассивного большинства.

Народный депутат Украины и один из основателей «Руха» Вячеслав Черновол утром 25 августа, комментируя произошедшее, заявил: «Что-то мы такое сделали. Очень важное. За что долго боролись и сидели по тюрьмам. Но почему-то — вместе с коммунистами. И это не дает мне покоя и чувства радости» [Ярошинская ГКЧП по-украински]. Интуитивно украинский политик сознавал, что бывших диссидентов в августе 1991 г. использовали как декорацию, необходимую украинской номенклатуре для легитимации происходящих в обществе изменений и безопасной передачи власти самой себе.

30 августа Л.М. Кравчук подписал Постановление Президиума Верховного Совета УССР о формальном запрете деятельности компартии на территории Украины, но это никак не отразилось на структуре украинской власти. В постановлении Верховного Совета Украины от 24 августа отмечалось: «С момента провозглашения независимости действующими на территории Украины являются только ее Конституция, законы, постановления правительства и другие акты законодательства республики» [Постанова Верховної Ради...]. Особенностью первых дней и даже месяцев украинской независимости стало то, что и Конституция, и законы, и постановления правительства, и другие подзаконные акты оставались советскими — принятыми во времена УССР. Было изменено только название страны — из Украинской ССР она стала Украиной. Единственной «демократической» новацией стал запланированный на 1 декабря 1991 г. республиканский референдум для подтверждения Акта о провозглашении независимости. Таким образом, формально власть продолжала действовать в русле старых советских управленческих клише и правовых норм.

По мнению украинского исследователя, заместителя директора Института социологии НАН Украины Николая Шульги, «все высшие органы власти и органы местной власти остались в руках тех же самых людей, которые их возглавляли ранее. И Верховная Рада продолжала состоять из того же депутатского состава, что и месяц, и год назад. В Кабинете министров и в министерствах также никаких кадровых изменений не произошло» [Шульга, с. 11].

Парадоксальность ситуации подчеркивал один из ключевых участников тех событий — премьер-министр УССР Витольд Фокин: «...Мне довелось быть не только первым премьер-министром независимой Украины, но и последним председателем Совета министров Украины советской, социалистической. Я принимал эстафету как будто от самого себя» [Застереження досвіду. Вітольд Фокін...]. Характерно, что сам Фокин (с 1987 г. — Председатель Госплана УССР) в 1990–1991 гг. был членом ЦК КПСС.

Персонально и структурно в августе 1991 г. власть на Украине не изменилась. Все государственные институты оставались на своих местах. По мнению Н.А. Шульги, «менялись только слова, которые провозглашали от имени власти их руководители» [Шульга, с. 11].

Неразрывная связь нового украинского государства с советской Украиной была закреплена на правовом уровне. 12 сентября 1991 г. Верховный Совет принял закон «О правопреемстве Украины», провозгласивший страну правопреемницей УССР и частично правопреемницей СССР. Согласно документу, с момента провозглашения независимости «высшим органом государственной власти Украины является Верховный Совет Украины в депутатском составе Верховного Совета Украинской ССР» [Закон «О правопреемстве Украины»]. Депутатское большинство, еще совсем недавно разделявшее коммунистические ценности, таким образом, ничего не потеряло. Изменились лишь его лозунги, быстро скорректированные в угоду политической конъюнктуре и общественным настроениям.

Так, например, лидер «группы 239» А.А. Мороз смог надолго сохранить статус одного из влиятельных украинских политиков. Формально порвав с коммунизмом, он организовал в октябре 1991 г. учредительный съезд Социалистической партии Украины (СПУ) и перешел в «оппозицию» к действующей власти. Политик оставался бессменным лидером партии на протяжении 21 года и дважды занимал пост председателя украинского парламента. «Смена вех» для бывших коммунистов оказалась весьма удобным маневром, направленным на сохранение властных привилегий. Она облегчалась еще и тем, что между бывшими сторонниками компартии и многими новоявленными националистами не было принципиальных различий. По словам соратника А.А. Мороза и автора программы его партии А.С. Гальчинского, «трагедия украинского политического класса не только в том, что в нем нет конструктивных правых. Нет нормальных левых: те, что есть, остались с коммунистическим мировоззрением. Партия Мороза так и не стала социалдемократической. Экс-коммунистам в Польше это удалось» [Анатолий Гальчинский...].

Следовательно, политический класс на Украине остался прежним не только персонально, но и сохранил определенную монолитность, легко позволяющую преодолевать идеологические разногласия. Именно поэтому в новой независимой Украине партия А.А. Мороза лишь формально претендовала на роль социал-демократической структуры и позднее по ряду позиций поддержала националистов и первый Майдан 2004 г. А ее лидер, как точно определил современник, умело «мимикрируя левой фразеологией перед своими последователями-пенсионерами, фактически по большинству позиций сомкнулся с бывшими оппонентами, которых прежде именовал не иначе как «национал-фашистами» [«Украинский зорге»...].

Трагедия Украины заключалась в декоративном и исключительно формальном характере изменений, произошедших в стране в 1991 г. Вместо глубокой трансформации политической системы и структуры власти украинское общество получило прежний набор институтов, политических практик и акторов политического процесса, сохранившихся с советской поры. Персональные интересы украинских элит, руководимых инстинктом самосохранения, имели при этом решающее значение.

Украинские граждане оказывались зачастую лишь пассивными наблюдателями драмы крушения СССР, не успевая реагировать на быстрые политико-социальные изменения. Тем не менее, многие очевидцы событий, не поддавшись охватившей тогда современников эйфории «демократии и свободы», смогли разглядеть реальные пружины распада единой страны и обретения Украиной независимости. По словам депутата ВС СССР А.А. Ярошинской, «независимая республика Украина была провозглашена, а старая номенклатура, которая боролась против этого всеми средствами, опомнившись от шока, спешно получала новые ключевые назначения. У многих думающих людей возникал вопрос: так от кого же и от чего на самом деле граждане Украины стали независимы? Ведь путч был окончен, а пособники путчистов оказались в независимом государстве и — у власти» [Ярошинская Украина...].

Анализируя события августа 1991 г. в Киеве, политик приходила к выводу, что советская Украина получила независимость не в «результате массового национально-освободительного движения, а благодаря российскому президенту Борису Ельцину и россиянам, которые вышли на улицы, чтобы сказать хунте — «Нет!». Поэтому и в качестве элиты Украина получила не истинных национальных лидеров, а все ту же перекрасившуюся партийно-комсомольскую номенклатуру, растаскивающую собственность уже в независимой стране» [Там же].

Данная оценка показывает, насколько далеки от реальности были последующие утверждения о ключевой роли национально-демократических процессов в деле обретения украинской независимости. При этом главными мифотворцами, утверждавшими для соотечественников сакральность даты 24 августа 1991 г., стали бывшие коммунистические руководители Украины. Наступившая вслед за распадом СССР «эпоха двух Леонидов» (первых президентов Украины Л.М. Кравчука и Л.М. Кучмы) запомнилась внедрением в массовое сознание новых национальных символов, среди которых не последнее место заняло празднование «дня независимости». Его актуальное значение официально определялось «волей украинского народа и его извечным стремлением к независимости», подчеркивающим «историческую значимость принятия Акта провозглашения независимости Украины 24 августа 1991 года» [Постанова Верховної Ради України №1427-XII...].

Между тем за красивыми декларациями стояла прежняя советская партноменклатура, умело использующая актуальную националистическую и «демократическую» повестку. Выполнив косметический ремонт здания советской украинской государственности и водрузив над Верховной Радой желто-голубое полотнище (доставленное из Москвы украинскими защитниками Белого дома), она не собиралась отказываться от прежних управленческих практик. «Приняв эстафету у самой себя», украинская власть повела государство по пути nepoтизма, регионального национализма (который был замечен в западных областях Украины еще в советскую эпоху) и популярного в конце 1980-х гг. в СССР экономического неолиберализма. В итоге, восприняв ценности «вашингтонского консенсуса», бывшие коммунистические элиты Украины за десятилетия независимости не смогли создать ничего, кроме примитивной постсоветской клептократии.

Эта ошибка дорого стоила стране. Как признал экономист А.С. Гальчинский (выпускник Академии общественных наук при ЦК КПСС, перешедший на неолиберальные позиции), «западные ценности после 1991 г. нужно было усваивать в виде «социализированного капитализма». Мы должны были отказаться от стратегии догоняющего развития, но не смогли, оказавшись на лопатках. Вместо партнеров Запада стали очагом нестабильности и реципиентами помощи» [Анатолий Гальчинский...].

Важной причиной столь драматических последствий обретения Украиной независимости стала позиция партийно-хозяйственной номенклатуры, которая, по словам современного социолога, «имела большой вес в экономике и в общественной жизни

страны, но была ограничена партийными принципами и догматами, мешавшими ей самоутвердиться экономически и политически, не дававшими в полном объеме получать прибыль от предприятий, которыми она руководила, передавать крупную собственность по наследству» [Шульга, с. 12].

Кроме того, в условиях углублявшегося в СССР политического кризиса номенклатура стремилась обезопасить себя территориально. На Украине в 1991 г. до 90% предприятий принадлежали к союзной собственности. Естественно, что номенклатура была заинтересована в суверенитете республики, поскольку экономический суверенитет невозможен без политического. Еще в Декларации о государственном суверенитете Украины, принятой Верховным Советом УССР 16 июля 1990 г., провозглашалась экономическая самостоятельность Украины. В документе подчеркивалось намерение создать свою банковскую, ценовую, финансовую, таможенную и налоговую системы, сформировать государственный бюджет, а при необходимости ввести собственную денежную единицу.

В тот период практически во всех союзных республиках достаточно быстро сформировался слой «номенклатурных националистов», пытавшихся путем ослабления союзного центра, а по возможности и отделения от него, усилить свои позиции на местах [Там же, с. 14]. После провала ГКЧП и усиления позиций руководства РСФСР и других республик этот процесс принял уже практически необратимый характер.

Выразителем интересов номенклатуры на Украине было руководство республики, в первую очередь председатель Верховного Совета УССР Л.М. Кравчук, чьи позиции значительно укрепились после внеочередной сессии Верховного Совета. Так, закон Украины от 24 августа 1991 г. «О предоставлении дополнительных полномочий Председателю ВС Украины» предусматривал до избрания президента Украины наделить председателя ВС правом издавать обязательные для исполнения на территории республики распоряжения; останавливать постановления и распоряжения Кабинета министров Украины, приказы министров и других должностных лиц в случае их несоответствия Конституции и законам Украины, а также останавливать действие решений областных, районных, городских Советов народных депутатов, принятых с нарушением Конституции и законов Украины, до рассмотрения таких актов ВС. Столь широкие полномочия позволили Кравчуку в кратчайший срок реализовать свои политические амбиции и одержать победу в проходившей осенью 1991 г. президентской избирательной кампании.

Отсутствие значимых противоречий между партийными функционерами во главе с Л.М. Кравчуком и националистами «Народного Руха Украины» объяснялось достаточно просто. Кравчук (в то время — заведующий идеологическим отделом ЦК КПУ) сам стоял у истоков этой организации. Он был активным участником учредительного съезда «Народного Руха» 8–9 сентября 1989 г. в Киеве, где выступил с напутственным словом, заявив, что «партийные организации республики хотели бы видеть в «Рухе» своего естественного и активного союзника в деле обновления общества» [Хмеленок].

В те годы «Рух» еще не выглядел оплотом интегрального национализма, умело маскируя свои цели под популярными лозунгами демократизации общества и обновления советской системы. Этому способствовало и официальное название организации: «Народный Рух Украины за Перестройку»¹.

В 1989 г. в составе ЦК КПУ была создана отдельная рабочая группа для анализа целей «Руха», его политического потенциала и принципов деятельности. Возглавить эту группу было поручено опытному идеологу Л.М. Кравчуку. После анализа всех обстоятельств возникновения «Руха» и кадрового состава его участников группа пришла к выводу, что бороться с «Рухом» бессмысленно, лучше сделать это движение «придворным», то есть идеологически возглавить его. Внедрение партийных работников в ряды этой организации и ее «идейная» поддержка казались тогда наиболее эффективными методами контроля со стороны партийных органов. По словам 1-го секретаря Подольского райкома КПУ И.Н. Салия (в независимой Украине получившего пост мэра Киева), «размежевание здоровых сил Руха и здоровых сил партии — это бессмыслица. Нас ждет кропотливая совместная работа» [Хмеленок]. Никакого антагонизма между комсомольцами и коммунистами «Руха» и членами республиканского ЦК партии поначалу не наблюдалось, а идеологические споры в конечном итоге сводились к дилемме: чему отдавать предпочтение — наследию В.И. Ленина или Т.Г. Шевченко? Кравчук позже признавался, что завидовал тогда руховцам, особенно их знанию истории, украинской культуры и традиций [Михальченко, Андрущенко, с. 7–8].

Импульс для расширения влияния националистов «Народного Руха» дала Декларация о государственном суверенитете Украины. Этот документ противоречил действующей Конституции УССР практически во всех своих пунктах, однако именно он стал важным шагом в деле конституирования украинской государственности. Принятие Декларации привело к радикализации требований «Народного Руха». На втором всеукраинском собрании этого движения, состоявшемся в октябре 1990 г., было объявлено об изменении его целей. Вместо поддержки Перестройки движение провозгласило своим приоритетом получение Украиной независимости. Соответствующие изменения были внесены в программные документы «Руха».

С середины 1990 г. при молчаливом согласии партийных органов идеи украинского национализма активно внедрялись в украинское общество под влиянием западноукраинской (галицкой) элиты, которая к тому времени заявляла о себе все настойчивее. Выдвинув национал-патриотические лозунги и организовав движение «Народный Рух Украины», она сумела осуществить активное и многочисленное проникновение во властные структуры — первоначально на региональном, а затем и на республиканском уровне [Жильцов; Зоткин, с. 130–156].

1 Согласно докладу мандатной комиссии учредительного съезда «Руха», почти каждый четвертый делегат был коммунистом или комсомольцем.

В начале 1991 г. галицкая элита пришла к пониманию потенциальных возможностей выхода на общеукраинский уровень и продвижения своих интересов через представительные органы УССР. Серьезных препятствий для этого не было, поскольку элиты остальных регионов Украины были слабо организованы, безынициативны, у них отсутствовали яркие лидеры и какие-либо зачатки собственной идеологии [Жильцов]. Эти обстоятельства дали депутатам из западноукраинских регионов преимущество и надежду впервые прийти к власти, встав в один ряд с представителями прежней партийно-хозяйственной номенклатуры. Уже к началу политических изменений в УССР на рубеже 1990-х годов западные области Украины имели сформировавшуюся элиту с собственными ценностями и идеологией, которые в информационном поле стали конкурировать с официальными партийными догматами. Политики-националисты расширили свое представительство в Верховном Совете УССР, претендуя на роль идеологического локомотива для большинства «демократических» и антисоветских сил в украинском парламенте. Их положение облегчалось безынициативностью партийных структур, на протяжении весны — лета 1991 г. занимавших выжидательную позицию и не имеющих каких-либо концепций дальнейшего развития республики. Позднее, после событий 24 августа, националистическая элита «растворилась» среди представителей партийной бюрократии, передав ей «национал-патриотические» лозунги и свои представления о будущем украинского государства [Там же].

Многолетний симбиоз национализма и партийных структур, отсутствие между ними видимых противоречий является лучшим объяснением уникальной ситуации в украинском парламенте в день провозглашения независимости, когда коммунистическое большинство послушно поддержало инициативу радикалов «Руха» и «Народной Рады Украины».

Таким образом, союз партийной бюрократии и националистов зародился задолго до августа 1991-го. Именно он оказался решающим фактором в деле обретения Украиной независимости и на десятилетия вперед определил «политическое лицо» украинской государственности.

Неудивительно, что на протяжении следующих 30 лет политические элиты воспроизводили лишь различные варианты украинского национализма, выращенного кадрово и идейно на прежней номенклатурно-коммунистической основе. Достаточно вспомнить карьерный путь второго секретаря Днепропетровского райкома КПСС П.И. Лазаренко (будущего премьер-министра, коррупционера и основателя партии «Громада»), заведующего отделом агитации и пропаганды Днепропетровского обкома комсомола А.В. Турчинова (организатора Майдана 2014 г., позднее исполняющего обязанности президента Украины), комсомольцев О.Я. Тягнибока, Ю.В. Тимошенко, А.В. Парубия и других знаковых политических фигур.

Были в руководстве республики и те, кто стремился сохранить союзное государство, не допустить его распада, но их позиции были значительно слабее. Во время голосования в Верховном Совете УССР по вопросу о принятии Акта о провозглашении неза-

висимости Украины лишь один депутат высказался против. Им стал Альберт Корнеев, заместитель председателя Комиссии ВС Украины по вопросам государственного суверенитета, межреспубликанских и международных отношений. Еще трое народных депутатов воздержались.

Следуя логике решений, принятых Верховным Советом УССР 24 августа, для украинского государства было чрезвычайно важно как можно быстрее выяснить отношения с союзным центром и добиться легитимации произошедших в республике политических изменений.

Л.М. Кравчук в своей книге «Маємо те, що маємо» («Имеем то, что имеем», 2002) вспоминал: «23 октября к депутатам Верховной Рады обратились со специальным посланием президент СССР и восемь руководителей союзных республик. Горбачев, Ельцин, Назарбаев, Шушкевич и прочие авторы письма призывали Украину присоединиться к новому союзному договору, подчеркивая, что Союза без нашей республики они себе не представляют. Обращение стало предметом обсуждения на президиуме Верховной Рады. Наше решение было однозначным: пока не состоится всеукраинский референдум, никаких соглашений Украина подписывать не будет» [Кравчук].

Референдум 1 декабря 1991 г., таким образом, стал завершающим этапом правового утверждения Украины как независимого государства. На нем более 90,3% граждан, участвовавших в голосовании, поддержали Акт о провозглашении независимости Украины [Відомості про результати Всеукраїнського референдуму...]. Позиция «национал-коммунистов» во главе с Л.М. Кравчуком, агитировавших за независимость, привела к формированию видимости общенационального консенсуса, отражением которого и стали результаты голосования. Кравчук успешно проявил себя в роли медиатора для различных групп украинского общества, которое в этот период находилось в состоянии «смятения умов», колебалось, не находя опору в существующих политических силах.

Распад СССР и провозглашение независимости Украины стали для многих граждан республики социальным и культурным шоком. Руководителям украинского государства приходилось действовать крайне осторожно, избегая, по мере возможности, нанесения избирателю новых психологических травм. В единственном вопросе, вынесенном на всеукраинский референдум 1 декабря 1991 г., ни словом не упоминалось о «выходе» Украины из СССР. Вопрос, утвержденный депутатами Верховной Рады, был сформулирован следующим образом: «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?» [Постанова Верховної Ради України про форму бюлетеня для голосування...]. В бюллетене присутствовал и текст самого Акта. Таким образом, акцент был сделан лишь на необходимости поддержать «независимость» Украины, сплотиться вокруг Верховной Рады и подтвердить легитимность произошедших в августе 1991 г. изменений. В сознании массового избирателя при этом сохранялась иллюзия, что Украина ни в коем случае не станет разрывать культурные, экономические, гуманитарные связи со своими соседями (многим это казалось попросту невозможным).

В обращении Президиума Верховного Совета Украины к украинскому народу накануне референдума 1 декабря содержался четкий сигнал тем избирателям, которые еще не определились со своим выбором: «Только независимая Украина сможет как равноправный партнер вступать в любое межгосударственное сообщество с соседями, в первую очередь с наиболее близкой нам Россией» [Обращение Президиума Верховного Совета...]. Такая риторика ясно давала понять, что никаких деструктивных изменений во взаимоотношениях с соседями не произойдет. Украинское государство само заинтересовано в сотрудничестве, а экономические связи, производственные цепочки и гуманитарные контакты будут в любом случае сохранены.

Стремясь успокоить общество, члены Президиума ВС касались и крайне болезненного для всех национального вопроса: «Когда же мы говорим об интересах собственного народа, то имеем в виду не только украинцев, но и русских, имеющих в парламенте Украины свыше ста народных депутатов, и представителей всех других национальностей Украины» [Там же].

В этих условиях знаковым стало обращение Л.М. Кравчука «К русским соотечественникам», ставшее краеугольным камнем его избирательной кампании. Обращаясь к «дорогим русским братьям и сестрам», Л.М. Кравчук отмечал: «Украина твердо стала на путь независимости. На ее земле наряду с украинским и другими народами полноправными хозяевами являются двенадцать миллионов русских. Я буду делать все, от меня зависящее, для полного удовлетворения политических, экономических, социальных и духовных запросов русского населения, для государственной защиты его законных интересов. Ни в коем случае не будет допускаться насильственная украинизация русских. Любые попытки дискриминации по национальному признаку будут решительно пресекаться» [«К русским соотечественникам»...].

Обращение гарантировало сохранение «полнокровных, беспрепятственных связей с Россией и другими суверенными государствами бывшего Союза», возможность поддержания свободных контактов русского населения с родственниками и друзьями за пределами Украины [Там же]. Заканчивался текст словами, которые в нынешних условиях звучат как горькая ирония, граничащая с сюрреализмом: «Построим независимую Украину как общий дом украинцев и русских, всех национальностей, ее населяющих! С уважением, кандидат в Президенты Украины Л.М. Кравчук» [Там же].

Как это часто бывает в политике (и истории), обещания власти так и остались пустыми декларациями. Бывший председатель Верховного Совета СССР и член ЦК КПСС (с 2020 г. — представитель Украины в Минской контактной группе) Л.М. Кравчук сегодня предпочитает об этом документе не вспоминать. В то же время его предвыборная агитация, как важный документ эпохи, вошла в учебники по политическим технологиям, подтвердив известную закономерность: политика на Украине делается в Киеве, ее идеологическое содержание формулируется на западе, а выборы выигрываются на востоке. Этот тезис многократно подтверждали вся последующая украинская новейшая история, однако впервые он проявил себя в критические месяцы лета — осени 1991 г. Успешно разыгрывая национальную карту, старая партийная номенклатура вы-

ступила под лозунгом «независимой демократической Украины», обещая построить общий дом для всех ее национальностей. Благодаря чему и смогла сохранить свои властные позиции.

Литература

- Акт проголошення незалежності України. 24 серпня 1991 року. — URL: gska2.rada.gov.ua/site/postanova/akt_nz.htm (дата обращения: 23.08.2021).
- Анатолий Гальчинский: «Все премьер-министры в Украине были техническими» // Forbes №7. Сентябрь, 2011.
- Варенников В.И. Неповторимое. В 7 томах. Том 6. Часть VIII. Главнокомандующий. Часть IX. Трагедия отечества 1985–2000 гг. М. 2001. — URL: militera.lib.ru/memo/russian/varennikov_vi01/index.html (дата обращения: 23.08.2021).
- Варенников В.И. Дело ГКЧП. М. 2011.
- Відомості про результати Всеукраїнського референдуму 1 грудня 1991 року. — URL: archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11 (дата обращения: 14.03.2020).
- ГКЧП Проголошення Незалежності 1991 рік В. Чорновіл, Л. Лук'яненко, І. Заєць, Н. Крюкова, Д. Павличко, В. Філенко // YouTube, Неоніла Крюкова. 26.10.2013. — URL: m.youtube.com/watch?v=bY0uQr3JpMY (дата обращения: 23.08.2021).
- Доповідна записка голови КДБ УРСР М. Голушка голові Верховної Ради УРСР Л. Кравчуку про ситуацію в республіці у зв'язку зі створенням ДКНС. 20 серпня 1991 р. Секретно // Становлення Народного Руху України (за документами Галузевого державного архіву Служби безпеки України). — URL: dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/41468/09-Bazhan.pdf?sequence=1 (дата обращения: 23.08.2021).
- Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 21–31. — (дата обращения: 23.08.2021). — URK: cyberleninka.ru/article/n/istoki-sovremennogo-ukrainskogo-natsionalizma (дата обращения: 23.08.2021).
- Закон «О правопреемстве Украины» 12 сентября 1991 г. № 1543-XII. // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). 1991. № 46. С. 617.
- Застереження досвіду. Вітольд Фокін: Більшість рішень приймається в квазіправовому полі, а цинізм стає нормою поведінки. // День. 26 березня. 2008.
- Заявление Народного Руха України по поводу государственного переворота в СССР. 19 августа 1991 г.
- Зоткин А.А. «Львы» и «лисы» украинской политики. К. Наукова Думка, 2010.
- Кравчук Л.М. Маємо те, що маємо. Спогади і роздуми. К. 2002. — URL: irbis-nbuv.gov.ua/ulib/item/UKR0003734 (дата обращения: 23.08.2021).
- «К русским соотечественникам» — как в 1991-м проходила агитация за независимость Украины // Gazeta.ua. 16.07.2013. — URL: m.gazeta.ua/ru/articles/history/_k-russkim-sootechestvennikam-kak-v-1991m-prohodila-agitaciya-za-nezavisimost-ukrainy/507113 (дата обращения: 23.08.2021).
- Кульчинский С. Довериться народу // Зеркало недели. 01.12.2001. № 47/371.
- Левко Лукьяненко рассказал о создании Акта провозглашения независимости Украины // ТСН. 24.08.2015 — URL: tsn.ua/ru/video/video-novini/levko-lukyanenko-rasskazal-o-sozdanii-akta-provozglasheniya-nezavisimosti-ukrainy.html (дата обращения: 23.08.2021).

- Литвин В. Президенти. Політичне лідерство: світові реалії, українська практика. К. 2019.
- Михальченко Н., Андрущенко В. Украина разделенная в себе: от Леонидии к Виктории. Т. I. К. 2012.
- Науменко О.М. Рекрутирование политико-управленческой элиты Украины в условиях государственной независимости // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. Section 6. Political science. С. 125–130. URL: —cyberleninka.ru/article/n/rekrutirovanie-politiko-upravlencheskoy-elity-ukrainy-v-usloviyah-gosudarstvennoy-nezavisimosti (дата обращения: 23.08.2021).
- Обращение Президиума Верховного Совета Украины накануне референдума об Акте независимости Украины, 24 августа 1991 года // Украинская агитация перед референдумом о независимости в 1991 году. История пропаганды. 04.08.2013. — URL: [/andahistory.ru/1266/Ukrainskaya-agitatsiya-pered-referendumom-o-nezavisimosti-v-1991-godu](http://andahistory.ru/1266/Ukrainskaya-agitatsiya-pered-referendumom-o-nezavisimosti-v-1991-godu) (дата обращения: 23.08.2021).
- Об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года (Из сообщения Центральной комиссии референдума СССР) // Известия. 17.03.1991.
- Постанова Верховної Ради Української РСР Про проголошення незалежності України. 24 серпня 1991 року № 1427-XII. — URL: gska2.rada.gov.ua/site/postanova/akt_nz.htm (дата обращения: 23.08.2021).
- Постанова Верховної Ради України про форму бюлетеня для голосування на всеукраїнському референдумі. 11 жовтня 1991 року № 1661-XII. // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 1991. N 48. Ст. 664.
- Постанова Верховної Ради України Про День незалежності України. 20 лютого 1992 року № 2143-XII // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 1992. № 20. Ст. 279.
- Постановление Президиума Верховного Совета УССР «Об Обращении Президиума Верховного Совета Украины к гражданам Украины всех национальностей о становлении украинской государственности». 26 августа 1991 года. — URL: gska2.rada.gov.ua/site/postanova/p_1442.htm (дата обращения: 23.08.2021).
- Референдум 17 марта как антиутопия // Українська правда. 17 березня. 2009. — URL: pravda.com.ua/articles/2009/03/17/3808719/ (дата обращения: 23.08.2021).
- Украина, Россия и провал имперского проекта... / под ред. А. Гараня. К. Стилос. 2011. «Украинский зорге». Ближайшее окружение мессии. // Русская община. — URL: russian.kiev.ua/taxocsv2/ukrainska (дата обращения: 23.08.2021).
- Хмеленок Н. Как «партократы» боролись с «партократией». — URL: maxpark.com/community/4639/content/1448821 (дата обращения: 23.08.2021).
- Хриенко Т.В. Всеукраинские референдумы: основные итоги и последствия // Власть. 2020. Том 28. № 1. С. 238–245.
- Шульга Н.А. Дрейф на обочину. Двадцать лет общественных изменений в Украине. К. 2011.
- Язов Д.Т. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М. 2014.
- Ярошинская А. ГКЧП по-украински // Росбалт. 20.08.2009. — URL: m.rosbalt.ru/ukraina/2009/08/20/665075.html (дата обращения: 23.08.2021).
- Ярошинская А. Украина: быть или не быть? // Росбалт. 24.08.2009. — URL: m.rosbalt.ru/ukraina/2009/08/24/665715.html (дата обращения: 23.08.2021).
- Ярошинская А. По какому СССР плач? // Росбалт. 26.03.2019. — URL: m.rosbalt.ru/blogs/2019/03/26/1771739.html (дата обращения: 23.08.2021).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ

УДК 330; 339

DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-160-177

Владимир Кондратьев

Перспективы финансового капитализма

Аннотация. В статье рассматриваются основные черты финансового капитализма, в большой мере определявшего направление экономического и в целом общественного развития в последние четыре десятилетия. Исследуются влияние финансового капитализма на макроэкономические и социальные показатели, а также возможности его трансформации. Капитализм с доминированием финансов и финансиализация всех сторон жизни общества могут сдерживать экономический рост, благоприятствуют капиталу в ущерб труду и государству, подрывают демократию, увеличивают неравенство, усиливают экономическую и социальную нестабильность. В политическом плане финансовый капитализм определяется доминантой неолиберализма. Эта порочная модель развития и дерегулирование финансовой системы неизбежно привели к кризису. Современный капитализм требует не дерегулирования, а регулирования, способного координировать и ориентировать рыночную экономику в более широких и долгосрочных интересах.

Ключевые слова: финансовый капитализм, финансиализация, неолиберализм, экономический кризис, социальная нестабильность, трансформация капитализма.

Победа Дональда Трампа в 2016 г., президентские выборы на Филиппинах в мае 2016 г., референдум по Брекзиту в Великобритании в июне 2016 г., а также ряд других событий, включая выступление Клауса Шваба в Давосе в 2021 г., — все это, тем или иным образом, отражало острую озабоченность последствиями развития современного финансового капитализма, растущим неравенством между богатыми и бедными, увеличивающейся деиндустриализацией развитых стран.

Ошибочная экономическая политика, продиктованная ведущими международными организациями, делала акцент на приватизации и жесткой бюджетной экономии, тем самым снижая темпы строительства инфраструктуры [Kotegawa].

Финансовый кризис 2008–2009 гг. показал, что спасение банков без привлечения их к ответственности приводит к моральному риску, хорошо описанному фразой «приватизировать прибыль, национализировать убытки, социализировать риски». Несмо-

Сведения об авторе: КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, v.b.kondr@imemo.ru.

тря на кризис, инвестиционные банки продолжали использовать различные финансовые продукты с высоким уровнем риска. В результате многие страны ЕС приняли меры жесткой бюджетной экономии.

В условиях, когда доверие к финансовой системе остается низким, а частные компании не решаются брать деньги в долг для инвестирования, количественное смягчение со стороны центральных банков не может стимулировать реальную экономику. Оно создает избыточную ликвидность, которую инвестиционные банки используют в своих узкокорпоративных целях. Единственными секторами, для которых поток ликвидности имел положительный эффект, были энергетика, ИТ и производные финансовые инструменты. Мировая экономика стала еще более нестабильной, чем накануне краха Lehman.

Мировой финансовый кризис стал важной вехой в истории капитализма и экономической мысли. Это был кризис не только неолиберализма, но и неоклассической экономики — модели общего равновесия. Коалиция капиталистических рантье и профессиональных финансистов продвигала в неолиберальные годы дерегулирование и финансиализацию.

Финансиализация здесь понимается как искаженное финансовое устройство, основанное на создании искусственного богатства, не связанного с производством товаров и услуг. Неолиберализму, в свою очередь, свойственны не только радикальный экономический либерализм, но и идеология, враждебная бедным слоям населения, наемным работникам и государству всеобщего благосостояния. Неоклассическая макроэкономика и неоклассическая финансовая теория стали «мейнстримом» и придали неолиберальной идеологии «научный» характер.

Для понимания причин, приведших к неолиберальной гегемонии, вернемся на несколько десятилетий назад.

Вторая мировая война сыграла важную роль в преодолении экономической депрессии. Возникшая в результате сложная система финансового регулирования была увенчана Бреттон-Вудскими соглашениями 1944 г. Соединенные Штаты стали «великим победителем» и новой гегемонистской державой в мире. Несмотря на вызов, который представлял Советский Союз, они были своего рода маяком, освещающим мир: примером высокого уровня жизни, технологической оснащенности, даже демократии. После этого мир пережил «славное тридцатилетие» — золотой век капитализма. В экономической сфере государство вмешивалось, чтобы стимулировать рост, в политической — превратилось в социальное государство, или государство всеобщего благосостояния, поскольку гарантия социальных прав стала универсальной. Эндрю Шонфилд, чья книга «Современный капитализм» остается классическим анализом этого периода, резюмировал: «Во-первых, экономический рост был намного более устойчивым, чем в прошлом... Во-вторых, рост производства за этот период был чрезвычайно быстрым... В-третьих, выгоды от нового процветания были широко распространены» [Shonfield].

Класс капиталистов оставался доминирующим, но теперь он был вынужден делиться властью, привилегиями и доходами с формирующимся профессиональным классом и рабочими, превращавшимися в средний класс. В богатых странах реальная заработная плата в период до 1980 г. росла примерно с той же скоростью, что и производительность. В Западной и Северной Европе, а также в Японии доходы на душу населения приблизились к уровню, существовавшему в Соединенных Штатах.

В конце 1970-х годов, с переходом от «30 славных лет капитализма» (1949–1978) к капитализму, основанному на финансах, картина изменилась. Если золотой век характеризовался регулируемыми финансовыми рынками, финансовой стабильностью, высокими темпами экономического роста и сокращением неравенства, в неолиберальные годы произошло обратное: темпы роста упали, финансовая нестабильность резко возросла, а неравенство увеличилось, обогатив в основном два процента самых богатых слоев населения. Этого было достаточно, чтобы подорвать Бреттон-Вудскую систему, вызвать финансиализацию и неолиберальную, или неоконсервативную контрреволюцию. Не случайно инициаторами нового экономического и политического устройства стали две развитые страны, которые в 1970-х годах демонстрировали худшие экономические показатели — Соединенные Штаты и Соединенное Королевство. В США после победы Рональда Рейгана на президентских выборах 1980 г. мы стали свидетелями прихода к власти политической коалиции рантье и финансистов, спонсирующих неолиберализм и практикующих финансиализацию, — вместо старой профессионально-капиталистической коалиции высших руководителей бизнеса, среднего класса и организованного труда, характерной для фордистского периода¹.

Современная неолиберальная модель капитализма в Соединенных Штатах и (в той или иной степени) в других западных странах сформировалась к 1980-м годам на основе статьи Милтона Фридмана для *The New York Times*, в которой он утверждал, что «социальная ответственность бизнеса заключается в повышении его прибыли». Это само по себе было отходом от кейнсианской экономики, которая была стандартной моделью в развитых странах после Великой депрессии.

В университетах в качестве основного направления преподавания неоклассическая макроэкономика заменила кейнсианскую. Экономисты-неоклассики, такие как Милтон Фридман и Роберт Лукас, а также экономисты Австрийской школы (Фридрих Хайек) и Школы общественного выбора (Джеймс Бьюкенен) приобрели влияние и в сотрудничестве с журналистами и другими интеллектуалами создали неолиберальную идеологию, основанную на старых идеях невмешательства и на математической экономике, которая придавала «научную» легитимность новому кредо.

1 Классическим моментом этой коалиции стало соглашение 1948 г. между *United Auto Workers* и автомобильными корпорациями, которое обеспечило рост заработной платы по мере роста производительности.

Одна из целей заключалась в относительном сокращении заработной платы за счет «гибкости» законов, защищающих труд, и уменьшения социальных пособий, предоставляемых государством. Неолиберализм был направлен также на уменьшение размера государственного аппарата и дерегулирование всех рынков, в первую очередь финансовых. Для оправдания нового подхода говорилось о необходимости мотивировать упорный труд и вознаграждать «лучших», утверждать жизнеспособность саморегулируемых рынков и эффективных финансовых рынков. Постулировалось, что существуют только люди, а не общества, социальные науки опирались на методологический индивидуализм и отрицали концепции общественного интереса.

При неолиберальном капитализме материализовалась финансовая глобализация — либерализация финансовых рынков и значительный рост финансовых потоков по всему миру. Можно выделить три основные характеристики финансового капитализма: во-первых, огромное увеличение общей стоимости финансовых активов, обращающихся по всему миру, как следствие увеличения количества финансовых инструментов; во-вторых, разъединение реальной и финансовой экономики и создание фиктивного финансового богатства на благо капиталистических рантье; в-третьих, значительное увеличение нормы прибыли финансовых институтов, ставших способными выплачивать крупные бонусы финансовым трейдерам за рост капиталистической ренты¹.

Еще одно изменение, связанное с финансиализацией, заключается в том, что кредиты перестали в основном выражаться в ссудах от банков коммерческим предприятиям и все больше основывались на ценных бумагах, которыми торгуют финансовые инвесторы (пенсионные фонды, хедж-фонды, паевые инвестиционные фонды) на внебиржевых рынках. Принятие сложных финансовых инноваций в сочетании с огромным увеличением кредита в форме ценных бумаг привело к возрастанию рисков.

Такие инновации в сочетании с классической спекуляцией вызвали рост цен на финансовые активы, искусственно увеличивая финансовое благосостояние или фиктивный капитал, которые росли гораздо быстрее, чем производство или реальное богатство. Феноменальное расширение фиктивного капитала поддерживалось банками, направляющими большие кредиты покупателям активов для финансирования своей спекулятивной торговли.

Чтобы увидеть вред, причиненный новым экономическим порядком, достаточно просто сравнить тридцать «славных лет» с тридцатью неолиберальными годами. Хотя всегда сложно определять и измерять финансовые кризисы, очевидно, что их частота значительно увеличилась: согласно ряду экспертов [Bordo, Eichengreen, Klingsbiel, Martinez-Peria], если в 1945–1971 гг. мир пережил только 38 финансовых кризисов, то

¹ Джеральд Э. Эпштейн дает более широкое определение финансиализации: «финансиализация означает возрастающую роль финансовых мотивов, финансовых рынков, финансовых участников и финансовых учреждений в работе внутренней и международной экономики». (Gerald A. E. Financialization and the World Economy. Cheltenham. 2005)

с 1973 по 1997 г. их было 139 — другими словами, в три-четыре раза больше. Согласно другому критерию [Reinhart, Rogoff], с 1947 по 1975 г. имел место только один банковский кризис, а с 1976 по 2008 г. — 31. В связи с этим темпы роста мирового ВВП упали с ежегодных 4,6% в 1947–1976 гг. до 2,8% в последующие 30 лет. И наконец, экономическое неравенство, уменьшившееся за 30 «славных лет», также сильно возросло в последующие годы (рис. 2).

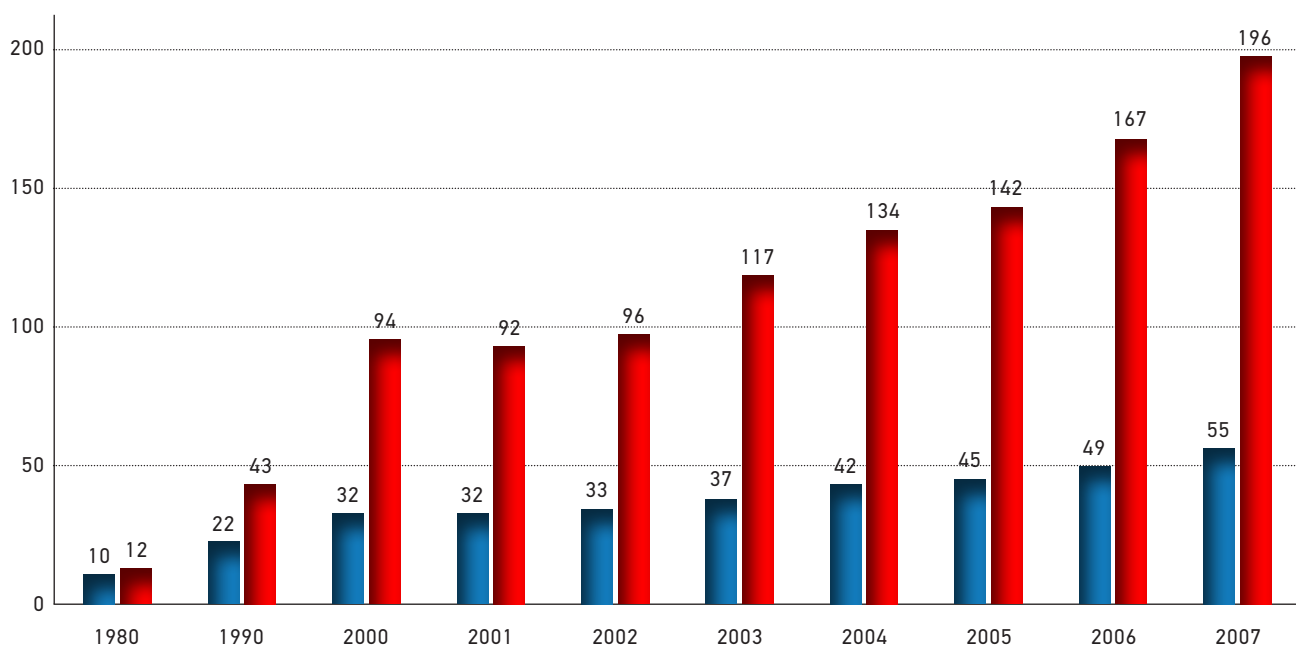

Рис. 1. Динамика реального и финансового богатства

Неолиберализм и финансиализация совпали по времени с коммерческой и финансовой глобализацией. Но если коммерческая глобализация была необходимым этапом развития капитализма, сокращая время и стоимость транспортировки товаров и других коммуникаций, поддерживающих международные торговлю и производство, то финансовая глобализация и финансиализация не были ни естественными, ни необходимыми. Они оказались, по сути, извращениями капиталистического развития. Финансовая либерализация привела к тому, что развивающиеся страны, за исключением некоторых быстрорастущих азиатских стран, потеряли контроль над своими обменными курсами и стали жертвами периодических кризисов платежного баланса. Не случайно быстрорастущие азиатские страны активно участвовали в коммерческой глобализации, но одновременно серьезно ограничили финансовую либерализацию.

Неолиберальная форма интеграции мирового рынка приносит большую пользу капиталу, потому что он контролирует наиболее ликвидные, абстрактные и универсальные ресурсы. Капитал, приносящий проценты, в отличие, например, от поставщиков торгового или производственного кредита, становится доминирующей силой в экономической, политической и социальной жизни и способствует финансиализации повседневной жизни. Интеграция мирового финансового рынка усиливает неравномерность

экономического развития, а последствия финансиализации ослабляют производственные капиталы, которые необходимы в определенное время в определенном месте. Логика финансиализации подрывает или ограничивает примат производства в общей логике накопления капитала. По сравнению с относительной внутренней структурной устойчивостью и связностью фордизма, финансовый режим, который развивался с 1980-х годов, работает против долгосрочной стабильности накопления и его регулирования.

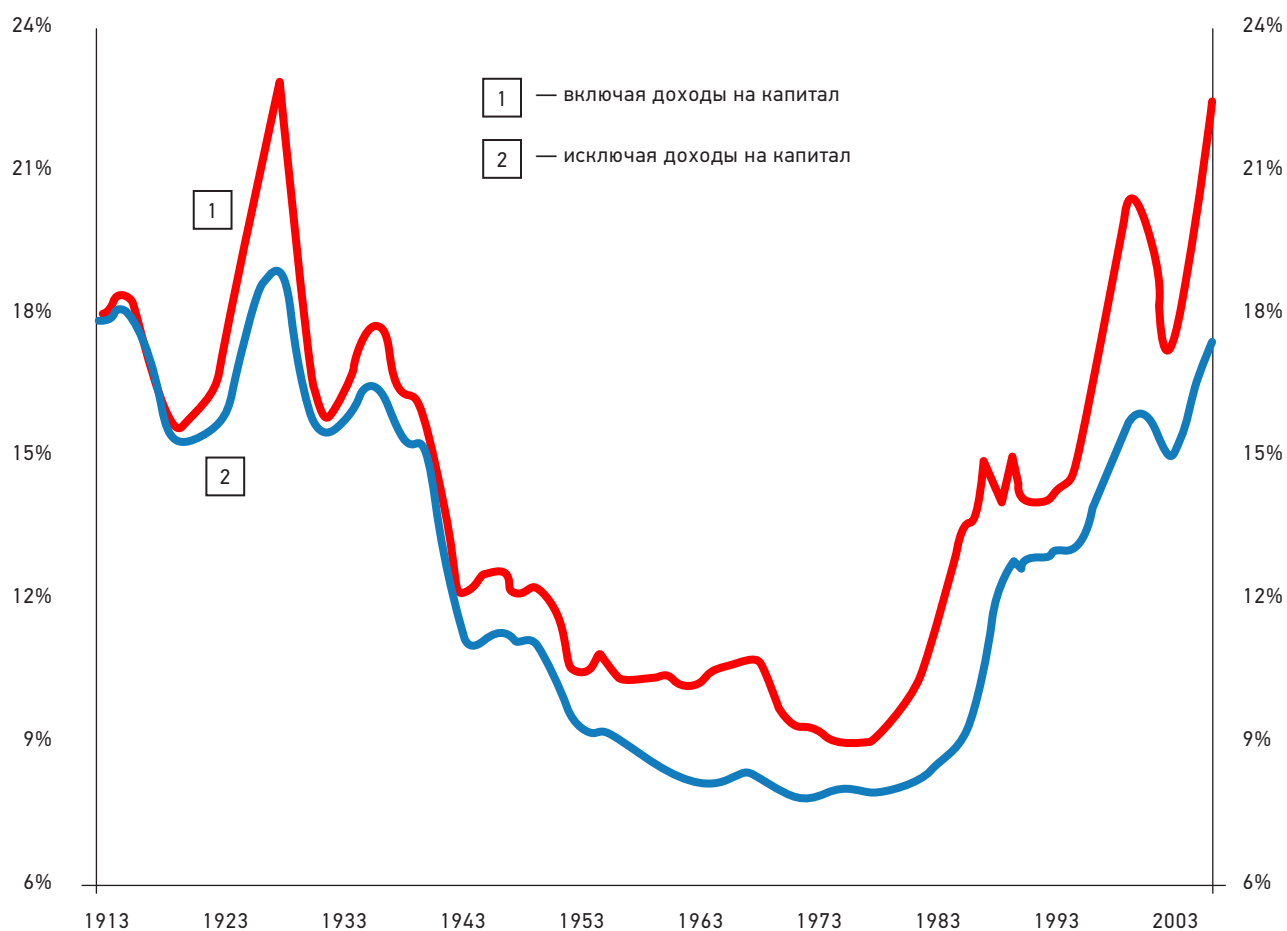

Рис. 2. Доля национального дохода 1% самых богатых семей в США, 1913–2006 гг.

Источник: Bresser-Pereira L.C. The global financial crisis, neoclassical economics, and the neoliberal years of capitalism // *Revue de la régulation*. Spring 2010.

По мере того как неолиберализм и финансиализация расширяются и проникают глубже, они трансформируют микро- и макродинамику капиталистических экономик.

Во-первых, они меняют поведение нефинансовых компаний, ставя во главу угла рост акционерной стоимости. Для них растет значение финансовой деятельности (например, казначейских функций, финансового посредничества, использования нераспределенной прибыли для обратного выкупа акций и приобретения или расширения

финансовых дочерних компаний), которая не связана напрямую с основными видами производственной деятельности. Таким образом, финансовые доходы становятся более важными для предприятия по сравнению с его прибылью от основного вида деятельности [Lapavitsas].

Во-вторых, этот процесс увеличивает размер и влияние финансового сектора. Деятельность, связанная с получением вознаграждения и принятием рисков, возрастает по сравнению с более традиционной ролью банковского капитала (такой как финансовое посредничество и управление рисками).

В-третьих, финансиализируется и повседневная жизнь. Заработная плата рассматривается в первую очередь как стоимость производства, а не как источник спроса, что приводит к коммодификации (превращению в товар) социального обеспечения, жилья, пенсий, высшего образования, медицинского страхования и т. д. Растущая гибкость наемного труда, сокращение социальных гарантий и заработной платы заставляют работников прибегать к кредитам для поддержания своего уровня жизни.

В-четвертых, как показали последовательные кризисы с середины 1970-х годов, финансиализация делает экономику более склонной к рецессии и, в тяжелых случаях, более подверженной нисходящей спирали динамики долга-дефляции-дефолта [Lapavitsas].

Такой режим содержит в себе кризисный механизм, истоки которого — в системном конфликте между приносящим проценты и приносящим прибыль капиталом. W. Elsner объясняет это следующим образом. Финансовый капитал в режиме финансового доминирования имеет целевую норму доходности, которая в несколько раз больше, чем историческая норма для производительного капитала, приносящего прибыль. А что еще хуже, в стремлении достичь этой цели он занимается массовым использованием фиктивных кредитов [Elsner].

С макроэкономической точки зрения капитализм, в котором доминируют финансы, повлиял на долгосрочное экономическое развитие по следующим трем основным направлениям [Hein].

Во-первых, финансиализация способствовала увеличению доли валовой прибыли (включая нераспределенную прибыль, дивиденды и процентные платежи) и, таким образом, падению доли трудового дохода и увеличению удельного веса заработной платы менеджмента.

Во-вторых, финансиализация привела к увеличению власти акционеров, росту доходности акций и облигаций, находящихся в руках рантье, и привязке менеджмента к интересам акционеров за счет схем оплаты труда, бонусов, программ опционов на акции, привязанных к краткосрочным результатам деятельности. Это настраивало менеджмент на получение высокой прибыли в краткосрочной перспективе, уменьшало

интерес руководства к реальным инвестициям в основной капитал и долгосрочному росту фирмы.

Наконец, в-третьих, изменение финансовых норм, новые финансовые инструменты (например, задолженность по кредитной карте и жилищное кредитование), а также ухудшение стандартов кредитоспособности позволили предоставлять больше кредитов малообеспеченным домашним хозяйствам. Это стимулировало рост потребления, но также привело к увеличению отношения долга к доходу частных домохозяйств и, таким образом, увеличило финансовую уязвимость экономики в целом.

Доля трудового дохода в ВВП в развитых капиталистических странах имела тенденцию к снижению с самого начала 80-х годов вплоть до кризиса 2008–2009 гг. Эта тенденция наиболее выражена в тех странах зоны евро, для которых был характерен долговой потребительский бум (Греция, Ирландия и Испания) (рис. 3).

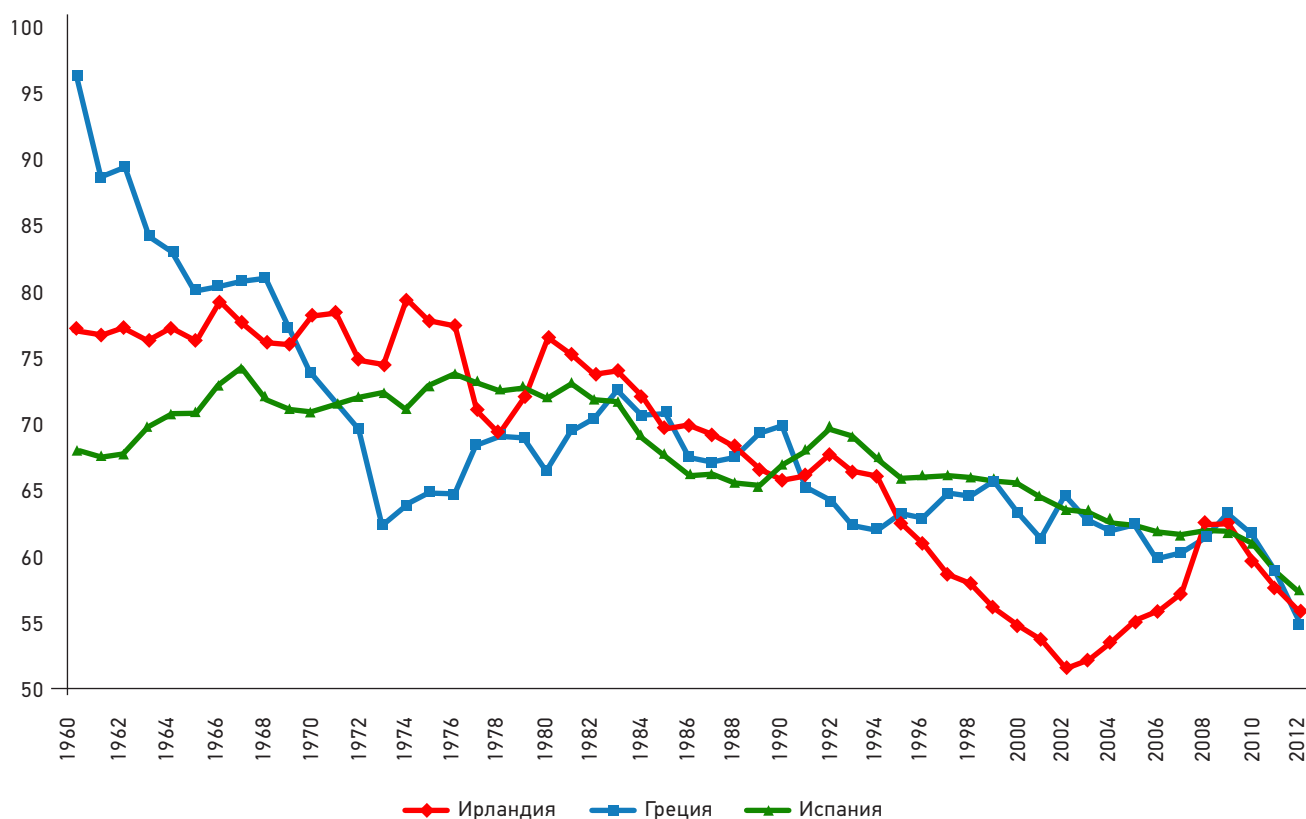

Рис. 3. Доля трудового дохода в ВВП (Греция, Ирландия, Испания), %

Источник: Hein E. Finance-dominated Capitalism and Redistribution of Income: A Kaleckian Perspective. Working Paper No. 746. Berlin School of Economics and Law and Institute for International Political Economy. Berlin. January, 2013.

Однако то же было заметно и в странах зоны евро, которые можно отнести к категории «экспортоориентированных» (Австрия, Бельгия, Финляндия, Германия и Нидерланды) (рис. 4).

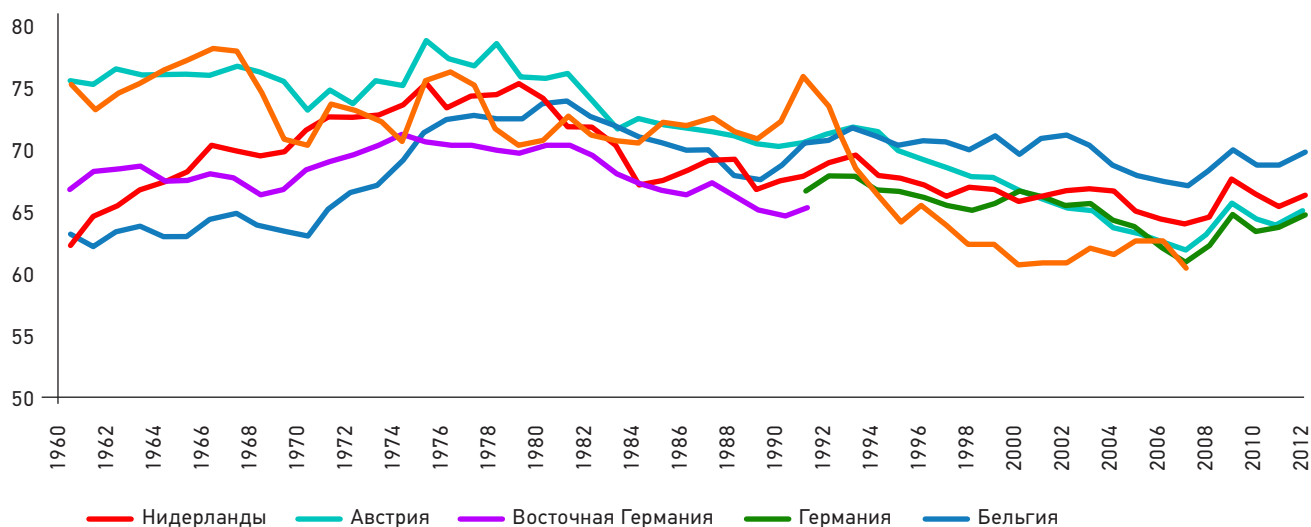

Рис. 4. Доля трудового дохода в ВВП (Австрия, Бельгия, Финляндия, Германия и Нидерланды), %

Источник: Hein E. Finance-dominated Capitalism and Redistribution of Income: A Kaleckian Perspective. Working Paper No. 746. Berlin School of Economics and Law and Institute for International Political Economy. Berlin. January, 2013.

В США и Японии этот показатель снизился за 1980–2020 гг., соответственно, с 70 до 64% и с 75 до 65%.

Распределение личных доходов в большинстве стран с середины 1980-х до конца 2000-х годов стало более неравномерным. Если взять за индикатор коэффициент Джини (табл. 1), в некоторых странах — в частности, в Финляндии, Германии, Италии, Португалии, Великобритании и США — рост неравенства был особенно значительным.

В США и Великобритании с начала 1980-х годов наблюдался настоящий взрыв удельного веса жителей с самыми высокими доходами. Это показатель снова достиг уровня середины 1920-х годов в США и середины 1930-х годов в Великобритании¹.

Росту неравенства в значительной степени способствовал рост вознаграждения топ-менеджмента («работающих богатых»). В определенные годы зарплаты топ-менеджмента составляли более 50% верхней доли дохода 0,1% в США и Испании и более 60% в Нидерландах.

¹ Alvarado F., Atkinson A. B., Piketty T., Saez E. The World Top Incomes Database. 2012. — URL: g-mond.parisschoolofeconomics.eu/topincomes (date of access: 06.04.2021).

Таблица 1

Коэффициент Джини для домашних хозяйств до уплаты налогов

Страны	Середина 1980-х гг.	Конец 2000-х гг.	Изменение
Бельгия	0,449	0,469	0,020
Финляндия	0,387	0,465	0,078
Германия	0,439	0,504	0,065
Италия	0,420	0,534	0,114
Швеция	0,404	0,426	0,022
Великобритания	0,419	0,506	0,087
США	0,436	0,486	0,050
Япония	0,345	0,462	0,117

Источник: Hein E. Finance-dominated Capitalism and Redistribution of Income: A Kaleckian Perspective. Working Paper No. 746. Berlin School of Economics and Law and Institute for International Political Economy. Berlin. January, 2013.

Особенное распространение процесс финансиализации получил в США. С 1980 г. в этой стране осуществлялся фундаментальный переход от экономики, ориентированной на производство и обрабатывающую промышленность, к экономике, ориентированной на финансы. Доля национального дохода, получаемого через финансовые каналы, увеличилась, корпоративное управление стало все больше определяться финансовыми, а не товарными рынками, политика же начала ориентироваться на благополучие крупных фирм, оказывающих финансовые услуги [Krippner].

Нефинансовые корпорации, в свою очередь, стали рассматриваться скорее как совокупность активов, чем как фирмы с ориентацией на производство товара. В 1980-х годах, когда цели роста акционерной стоимости стали доминировать в корпоративной стратегии, показателями успеха вместо доли компании на рынке стали краткосрочная прибыльность и рост курса акций [Goldstein]. Это поощряло руководителей распределять прибыль среди акционеров, а не реинвестировать в производство [Davis].

В этот период многие нефинансовые компании увеличили финансовый компонент своего инвестиционного портфеля. Например, компания General Electric (GE) в конце 1970-х годов раздула свои финансовые активы, вкладывая в них прибыль от производства. Особенно популярной такая стратегия стала среди корпораций США в 1980-х годах [Human].

Традиционно считалось, что развитие финансового сектора способствует экономическому росту. Однако в последнее время этот тезис подвергается сомнению. Исследования показывают, что влияние размера финансового сектора на экономический рост становится отрицательным, когда финансовые услуги начинают занимать слишком большую долю экономики: высокий уровень финансовой активности вытесняет реальные инвестиции и НИОКР в нефинансовом секторе [Cecchetti, Kharroubi Reassessing...]. Те же авторы в другой статье приходят к выводу, что рост финансового сектора кон-

курует с реальной экономикой. Они обнаружили для выборки из пятнадцати стран ОЭСР, что увеличение темпов роста финансового сектора связано со снижением роста производительности, особенно в наукоемких и капиталоемких отраслях экономики [Cecchetti, Kharroubi Whydoes financial...].

По оценкам некоторых исследователей, финансиализация снизила добавленную стоимость нефинансового сектора за 1970–2008 гг. на 3,9%, что примерно эквивалентно трем годам потерянного экономического роста. Таким образом, с точки зрения нефинансового сектора финансовые инвестиции оказались экономически разрушительными. С точки же зрения финансового капитала эти сдвиги, напротив, стали источником увеличения доходов [Tomaskovic-Devey, Lin, Meyers] (табл. 2).

Таблица 2

Экономический эффект финансиализации в 1970–2008 гг.

	Изменение за период, %
Добавленная стоимость	-3,9
Компенсация капитала	2,7
Выплаченные дивиденды	6,0
Выплаты по процентам	35,3
Заработная плата	-1,5
Выплата налогов	-5,6

Источник: Tomaskovic-Devey D., Lin K.-H., Meyers N. Did financialization reduce economic growth? // Socio-Economic Review. May, 2015. P. 1–24.

Хотя неравенство между странами уменьшилось, неравенство внутри стран возросло, особенно сильно в США. Экономическая мобильность замедлилась, причем средний класс, который рассматривался как критически важный для американской экономики, пострадал особенно сильно. Его доля среди домохозяйств снизилась с 61 до 52%. Средняя заработная плата рабочих в США с 2000 по 2019 г. росла всего на 0,9% в год. Поляризация рынка труда ликвидировала миллион рабочих мест со средней заработной платой. Доля рабочей силы в национальном доходе продолжала снижаться, а заработная плата отставала от роста производительности. Несмотря на общий рост занятости, большинство созданных рабочих мест оказалось в секторах с низкой заработной платой, часто в сфере обслуживания. Кроме того, большая часть прироста занятости была вызвана альтернативными формами работы с неполным рабочим днем [Rethinking...]. Более двух третей роста рабочих мест в США с 2007 г. было сосредоточено лишь в 25 городах и динамичных хабах, в то время как в других городах и сельских округах, где проживает 77 млн человек, наблюдалось отсутствие роста либо падение занятости даже во время восстановления после последнего финансового кризиса.

Экономический рост в последние 20 лет был сосредоточен в небольшом числе секторов, включая финансы, недвижимость, технологии, фармацевтику и некоторые бизнес-услуги. Такая концентрация привела к росту благосостояния владельцев немате-

риальных активов и капитала. В США всего на 6% округов приходится две трети ВВП. Концентрация талантов, интеллектуальной собственности и других нематериальных активов усиливает эту географическую концентрацию доходов в «городах-звездах» — таких как Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Атланта, где ВВП на душу населения на 40% выше, чем в других городах.

Инвестиции в образование, человеческий капитал, фундаментальные исследования и разработки, инфраструктуру не отвечали уровню, который необходим для равенства возможностей и участия в экономике всех людей, для роста производительности и конкурентоспособности. Федеральные расходы на образование, инфраструктуру и научные исследования упали в США примерно с 2,5% ВВП в 1980 г. до менее 1,5% в 2019 г. [Rethinking...] Инвестиции частного сектора в инфраструктуру, в том числе в форме государственно-частного партнерства, за последние 35 лет также упали и особенно снизились после рецессии 2008 г.

Пандемия COVID-19 стала серьезным шоком для мировой экономики. США и страны Западной Европы восстанавливаются не так быстро, как экономики Китая, Кореи и Японии [Роров]. Одна из слабостей западного мира заключается в его зависимости от Восточной Азии в производстве масок, тест-наборов и других медицинских изделий. Глобальные цепочки стоимости продемонстрировали свои слабые места, связанные со слишком широким распространением и раздробленностью по разным странам. Это также сигнализирует об отступлении англо-саксонского акционерного капитализма, который был движущей силой глобализации и неолиберализма с 1980-х годов.

Можно сказать, что пандемия — это последний удар по глобализации или чрезмерной фрагментации глобальных цепочек стоимости, после двух предшествующих ударов: глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. и торговой войны между США и Китаем. Кризис COVID-19 показал преимущества стран, ориентированных на развитие обрабатывающей промышленности, перед экономиками, ориентированными на услуги.

Европейский союз в последние годы инициировал несколько реформ, направленных на ограничение негативного влияния акционерного капитализма. В 2015 г. Парламент ЕС принял Директиву, изменившую характер корпоративного управления европейский компаний [Stabilini]. Эта Директива позволяет фирмам предоставлять больше прав голоса или больше дивидендов постоянным или долгосрочным акционерам, которые владеют своими акциями более двух лет. В соответствии с ней во Франции был принят закон, по которому многие фирмы (или более 54% французского фондового рынка, включая Electricite de France, Air Liquide, Credit Agricole, L'Oreal, Lafarge и Group SEB) решили выпустить акции, дающие особые права постоянным акционерам.

Даже США теперь разрешают своим компаниям выпускать акции двойного класса при первичном публичном размещении акций на NASDAQ, что дает преимущество с точки зрения количества голосов основателям фирм. Используя это, основатели

многих высокотехнологичных фирм в США могут рассчитывать на долгосрочное управление и активно реализовывать инновационные проекты. Подобные акции двойного класса выпущены, например, такими компаниями, как Facebook, Google и Amazon [Zeiler].

Последствия глобализации для стран с развивающейся экономикой еще в 2011 г. интерпретировал Дэнни Родрик в книге «Парадокс глобализации». Автор утверждал, что глобализация, национальный суверенитет и демократия несовместимы: глобализация имеет тенденцию подавлять либо национальный суверенитет, либо демократию. В условиях глобализации у национального правительства остается меньше возможностей или инструментов для проведения внутренней экономической политики, включая процентные ставки и обменные курсы [Rodrick].

Трилемму глобализации можно сравнить с обычной трилеммой (или «невозможной троицей») в макроэкономике, в соответствии с которой свободная мобильность капитала, автономная денежно-кредитная политика (процентные ставки) и свободно плавающие обменные курсы не могут сосуществовать вместе, то есть крайней мере один из трех элементов должен быть принесен в жертву. Страны с развитой экономикой выбирают, как правило, сочетание свободной мобильности капитала и автономной денежно-кредитной политики. Напротив, некоторые страны с развивающейся экономикой (например, Корея до ее вступления в ОЭСР в 1993 г.) склонны отдавать предпочтение автономным процентным ставкам и обменным курсам, поскольку они чрезвычайно важны для наверстывания этапов экономического развития. Это сочетание выбирают и другие «догоняющие» страны с формирующейся рыночной экономикой, включая Китай.

МВФ и Всемирный банк рекомендовали финансовую либерализацию странам с развивающейся экономикой, подразумевая, что такая политика принесет им недостающие финансовые ресурсы [Williamson, p. 90–120]. Однако чаще всего за финансовой либерализацией следует финансовый кризис, а не устойчивый экономический рост, что наблюдалось во время азиатского кризиса 1997 г., затронувшего Корею, Таиланд и Индонезию. Этим странам приходилось запрашивать у МВФ экстренные ссуды. Только Малайзия избежала такого развития событий, введя контроль за движением капитала. Поэтому даже МВФ стал осторожнее предлагать полномасштабную финансовую либерализацию и признал необходимость активного управления капиталом при определенных условиях [Ostry, Ghosh, Habermeier, Chamon, Qureshi, Reinhardt].

Китай может быть моделью экономического роста для других развивающихся стран на ранних стадиях развития, когда можно использовать преимущества дешевой рабочей силы. Создание инфраструктуры и политическая стабильность могут побуждать иностранные компании строить фабрики, использующие эту дешевую рабочую силу. Будут ли такие иностранные инвестиции нацелены на внутренние рынки стран с развивающейся экономикой или на экспортные рынки, зависит от размера внутреннего рынка. Например, японские компании инвестировали в Таиланд в основном с целью

экспорта за границу, тогда как их инвестиции в Индонезии нацелены на внутренний рынок. Начав с экспортно ориентированной экономики и многому научившись у иностранных инвесторов, Китай теперь сосредоточивается на своем огромном внутреннем рынке.

Крах финансовой системы и последовавшая за этим Великая рецессия были и остаются определяющей проблемой для нынешнего поколения руководителей бизнеса. Кризис бросил вызов самому капитализму. Последовавший всплеск общественного антагонизма обострил трения между бизнесом и обществом. Помимо беспокойства по поводу постоянных проблем, таких как неравенство доходов, понятное недовольство в мире вызывают высокая безработица, растущие бюджетные дефициты, а теперь еще и пандемия COVID-19.

Эксперты считают, что необходим переход от того, что журнал Harvard Business Review назвал «квартальным капитализмом» [Barton], к тому, что можно назвать «долгосрочным капитализмом». Для приблизительной оценки «долгосрочности» лучше всего подходит количество времени, необходимое для инвестирования и создания нового прибыльного бизнеса, составляющее, по данным исследования McKinsey, не менее пяти-семи лет. Преобразования должны затронуть не только фундаментальные способы управления корпорациями, но также традиционные взгляды на ценность бизнеса и его роль в обществе.

Есть три основных элемента необходимых изменений. Во-первых, отказ бизнеса и финансов от своей краткосрочной ориентации, обновление стимулов и структуры, чтобы сосредоточить организации на долгосрочной перспективе. Во-вторых, внедрение идеологии, согласно которой ориентация на служение интересам всех основных заинтересованных сторон (стейкхолдеров) — сотрудников, поставщиков, клиентов, кредиторов, сообществ, окружающей среды — не противоречит цели максимизации корпоративной стоимости и даже необходима для достижения этой цели. В-третьих, укрепление способности советов директоров управлять компанией в качестве собственников. (Принимая важные решения, азиатские компании обычно рассчитывают как минимум на 10–15 лет вперед, в то время как в США и Европе «близорукость» стратегии — это норма.)

Ни одна из предлагаемых идей не нова. Новостью является безотлагательность этих задач. Лидеры бизнеса сегодня стоят перед выбором: самим реформировать капитализм или позволить реформировать его с помощью политических мер под давлением разъяренной общественности. Реформы не только повысят доверие общества к системе, но и укрепят саму систему. Долгосрочная перспектива является сегодня конкурентным преимуществом многих азиатских экономик и предприятий.

Недальновидность западных учреждений видна во всех сферах. Например, средний срок пребывания в должности генерального директора снизился с 10 лет в 1995 г. до шести лет в настоящее время, притом что сложность и масштаб деятельности компа-

ний значительно выросли. В 1970-е годы средний период владения акциями в США составлял около семи лет; теперь этот показатель равен семи месяцам. Это сделало рынки гораздо более волатильными и привело к огромному разрыву между рыночной ценой корпораций и их реальной стоимостью. Кроме того, существуют «сверхскоростные» трейдеры (некоторые из них держат акции всего несколько секунд), на долю которых, по некоторым оценкам, сейчас приходится 70% всей торговли акциями США.

Чтобы освободиться от тирании краткосрочного подхода, необходимо начать с тех, кто предоставляет финансовый капитал. Пенсионные фонды, страховые компании, паевые инвестиционные фонды и суверенные фонды благосостояния вместе владеют 65 триллионами долларов, или примерно 35% мировых финансовых активов. Если эти игроки сосредотачиваются на краткосрочной перспективе, компании действуют в том же ключе.

Лишь 45% опрошенных жителей в США и Великобритании выразили доверие к бизнесу. Это контрастирует с развивающимися странами: например, в Китае показатель доверия составляет 61%, в Индии — 70%, в Бразилии — 81%.

Когда-то финансовые бумаги были ничем не хуже реальных активов. Но эти дни прошли. Избыточное предложение финансовых бумаг подорвало веру в их реальную стоимость. По мере того как финансовые учреждения, а теперь и страны рушатся из-за своих долгов, финансовые бумаги быстро теряют свою кредитоспособность. Единственный оставшийся рычаг для их поддержки на Западе — это доллар в качестве глобальной резервной валюты, но и этот рычаг постепенно слабеет. Вес доллара в мировой экономике достаточно быстро снижается.

Деньги не были и никогда не будут надежным хранилищем стоимости. Это всего лишь стандартный индикатор цен и стандартное средство обмена. Глобальный Запад должен освободиться от разрушительного царства финансового капитализма и двигаться к производительному капитализму, от бумажных активов — к реальным. Необходим переход от фальшивого «роста», обусловленного кредитами, к реальному экономическому производству; от финансового капитализма с его концентрацией богатства — к производительному капитализму, который это богатство распределяет. Финансовый капитализм не является устойчивым по своей природе (ни в неравенстве, которое он порождает, ни в создаваемой им безработице, ни в разрыве систем социальной защиты, ни в ценности, доверии и надежности бумаг, которые он выпускает) [3]. Размер финансового сектора не должен превышать 2% ВВП, иначе он съедает реальную экономику.

После глобального финансового кризиса 2008 г. возник консенсус в отношении того, что государственный сектор должен вмешиваться в экономику в целях оказания помощи системно значимым банкам и стимулирования экономического роста. Но этот консенсус оказался недолговечным, и вскоре вмешательство государственного сектора в экономику стало рассматриваться как основная причина кризиса. В Европе, в част-

ности, правительства подверглись критике за их высокие долги, хотя как раз частный долг (а не государственные займы) вызвал финансовый крах. Многим странам было рекомендовано ввести жесткую экономию, а не стимулировать рост с помощью антициклической политики. Финансовые реформы оказались свернуты, в ряде стран промышленность все еще не встала на ноги. В то время как прибыль во многих секторах восстановилась, инвестиции остаются слабыми из-за сочетания накопления наличных средств и растущей финансиализации с обратным выкупом акций — для повышения цен и, следовательно, опционов на акции. Политика по-прежнему основывается на не-либерализме, который отстаивает минимальную роль государства в экономике.

Для экономического роста необходим хорошо функционирующий финансовый сектор, в котором долгосрочные вложения вознаграждаются выше краткосрочных операций. Однако в Европе налог на финансовые операции был введен только в 2016 г. В результате деньги, которые вливаются в экономику, например, посредством смягчения денежно-кредитной политики, возвращаются в банки.

Преобладание краткосрочного мышления отражает фундаментальное недопонимание надлежащей экономической роли государства. Активные стратегические инвестиции государственного сектора имеют решающее значение для роста. Все великие технологические революции — будь то в медицине, компьютерах или энергетике — стали возможными благодаря тому, что государство выступило в качестве инвестора первой инстанции. Тем не менее многие продолжают романтизировать частных игроков в инновационных отраслях, игнорируя их зависимость от государственных инвестиций. Илон Маск, например, не только получил более 5 миллиардов долларов в виде субсидий от правительства США; его компании SpaceX и Tesla были созданы, соответственно, на базе NASA и Министерства энергетики.

Популярное предположение состоит в том, что государство способствует созданию богатства (и перераспределяет то, что создано), но само его не создает. Лидеры бизнеса, напротив, считаются производительными экономическими субъектами — понятие, используемое некоторыми для оправдания растущего неравенства. По этой логике, поскольку деятельность предприятий (зачастую рискованная) создает богатство и, следовательно, рабочие места, их руководители заслуживают более высоких доходов. Генеральный директор Goldman Sachs Ллойд Бланкфейн имел смелость заявить в 2009 г., всего через год после кризиса, в котором участвовал его собственный банк, что его сотрудники были одними из «самых продуктивных в мире». Фармацевтическим компаниям сходит с рук использование «ценообразования на основе стоимости» для оправдания астрономического роста цен на лекарства — несмотря на то, что правительство США, например, ежегодно тратит более 32 миллиардов долларов на высокорисковые звенья инновационных лекарственных цепочек [Farrell].

Когда ошибочные, идеологизированные взгляды на создание стоимости в экономике формируют политику, результатом становятся меры, которые поощряют краткосрочность и подрывают инновации. Тогда рента (нетрудовой доход) путается с прибылью

(трудовым доходом), неравенство растет, а инвестиции в реальный сектор экономики падают. Между тем стоимость определяется коллективно бизнесом, работниками, стратегическими государственными учреждениями и организациями гражданского общества. От взаимодействия этих различных субъектов зависят не только темпы экономического роста, но и то, будет ли рост инновационным, всеобъемлющим и устойчивым. Только признав, что политика должна быть направлена как на активное формирование рынков, так и на их исправление (когда что-то идет не так), можно положить конец последствиям финансового кризиса.

В конце первого десятилетия XXI в., в разгар мирового финансового кризиса, были сформулированы три среднесрочных сценария. Первый предполагал в качестве основы сотрудничество между США и Китаем (Chimerica), или заключение пакта доллар — юань. Второй подразумевал расширение сотрудничества США с Россией и западноевропейскими державами, в первую очередь Германией и Францией, на базе особых соглашений с еврозоной и рублевой зоной. Оба сценария рассматривались как своеобразная основа новой Бреттон-Вудской системы со всеобъемлющим соглашением между всеми ведущими державами. Последующие события развивались скорее вразрез с ними. Третий сценарий — это обострение дисбалансов до такой степени, что система становится полностью неуправляемой и воспроизводит канун августа 1914 г., но на этот раз на ядерном фоне [Marazzi]. Все три сценария исходят из неизбежности упадка гегемонии крупнейшей мировой державы — США, которые одновременно являются крупнейшим мировым должником.

Формы и цели борьбы против кризисного финансового капитализма носят одновременно национальный и глобальный характер. Цели этой борьбы ясны: новые коллективные правила управления рынком и финансовыми системами, социальная мобилизация для перехода к новой инвестиционной политике в сфере государственных услуг, образования и благосостояния, создание новых рабочих мест, отстаивание права на заработную плату, работу и социальный доход, выстраивание автономных самоопределяющихся сообществ. Однако готовых рецептов для построения новых альтернативных парадигм нет, есть только осознание того, что перемены необходимы.

Литература

- Barton D. Capitalism for the Long Term // Harvard Business Review. March, 2011. — URL: hbr.org/2011/03/capitalism-for-the-long-term (date of access: 11.05.2021).
- Bordo M., Eichengreen B., Klingsbiel D., Martinez-Peria M. Is the crisis problem growing more severe? // Economic Policy. Vol. 16. Issue 32. Pages 52–82.
- Cecchetti S. G., Kharroubi E. Why does financial sector growth crowd out real economic growth? BIS Working Papers No 490. 2015.
- Cecchetti S. G., Kharroubi E. Reassessing the Impact of Finance on Growth. BIS Working Papers. № 381. 2012.
- Davis L.E. The Financialization of the Nonfinancial Corporation in the Post-1970 U.S. Economy. Doctoral Dissertation. University of Massachusetts. Amherst. 2014. — URL: scholarworks.

- umass.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1170&context=dissertations_2 (date of access: 11.05.2021).
- Elsner W.* Financial capitalism — at odds with democracy: the trap of an ‘impossible’ profit rate // *Real-World Economics Review*. 2012. № 62. P. 132–159.
- Farrell G.* Goldman chief defends employees’ pay // *Financial Times*. 11.11.2009. — URL: ft.com/content/52917628-ce33-11de-a1ea-00144feabdc0 (date of access: 11.05.2021).
- Goldstein A.* Revenge of the Managers // *American Sociological Review*. 2012. № 77. P. 268–294.
- Hein E.* The Macroeconomics of Finance-dominated Capitalism — and its Crisis. 2012.
- Hyman L.* Borrow: The American Way of Debt. N.Y. 2012.
- Kotegawa D.* Financial capitalism and the future // DOC Research Institute. 07.12. 2017. — URL: doc-research.org/de/2017/12/financial-capitalism-future/ (date of access: 11.05.2021).
- Krippner G. R.* Capitalizing on Crisis: The Political Origins of the Rise of Finance. Cambridge. 2011.
- Lapavistas C.* Profiting without Producing: How Finance Exploits Us All. London. 2013.
- Marazzi Ch.* The Violence of Financial Capitalism. 2009.
- Ostry J.D., Ghosh A.R., Habermeier K., Chamon M., Qureshi M.S., Reinhardt D.B.S.* Capital inflows: the role of controls. IMF Staff Position Note. 19.02.2010. — URL: imf.org/external/pubs/ft/spn/2010/spn1004.pdf (date of access: 11.05.2021).
- Popov V.* Which economic model is more competitive? The West and the South after the Covid 19 pandemic. // DOC Research Institute. 17.09.2020. — URL: doc-research.org/2020/09/which-economic-model-is-more-competitive-the-west-and-the-south-after-the-covid-19-pandemic/ (date of access: 11.05.2021).
- Reinhart C.N., Rogoff K.S.* This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly. 2009. DOI: 10.2307/j.ctvc4m4gqx (date of access: 11.05.2021).
- Rethinking the future of American capitalism. McKinsey Global Institute. 12.11.2020. — URL: mckinsey.com/featured-insights/long-term-capitalism/rethinking-the-future-of-american-capitalism# (date of access: 11.05.2021).
- Rodrick D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. N.Y., London. 2011.
- Shonfield A.* Modern Capitalism. Oxford. 1969.
- Stabilini A.* Revision of the Shareholders Rights Directive: It’s a Long Way Home // Lexology. 07.05.2015. — URL: lexology.com/library/detail.aspx?g=10cdafcd-9dea-43fc-9016-a96ae6952489 (date of access: 11.05.2021).
- Tomaskovic-Devey D., Lin K.-H., Meyers N.* Did financialization reduce economic growth? // *Socio-Economic Review*. May, 2015. P. 1–24.
- Williamson J.* Modern Political Economy and Latin America. Washington. 1990.
- Zeiler D.* Why Facebook Inc. Stock Is a Bet on the Future // *Money Morning*. 18.04.2014. — URL: moneymorning.com/2014/04/18/why-facebook-inc-nasdaq-fb-stock-is-a-bet-on-the-future/ (date of access: 11.05.2021).

Authors

Vladimir KONDRATEV — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; Full Professor; Doctor of Economics; v.b.kondr@imemo.ru.

Anton KRUTIKOV — Historian, external expert of the Center for Research and analytics, Foundation for historical outlook; bialyorzel1000@gmail.com.

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Leading Researcher, Institute of Europe RAS; Director of the Research Centre, Foundation for Historical Outlook; Editor in chief of «Perspectives and prospects. E-journal»; Ph.D. in History; ye_naroch@inbox.ru.

Yury TAVROVSKIY — Co-Chairman of Expert Council of the Russian-Chinese Committee for Friendship, Peace and Development; permanent member of the Izborsk Club; diplomatr@mail.ru.

Natalia TRAVKINA — Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Vladimir VASILIEV — Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Chief Researcher, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Nailya YAKOVLEVA — Leading Researcher, the Center for Political Studies, Institute of Latin America, RAS; Ph.D. in History; nel-yakovleva@yandex.ru.

Ella ZADOROZHNYUK — Head of the Department of Central and South-Eastern Europe, Institute for Slavic Studies, RAS; Doctor of History; tanyaslav@rambler.ru.

Abstracts and Keywords

Vladimir KONDRATEV

THE FUTURE OF FINANCIAL CAPITALISM

Abstract. *The financial capitalism has largely determined the direction of economic and social development in the last four decades. Addressing key aspects of financial capitalism, the author reviews its impacts on macroeconomic and social indicators, and its potential for transformation. Finance-dominated capitalism and financialization of all aspects of social life can stifle economic growth, favor capital at the expense of labor and the state, undermine democracy, increase inequality and cause economic and social instability. Politically, financial capitalism is underpinned by the imperative of neoliberalism. This flawed model of development and the deregulation of the financial system have inevitably led to crisis. Instead of deregulation, today's capitalism needs regulation to coordinate and guide the market economy to ensure broader and longer term interests.*

Keywords: *financial capitalism, financialization, neoliberalism, economic crisis, social instability, transformation of capitalism.*

Anton KRUTIKOV

“SOME DEPUTIES HESITATED UNTIL THE LAST MOMENT.” ON THE ROAD TO UKRAINIAN INDEPENDENCE

Abstract. *The reluctant alliance between Ukrainian nationalists and the Communist Party and economic nomenklatura in August 1991 was one of the key factors in the declaration of Ukrainian independence. The Ukrainian political class preserved its monolithic character, which was reflected in the decorative and mostly formal changes that took place in the country after 1991. Instead of a profound transformation of the political system and structure of the political power, Ukrainian society received essentially the same set of institutions, political practices and actors. Personal interests of Ukrainian elites, guided by the instinct for self-preservation, played a decisive role.*

Keywords: *Ukraine, the USSR, GKChP coup, party nomenklatura, Ukrainian elites, Ukrainian independence, Ukrainian nationalism.*

Ekaterina NAROCHNITSKAYA**THE IDEOLOGICAL LEGACY OF CHARLES DE GAULLE. II. NATIONAL PARADIGM. PART 1. AN UNDERSTANDING OF NATIONAL REALITIES**

Abstract. *The national credo of Ch. de Gaulle went far beyond patriotism, a romantically providential image of France, the principles of French independence and “greatness”. The «last great Frenchman» had his own in-depth understanding of national dimension in history, which in his typical way synthesized existing concepts and doctrines, while rejecting extremes, reductionism and absolutization. Being a doer of history and not a desk theorist, the founder of the Fifth Republic did not seek to formalize his reflections in abstract terms. Yet, his systemic approach to the national dimension within his political philosophy contains a substantial theoretical message. The author explores key elements of de Gaulle’s national idea, his views on the French nation’s genesis, identity and evolution, on political and cultural role of nationhood, on prospects for nation states and other.*

Keywords: *Ch. de Gaulle, Gaullism, de Gaulle’s political philosophy, France, theories of nation, understanding of nationhood, national idea, nationalism, national identity, French identity, future of nations.*

Ekaterina NAROCHNITSKAYA**THE IDEOLOGICAL LEGACY OF CHARLES DE GAULLE. II. NATIONAL PARADIGM. PART 2. A CONCEPT OF FRANCE’S GREATNESS**

Abstract. *The imperative of France’s grandeur was one of de Gaulle’s national idea essential elements which is as widely known as it is often misinterpreted. Although such classical vocabulary was disappearing from European political discourse, the founder of Gaullism used the notion of greatness strongly rooted in French political culture as a mobilizing symbolic force for meeting crucial domestic challenges. The motive of greatness was also closely linked with the principles of France’s autonomy and global responsibility, on which de Gaulle pivoted the positioning of the Fifth Republic in the post-war world.*

All this conflicted with the supranational Euro-Atlantic project, which was the main reason for the sharp negativism against de Gaulle’s strategy and rhetoric, accused of “archaic thinking” by his opponents. In fact, the “last great Frenchman’s” concept of “greatness” was quite unorthodox in its reasoning and content, which are of particular interest as part of his relevant ideological legacy. Instead of axiomatic superiority, restoration of former power, civilizing mission, he insisted on the importance of high goal setting, vast undertakings and historical actorness, which were in de Gaulle’s view the existential imperative of French history.

Keywords: *Ch. de Gaulle, Gaullism, national idea, foreign policy thinking, idea of greatness, “greatness of France”, politics of grandeur /greatness.*

Yury TAVROVSKIY**RUSSIAN-CHINESE TREATIES: MILESTONES AND ZIGZAGS OF HISTORY. I. FROM THE 17TH CENTURY TO WORLD WAR II**

Abstract. *The relations between Russia and China were recorded in numerous documents, among which treaties were of particular value. Some of them were gradually becoming outdated, others were denounced after several years, but some remained quite relevant for decades. As documents of the highest international legal level leaving an indelible mark on the bilateral relations, treaties are the most suitable tool to track and perceive clearly their dynamics. Part I of the article reviews treaty relations between the two countries from the beginning of diplomatic contacts in the early seventeenth century to World War II. While Russian-Chinese relations expanded especially rapidly since the middle of the 19th century the Non-Aggression Treaty of 1937 is especially noteworthy as it proved to be of great value for the interests of both the USSR and the Republic of China at a critical juncture in their history.*

Keywords: *Sino-Russian relations, Sino-Soviet relations, international treaties, good-neighborliness, settling of the border between Russia and China, allied relations, treaties between Russia and China, treaties between the USSR and China, Sino-Soviet Non-Aggression Pact of 1937.*

Yury TAVROVSKIY**RUSSIAN-CHINESE TREATIES: MILESTONES AND ZIGZAGS OF HISTORY. II. 1945 — 2021**

Abstract. *Continuing with the review of the most significant treaties between the USSR/Russia and China, the author highlights the distinctiveness and positive impact of the treaties of 1945 and 1950. The departure from them and the ideological rift of the 1960s and 1980s had dramatic implications for both powers. The author attributes special importance to the currently valid 2001 Sino-Russian Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation that mounted bilateral relations to an unprecedented high level. This even stimulated ideas either to supplement it with new articles or to conclude a new alliance treaty. While the idea produced discussions in the expert community and the media of both countries, the two parties have not shown readiness so far to enshrine in a legal act the newly acquired quality of bilateral relations. However, the escalation of U.S.-Chinese confrontation and the new “cold war” the West launched against Russia are calling for such a step, for the geopolitical prospects for Russia and for China are as closely linked as their past.*

Keywords: *Sino-Soviet relations, Sino-Russian relations, finalization of the border between Russia and China, treaties between the USSR/ Russia and the PRC/ China, allied relations, Sino-Russian Treaty of 2001, Joint Statement of June 28, 2021.*

Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV

BASIC SCIENCE IN THE USA: A CULTURAL PERSPECTIVE

Abstract. *The change in value and cultural stereotypes, which has taken the form of cultural wars, has affected almost all United States public spheres. In recent years, it has been increasingly affecting the field of basic scientific research, including the fundamental sciences such as physics and mathematics. Despite the leading positions of the United States in the world scientific ratings, immigrants have traditionally played a vital role in American fundamental science. Changes in immigration inflows, as a rule, contributed to socio-cultural shifts, which largely determined the subsequent level of fundamental research. The ongoing change in ideological guidelines, under the banner of “racial and ethnic diversity”, has already touched both the physical and mathematical communities. New “measures to improve diversity and inclusion” among faculty and students at American universities have been an important, but not the only manifestation of this trend. Such changes can have implications for the United States position in world science, as well as for its scientific, technological and economic development.*

Keywords: *basic scientific research, immigration of scientists, Nobel Prize, Soviet mathematical school, racial/ethnic quota, black physicists, spirit of McCarthyism, meritocracy, racial and ethnic diversity.*

Natalia TRAVKINA, Vladimir VASILIEV

DE-AMERICANIZATION OF THE USA: CAUSES AND CONSEQUENCES

Abstract. *The article analyzes fundamental shifts happening in basic values of today’s American society and its ideological paradigm. A survival confrontation has engulfed nearly all social and political groups. This value confrontation has taken the form of an ideological struggle around the concepts of cancel culture and critical race theory. The new trends associated with discourse of racial and cultural diversity are at odds with the centuries-old system of basic American values, which have defined the thinking of white Americans, the so-called WASPs. If the new trends eventually prevail, this will mean de-Americanization of America we have known. At least this would dramatically change both its self-identification and the outside perception towards the USA’s democratic political institutions.*

Keywords: *culture war, cancel culture, American values, historical memory, Declaration of Independence, critical race theory, systematic racism.*

Petr YAKOVLEV

SPAIN AND PORTUGAL IN THE POWER FIELD OF GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION

Abstract. *The author traces, from today's perspective, the course and ways of global and regional (European) influences on social development of the two Iberian countries — Spain and Portugal. Both states have been facing numerous domestic and external challenges at the beginning of the third decade of 21st century. Both have been engaged in strenuous efforts to overcome the grave social and economic consequences of the COVID-19 pandemic crisis. Both are on the threshold of new major transformations. The two Iberian countries are good case studies of the global and regional trends that would shape the trajectory of global development in the foreseeable future.*

Keywords: *Iberian countries, globalization, regionalization, European Union, 2008-2009 crisis, coronavirus pandemic, coronavirus crisis, post-crisis growth model.*

Nailya YAKOVLEVA

PORTUGUESE PRESIDENCY OF THE COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION AMID “EUROPEAN FATIGUE”

Abstract. *In the first half of 2021, Portugal assumed for the fourth time the presidency of the Council of the European Union, one of the seven key EU institutions. Lisbon's presidency came at a difficult time in the EU's history, marked by a great number of internal and external risks and challenges. The Portuguese diplomacy, in cooperation with the EU's governing bodies, has invested substantial efforts to solve political and economic problems arising from the coronavirus pandemic and to prepare the EU member states for a post-COVID era. However, these attempts to overcome “the European fatigue” have not been entirely successful.*

Keywords: *Council of the European Union, Portugal, fourth presidency, overcoming the COVID-19 crisis, U.S., China, relations with Russia.*

Ella ZADOROZHNYUK**PROVOCATION AROUND VRBĚTICE: DANGEROUS TURNS IN CZECH NANOPOLITICS**

Abstract. *The anti-Russian crusade launched by most Czech media and political elites several months before the October 2021 parliamentary elections is examined in various dimensions, including domestic and international political context, economic motives, historical and psychological backgrounds. The scandal around the events that took place years ago in Vrbětice is regarded as a mega-provocation and a kind of aggressive theatricals within the Czech nano-politics — the concept of nanopolitics has been introduced by the author in some of her previous publications on the Czech Republic's specific political dynamics. The author offers her forecast regarding political landscape after the 2021 parliamentary election and the future of Russian-Czech relations.*

Keywords: *Czech Republic, Czechoslovakia, Vrbetice, mega-provocation, nanopolitics, Russian–Czech relations, anti-Russian campaign, psychological complexes.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

№2/3 (25/26)

2021

E-journal «Perspectives and prospects»

№2/3 (25/26)

2021

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.

тел./факс: +7(495)789 80 87